

«НОВЫЙ ГЛАГОЛЪ»
литературный альманах
№ 2 — Париж, 2024 год

Ответственный редактор:
Александр Рыбкин

Члены редколлегии:
Владимир Алексеев,
Ирина Алексеева,
Татьяна Моженок-Нинэн,
Татьяна Жоброн,
Анна Нелидова,
Елена Улиссова-Пианко

Фотограф:
Борис Гессель

Обложка:
Даниил Иванов
Часовня Святой Урсулы
на территории Сорбонны. Фото

Борис Ландо (Шапко)
Портрет Булата Окуджавы

© 2024 Ассоциация «Глаголъ»
Alle Rechte in dieser Ausgabe vorbehalten
ISBN 978-3-910935-95-2
Gesamtherstellung Edita Gelsen e.V.
logobo@gmx.de

Printed in Germany

СОДЕРЖАНИЕ

Александр Рыбкин	«Новый Глаголь» продолжает свой путь	5
------------------	---	---

ПРОЗА

Елизавета Берг	Откуда берутся дети?	9
Галина Дрюон	Мой московский мальчик	20
	Встреча с Клодом Лелушем	31
Александра Люмель	Нить Ариадны	40
Людмила Маршезан	Игра на клавишах души	48
Владимир Ноговский	Парижские мосты	65
Елизавета Павлова	Смерти нет	74
Елена Улиссова-Пианко	Рыцарь ордена «летучая мышь»	93
Владимир Чернин	А чего это вы всё в чёрном, маэстро?	102

ПЕРЕВОДЫ

Мишель Бенар	Виктор Гюго и спиритизм	111
Беатрис Маршаль	Пробуждение души	117

ПОЭЗИЯ

Владимир Алексеев	Уходи по дорожке вдаль	123
Инна Белоусова	Сестрёнке	128
Мишель Бенар	Балерина	132
Лиза Берг	Венеция	133
Владимир Гудаков	Переводы стихов А. Пушкина с французского на русский	136
Виктория Канаева	Экспромт	142
Валентин Нассонов	Новороссийск	147
Елизавета Павлова	К 225-летию со дня рождения А. Пушкина	151
Ольга Сердюкова	Любование картиной	153
Наталья Тройницкая	Моя душа — левша	158
Елена Черемных	Поцелуй	161
Ида Юнкер	Путешествие	164

МЕМОУАРЫ

Ирина Баландина	Дорога скорби	169
Виктор Востриков	Контрреволюционер	182
Надежда Гревцова	Крутой поворот	190
Галина Дрюон	«На любовь своё сердце настрою»	197
Борис Ландо (Шапко)	Булат Окуджава.	
	Литературная зарисовка	215
Екатерина Эткинд	Короткие встречи	
	с Даниилом Граниным	217

ИСКУССТВО

Татьяна Бегова	Алексей Бегов:	
	О душе, о небе, о земле	223
Татьяна Моженок-Нинэн	Пленэр в творчестве русских художников	233
Елена Якунина	«Летописец Нестор». О творчестве Николая Дронникова	241
Эдуард Моженок	Путешествие по парижскому меридиану	251
Юлия Уточкина	Детская иллюстрация русскоязычной диаспоры: связь времён	258

О МУЗЫКЕ И О БАЛЕТЕ

Денис фон Мекк	Переплетение творческих и личных судеб П.И. Чайковского и С.В. Рахманинова	267
Людмила Маршезан	Встречи с балериной Ксенией Триполитовой	280
Елена Улиссова-Пианко	Танцовщица из Монружа	297

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Александр Рыбкин	О Борисе Гесселе	309
------------------	------------------	-----

Александр РЫБКИН

«НОВЫЙ ГЛАГОЛЬ» ПРОДОЛЖАЕТ СВОЙ ПУТЬ

Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!

И. С. Тургенев, 1882 г.

Дорогие читатели!

Эпиграф И. С. Тургенева, отвечающий призванию альманаха «Новый Глаголь», остаётся неизменным. Как и в первом номере, мы ведём разговор с читателями по-русски, расширяя круг общения и привлекая наших французских единомышленников: президента поэтического и эстетического кружка *Алиеоноры Аквитанской* Беатрисы Маршаль и вице-президента *Общества французских поэтов* Мишеля Бенара. Знаменитые французские поэты и писатели состояли в *Обществе*: Луи Арагон, Поль Валери, Жан Кокто. С начала существования *Общества* в него во-

шли несколько женщин. Об одной из них, Сесиль Соваж, матери известного композитора Оливье Мессиана, нам расскажет в этом номере Беатрис Маршаль. Блестящий переводчик Флориан Вутев перевёл на русский одно из стихотворений Мишеля Бенара. Владимир Гудаков, к 225-летию со дня рождения А. С. Пушкина, перевёл с французского на русский стихи великого поэта. Елена Черемных и Ольга Сердюкова представили свои переводы оригинальной поэтессы, преподавателя литературы лицея Генриха IV Николь Рандон. В нашем сборнике принял участие Денис фон Мекк, потомок в третьем поколении Петра Ильича Чайковского и баронессы Надежды Филаретовны фон Мекк. На страницах сборника — полифония авторских голосов, то полных лиризма, то юмора, то напряжённых размышлений, то прорыва к действию и человечности. Но мы не будем раскрывать все секреты альманаха, предоставив эту возможность читателям.

На обложке сборника фотография часовни Святой Урсулы на территории Сорбонны. Как вы можете догадаться, выбор не случаен: наша ассоциация «Глаголь» зарегистрирована и занимается своей культурной деятельностью в самом центре Парижа — Латинском квартале, интеллектуальным сердцем которого является Сорбонна.

На заключительной обложке вы видите портрет Булата Окуджавы, написанный в 1976 году Борисом Ландо (Шапко) во время его встречи с поэтом, столетний юбилей которого мы отмечаем в мае этого года в нашей ассоциации «Глаголь».

Альманах «Новый Глаголь» издан на средства от продажи первого номера, а также благодаря финансовой поддержке l'École Bilingue Internationale de Paris (BISP), с которой уже 10 лет сотрудничает Татьяна Моженок-Нинэн.

Приятного чтения!

Ваши отзывы и впечатления присылайте на мейл «Глагола» glalolparij@gmail.com

ПРОЗА

Елизавета БЕРГ-КИРПИЧНИКОВА

Вот уже четыре года (27 мая 2020), как нас покинула Лиза Берг-Кирпичникова, яркая личность. Двадцать лет она преподавала биологию в парижском университете, писала стихи, рассказы, хорошо рисовала, обожала музыку, цветы, грибы. Многие из «глагольцев» помнят её удивительное гостеприимство, щедрость её души и сердца. Лиза родилась в семье выдающихся генетиков. Мать, Р. Л. Берг, была правозащитником, художником и писателем. Отец, В. С. Кирпичников, — академик РАЕН. Дедушка, Л. С. Берг, — знаменитый академик, президент географического общества СССР. До последнего дня Лиза наслаждалась каждым мгновением жизни. По желанию мамы её сын Митя прочитал ей перед смертью «Приглашение в путешествие» Ш. Бодлера. А затем Лиза попросила включить «Реквием» Г. Форе. С этой прекрасной музыкой она и улетела в другой мир.

ОТКУДА БЕРУТСЯ ДЕТИ

Мои родители все время ссорились и ругались, папа постоянно нервничал и кричал на маму, а мама спорила и защищалась от немислимых обвинений. Мне кажется, что так продолжалось почти с самого моего рождения. Однажды в машине я даже прямо им сказал, что куплю пистолет, чтобы их убить. Мне тогда было года три.

Мама быстро спросила, очень серьезным тоном: «Убить? Нас обоих?»

Я сказал: «Да». А про себя подумал: «Чтобы никогда больше не слышать этих ужасных ссор».

«Какой же пистолет ты собираешься купить?» Я ответил: «Водяной». Имелся в виду желтенький игрушечный пистолетик. Мама засмеялась и успокоилась. Я тогда и не подозревал, что бывают другие пистолеты. И что убить можно и не понарошку.

Папа у меня ученый француз, занимается эволюцией мозга. Он на десять лет старше мамы. А мама — русская. Она тогда преподавала в Университете биологию клетки. Они почему-то плохо понимали друг друга, хотя мама французский язык знала в совершенстве. Папе очень хотелось ее понять и он применял свои познания в психологии, приобретенные на факультете во Франции. Однако, он так никогда и не понял, с кем имеет дело, хотя прожил с моей мамой семнадцать лет. Он не верил в ее искренность, полагая, что женщина по определению искренней быть не может. Таковы почти все француженки. А мама имела привычку резать правду-матку в глаза, психология ее мало интересовала, а мужчин она вообще никогда даже и не пыталась понять...

Мы с братом сначала страшно обрадовались, когда они вдруг все-таки решили устроить свадьбу и пошли регистрировать брак в мэрию. Тамошние чиновники не удивились — у них это называлось «регуляризацией ситуации». Мне к тому времени было уже почти 13 лет, а младшему братику — почти 7.

По дороге у нас состоялся забавный разговор. Мой братик, явно волнуясь, стал маме тихонько говорить: «Мама, ты только не вздумай там сказать «НЕТ!» (Имелся в виду всем известный вопрос: «Согласны ли вы стать женой?»)»

Тут уж я не выдержал и вмешался. Слух у меня был всегда отменный, я все слышал, как они ни старались секретничать. «Какая разница, — заявил я — что мама там ответит, все равно они разведутся через два месяца!!!» Как в воду глядел.

Не помню точно, сколько месяцев после свадьбы продолжалось относительное затишье. Но уже через полгода родители говорили о разводе все чаще и чаще. Однажды мама гладила белье в моей спальне. Пришел папа и, как обычно, затеял скандал. В разгаре перебранки папа вдруг смягчился и предложил маме перемирие. Я очень удивился и сказал: — «О каком мире идет речь? Нельзя же примирить огонь и воду».

Но... хватит болтать о моих злополучных родителях, мне с ними не очень повезло, но знаю, что бывает хуже. Все же они меня любили и любят по сей день.

Так вот, мне очень часто было с ними скучно и одиноко. Когда я сильно заскучал, я стал мечтать о маленьком брате. Идея возникла в моей голове именно тогда, когда я впервые осознал свое одиночество. Случилось это еще задолго до того, как мне исполнилось пять лет.

Перед Новым Годом у маминой подруги Инночки родился сын — Давид. Мама собралась навестить подругу в роддоме и взяла меня с собой. Мы зашли к Инночке в палату, и я увидел малюсенького, трогательного младенца. Впечатление было колоссальное. Очень он мне понравился.

Через несколько дней у нас на кухне состоялся важный для меня разговор. Днем, за обедом, смело глядя маме прямо в глаза, я неожиданно (для нее) задал столь волновавший меня вопрос:

«Мама, ты умеешь делать младенцев?» Звучало это так: «Maman, tu sais faire les bébés !!!»

Мама почему-то прыснула, глаза ее заблестели веселым блеском и она ответила: «Конечно, Васенька, ты ведь совсем еще недавно был младенцем, я еще не забыла, как это делается». Я обрадовался.

«Вот и хорошо, говорю, тогда сделай мне сию же мину-ту такого «бебешку». И показал, какого размера. Мама го-ворит:

«Как? Прямо сейчас?»

«Да» — говорю. Мама тогда мне объяснила:

«Это невозможно, Вася, ты, что, думаешь, мы сейчас насыпем муки, тесто замесим, сунем в духовку, и получится ребеночек?»

Я подтвердил. Именно так мне все это и представлялось. Но мама сразу меня немного «остудила». Сказала, что дети совсем не так делаются, что нужно долго-долго ждать — целых девять месяцев, пока они «поспеют» или там созреют. Где? Меня это не очень интересовало. Вам же не интересно знать, где доят тех коров, молоко которых вы пьете. Или где делают те игрушки, в которые так интересно играть.

Я сразу сказал маме, очень пылко и убежденно, что это пустяки, я — терпеливый, подожду уж девять месяцев, хотя не очень-то ясно понимал сколько это времени — ждать.

Но мама опять меня попыталась «охладить», объяснив, что ребеночка делают вдвоем, папа и мама, и что без папиного участия и согласия никак ей одной не справиться с этим делом. Вот этого я не ожидал. Очень удивился, конечно. Причем тут папа? Совершенно мне это было непонятно. Но я знал, что мама — она всегда говорила правду, я ей поверил, и... не растерялся.

«Ну, что ж — говорю — я папу уговорю...»

Мама засмеялась, уж она-то папу хорошо знала, и мне — не поверила. А я стал дожидаться папу.

Часа через три-четыре папа, наконец, явился домой. Как только он появился на пороге, я бросился к нему, и звонким голосом вопрошал: «Папа! Ты pomoжeшь маме сделать ребеночка?»

Папа завопил на всю квартиру: «He-ет!!!» «Но почему-у? Папа!!!» А он — мне, резко так: «Дети, это вонища!!!». Ужас какой, как с таким разговаривать?

Я очень разволновался, стал его уговаривать: «Ну папочка, ну, миленький, пожалуйста, мне так хочется братика, маленького, вот у Инночки я видела Давидика, он же прелестный, такой хорошенький!!!» Но папа был непреклонен. Нет и нет. И довольно об этом. Все.

С этого дня я приставал к папе с той же мольбой чуть ли не каждый день. Долго это продолжалось. Я упорно добивался своей цели — моего братика. И в конце концов своего добился. Но по-порядку...

Однажды мама разбирала старые фотографии и показала мне одну. На этом снимке она лежала на боку, на кровати, в тонкой ночной рубашке голубого цвета. Сбоку у нее почему-то выпячивал огромный круглый живот. Я спросил: «А я где был, когда ее фотографировали?» Мама ответила с загадочной улыбкой, что я был именно там, в ее животе. Даже пальцем показала на фотографии.

Я страшно испугался и завопил что есть мочи: «Мама! Зачем ты меня съела?»

Это был кошмар. Она так хохотала! Объяснила. Так я узнал, что детей выращивают в мамином животе.

«Maman, je t'aime passiondémon !» — так я ей говорил и целовал ее лицо. (Не в губы, она мне с двух лет запретила ее ТАК целовать.) В то время по телевизору на второй программе хор пел такой девиз-рефрен: «A2-A2 — passionnement!»: что имеет на французском такой подтекст: «вдвоем — со страстью».

К тому времени я уже задумал такой сценарий, когда я вырасту, у меня будет двадцать детей. Я поведал об этом маме. Они будут вместе со мной ездить в большом грузовике. Мама посоветовала автобус. «Да, — это лучше, — сказал я — купим автобус, посадим туда всех моих детей и тебя, мама тоже с нами возьмем, и будем ездить куда захотим».

«А меня-то зачем туда в автобус сажать?» — спросила мама. Вот непонятливая!

«Ну, как же, мам, ведь это ты будешь рожать мне всех этих детей». Как она удивилась! Смеялась, как всегда. Хохо-тушка. Моя мама была очень красивая, я серьезно собирался на ней жениться, а она и не догадывалась...

Месяцев так через восемь или девять, когда мне уже давно было пять лет, родители как-то ухитрились заделать этого младенца. Моего братика. «Чудом» — по словам мамы. И он родился — как раз к моему шестилетию! Я его все-таки дождался! Митя появился за 4 дня до моего дня рождения. Мама поехала в роддом в тот самый день, когда я впервые пошел в начальную школу. В первый раз в первый класс. В праздничный год 200-летия Французской Революции. Вот это была радость, самый роскошный подарок к моему Дню рождения!!! Я был страшно доволен, просто счастлив. Сбылась моя главная мечта.

Кроме меня, об этом младенце мечтала только мама. Она все время улыбалась и слушала красивую музыку. Мы с ней во время ожидания очень сблизились. Я приставлял ухо к ее животу и слушал, как там мой братик растет, шевелится и как у него сердечко бьется.

Старший мой полубрат в свои 14 лет совсем не одобрял эту затею — увеличение семьи. «Зачем делить на троих то, что мы делим на двоих?» — такие у него возникали мудрые мысли.

Папа с мамой во все время «выращивания» почти и не разговаривал, у него была очередная «депрессия», так его ужасало неминуемое появление еще одного ребенка. Придется теперь за него отвечать, деньги на него тратить, волноваться за чем-то о нем и прочие многие жертвы и неприятности. Но мама не обращала на это никакого внимания. Депрессия у папы, оказывается, уже была, когда мама шесть лет назад ждала моего появления на свет. И тогда он был еще мрачнее, совсем маму не замечал и с ней не разговаривал, она потом мне рассказывала.

А в последний раз, в самом начале маминой беременности маме сделали «снимок», и братика Митю — размером в три миллиметра — в ее животе «сфотографировали». Это его первое изображение — «экография». Мама пришла домой и сказала папе, что вот, случилось, она ждет ребенка. Что тут было?! Он ужасно возмутился, заявил: нет, так не пойдет, он ни за что не хочет этого ребенка, от зародыша надо избавиться. Если у него будет еще ребенок, он покончит с собой. Ему ведь тогда уже шел 52-й год. Или — ребенок, или — он, маме надо выбирать.

Мама ему спокойно отвечала, что в ее возрасте (за срок) ей сделают вскоре анализ, чтобы проверить все ли в порядке у ребенка с хромосомами, посмотрят кариотип, и сразу скажут, кто там сидит у нее — девочка или мальчик. Так вот, если у нее — девочка, то «режьте меня на куски, все равно я ее оставлю и буду счастлива при всех обстоятельствах, а если — мальчик, то тебе — решать, мальчиков у нее и так двое, как ты скажешь, так и будет! А насчет самоубийства, то это — его личное дело, он уже пожил на свете достаточно, некоторые и не доживают до его возраста, Пушкин, к примеру, уже в 37 лет на тот свет отправился, а Христос и того раньше... А «зародыш» — это ее дитя, которое хочет жить, ему еще все предстоит, в отличие от папы, у которого самое интересное в жизни уже было...». И так далее, в таком же роде.

Ну, тут папашу взорвало, он как заорет на маму: «Что это такое, ты что сказала? Мальчика убить, а девочку спасать??? Это же чудовищно!!! Это — сексизм, фашизм, и (уж не знаю, какие еще «измы» он припомнил), и вообще — геноцид по признаку мужского пола!!!» Мама очень обрадовалась на такую реакцию и говорит: «Так что я слышу? Мне кажется, ты встал на защиту нашего будущего ребенка, вернее моего “зародыша”? Но это же великолепно, я прямо в восторге, получается, что ты и мальчика защищаешь, так в чем же дело? Разногласий, выходит, у нас нет как нет, мы во всем согласны, и можем пожать друг другу руки!».

Ну, он и сник, больше уже ничего не говорил...

Потом на стадии 8 недель маме в больнице был сделан анализ корешков хориона, и, невзирая на запреты врачей, родители уехали с нами на каникулы. Через неделю после анализа мама спустилась с Пиренейских гор, где каталась на лыжах со мной и с моим будущим братом в животе. Дома вынула из почтового ящика конверт с результатами того самого важного анализа хромосом моего братишки. Тут же вскрыла его дрожащими от нетерпения руками и прочитала, что анализ показал, что у ребенка «нормальный мужской кариотип». Тут она как заорет: «Мужской — это ненормально!!!» А потом уж стала смеяться — и над собой и над своей судьбой, не стала убиваться о не рожденной Полине, как в прошлый раз, говорила: «Ладно, не буду я горевать, зато Васина мечта исполнена — вот тебе и брат. А и дешевле выращивать — игрушек полный дом: одних машинок и самолетов — сотни, одежда передается от мальчиков, а на девочку все покупать пришлось бы...»

Так мама похоронила мечту о девочке. Третий сын, такая судьба. Дочери Полины у нее уже не будет никогда,

а жаль, некому передать «свое» — девичье, женское богатство. Но она не унывала: ведь моя-то мечта о брате сбылась, она заказ выполнила. А мой старший брат — красавец Максим — тоже вначале мечтал о брате, и получил меня, Васю, но слишком поздно, ему было уже восемь с половиной лет. Вначале он маму ревновал, выдавал фортели, перевернул даже мою люльку-корзинку, потом он совсем вырос и перестал мной интересоваться, отчего я и заскучал.

Пока Митя — мой младший брат еще не родился, нас у мамы было двое детей. Я нашел фотографию, где Максим — мой старший брат был с мамой на большом пароходе. Он там совсем еще маленький, только умел на ножках стоять, но ходить еще сам не умел. Мне было три с половиной года, я лежал в кровати перед сном и позвал маму, чтобы она мне объяснила, почему же меня не взяла она с собой на пароход? Сердце мое переполнилось завистью и обидой. Мне страшно захотелось на этот красивый пароход.

Мама стала мне объяснять, что в то время, когда Максим был таким маленьким, я еще не родился, она меня не могла взять, потому, что не знала меня... меня, мол, еще не было на свете. Тут я заплакал, и стал кричать, что это неправда, я был всегда, как это может быть, что меня не было, это неправда, зачем она меня обманывает, я же был всегда!!! Она стала меня целовать и погладила, чтобы я не нервничал. Сказала спокойным голосом: «Я тебя не обманываю, поверь мне, я, правда, не знаю, где ты был, но если ты знаешь — где был, пока я еще не знала тебя, то вспомни, пожалуйста, и Расскажи мне — где ты был?»

Я молчал, не знаю, что я тогда думал, но рассказывать маме о том, чего мне никак не удавалось вспомнить, я был не в состоянии. Одно мне казалось ясно — не может быть, чтобы было такое время, когда меня не было. Горе мое было так велико, что свалило меня, и я провалился в сон как-то незаметно для себя самого.

Брата Митю я очень любил, много играл с ним, учил его всему. «Маленький папочка» — так он меня называл. В раннем детстве (с 2-х до 7 лет он был очень похож на меня, почти как мой брат-близнец, только на 6 лет моложе).

А когда Митя — мой столь желанный братишка немного подрос, мама рассказала ему ту самую историю с парходом, о котором я плакал. При мне. Мите вся эта история очень понравилась, и тут он весело заявил: «А я знаю, где я был до того, как родился!» Вот хвастунишка, подумал я. «Я был у мамы в животике!» — уверенно заявил Митя, ничуть не омрачая себе душу мыслями о начале и конце. Да, сказала мама, все правильно, но ты там был короткое время, всего девять месяцев. «Нет, — возразил Митя — я там был в с е г д а!» Торжествующая, улыбчивая радость жизни. Вот вам пример различного подхода к истории жизни.

Будущий певец Митя рос удивительно счастливым ребенком, я его просто обожал, мне все в нем нравилось, он до трех лет вообще ни разу не плакал, только веселился, пел и всегда был всем доволен. А с трех лет начал влюбляться, всерьез и надолго. Первая любовь, причем — взаимная, длилась у него с трех до шести лет.

Мама нам читала русские книжки перед сном, а иногда рассказывала про нас всякие смешные истории. Мне было лет девять, когда она нас спросила: «Хотите, я вам расскажу, как на свет появился Митя?». «Еще как, конечно — расскажи!»

«Папа однажды уехал в Канаду в командировку, недели на три-четыре. Мама осталась дома с детьми одна. Там он без мамы скучал. Сильно соскучился... Когда вернулся, он так был полон любви к маме, что в пылу страсти шепнул ей: «Давай, я хочу сделать тебе девочку».

Знал, конечно, как маме этого хотелось, дочку родить. Васе тогда уже исполнилось пять лет и три месяца. Мама, конечно, очень обрадовалась, и говорит папе: «Давай! Я согласна». Ну вот, так и вышло.

И тут я не выдержал, и мрачным голосом, полным безнадёжности, с моего верхнего яруса подал реплику:

«И ничего из этого не вышло!»

А снизу — радостный вопль, Митин высокий и звонкий голосок: «Вышло, вышло! Это же я!»

Примечание: это был торжествующий вопль души вечно поющего ребенка, совершенно не придающего значения своей принадлежности к мужскому полу. Наш соловушка искренне считал в то время, что девочки — лучше мальчиков, и им завидовал. У человека, в отличие от соловья, душа, рожденная, чтобы петь и любить, не обязательно наделена половыми признаками. У соловьев же поют только самцы.

Галина ДРЮОН

Родилась в Бурятии. Училась в Москве. С 1997 года живёт в Париже. Президент Европейской ассоциации ГРАЛТАН. С 2002 года проводит во Франции ежегодные фестивали «Все краски России», привозит во Францию этнические коллективы, чтобы знакомить зарубежную общественность с богатством культур многонациональной России. Награждена Почётной грамотой Правительственной комиссии МИДа России за работу по укреплению культурных связей между Россией и Францией. Член Ассамблеи народов Евразии. Директор международного фестиваля «Краски Евразии».

МОЙ МОСКОВСКИЙ МАЛЬЧИК

Я долго его называла: мой московский мальчик. Он и был типичный интеллигентный московский мальчик. Тонкость необыкновенная в лице, длинная шея. Помню, как только увидела его в первый раз, в памяти сразу всплыло запомнившееся с давнего школьного урока слово с тремя «е»: «длинношее».

Он неспешно приблизился к столу секретаря приемной комиссии, который за минуту до этого привстал с места и громко на весь зал провозгласил: «Эй, кто-нибудь едет сейчас на Ленгоры? Отзовитесь!».

И он подошел. Худенькая гибкая фигура. Такое длинношее. Остановился перед секретарем и меланхолично

так: «Ну, я еду на Ленгоры...». Секретарь сказал ему, показав на меня: «Вот ее надо отвезти в главное здание на Ленинских горах». Мальчик так же меланхолично повернул голову, посмотрел со своей высоты на меня. Секретарь, заметив движение, и, наверно, приняв за недовольство, объяснил: «Она только что с поезда». И добавил: «Четыре дня ехала».

Лицо мальчика оживилось:

— Четыре дня? Это откуда целых четыре дня?

— Из Сибири.

— Ну, Сибирь большая... а конкретно откуда?

— Из Иркутска.

И мы пошли к выходу вместе. Он мне задавал вопросы, а я о чем думала, друзья? Люди, я думала о моем чемодане! Мне жутко захотелось чтобы кто-нибудь украл мой грубый деревенский чемодан, который я, войдя в здание, спрятала под лестницей. Я была тонко чувствующей девочкой я стеснялась своего неэстетичного, на мой взгляд, чемодана.

Дело в том, что я действительно всего несколько часов назад вышла из поезда «Россия», который через всю страну привез меня прямиком на Ярославский вокзал.

Мне семнадцать лет. Жаркий июльский день. Стою на перроне, рядом мой чемодан огромный, жуткого коричневого цвета, с металлическими заклепками по углам он мне почти до пояса, впрочем, я просто маленького роста. Выхожу на площадь, упоенно разглядываю старинные купола Ярославского вокзала, слева высится здание Ленинградского, а вдалеке через площадь краснеет Казанский вокзал. Красота неопишуемая. Стою долго, с удовольствием разглядывая людей, снующих вокруг: москвичей и немосквичей, бегущих, спешащих в разные стороны, каждый по своим делам. Я ничего ни у кого не спрашиваю, так как уже давно по книгам, журналам знаю, что эта площадь трех вокзалов называется Комсомольской.

Я стояла и смотрела. Сердце мое улыбалось. В те минуты я не думала, что вот это, наверно, и есть счастье. Просто в это мгновение сердце, переполненное радостью, улыба-

лось, искрилось. А я внутри чувствовала, что еще много таких мгновений буду проживать я наконец приехала в вожделенную мою Москву!

Почему-то даже не приходит в голову мысль сдать чемодан в камеру хранения, я спускаюсь в метро и тащусь с ним в самый центр на Моховую улицу, тогда она называлась Проспект Маркса. Чемодан стучит, нещадно бьет меня по ногам, но я терпеливо и упорно перетаскиваю его по всем высочайшим лестницам метро. Чемодан мешает идти, но я этого не замечаю. Я в полном восторге: метро волшебнo-прекрасно, прекрасно-волшебнo! Много позже я увижу метро в разных городах мира: Праге, Хельсинки, Пекине, Париже, Ленинграде, Марселе, Риме, Берлине, но, люди, в Москве самое восхитительное метро!

Конечно, сразу замечаю: в Москве мода на короткие юбки. Впервые вижу. До сибирской глубинки эта мода еще не дотянулась. Почему-то совсем не удивляюсь, я ничему не удивляюсь, только смотрю во все глаза, мне все нравится, я испытываю необыкновенное ощущение легкости и свободы.

«Я буду здесь жить!» — думаю я, еще не зная, что да, я буду здесь жить и проживу в этом городе двадцать счастливейших лет.

Наконец вхожу в залитый ярким солнцем двор МГУ на Моховой. Навстречу пробегает девушка с длинными волосами, распущенными по плечам, она в мини-юбке. Я так и застыла с открытым ртом. Даже не поняла, что меня поразило больше: ее золотые почти до пояса волосы или юбочка выше колен примерно на двадцать сантиметров, минимини! Это Москва, детка. И солнцем залитый двор, и студенты, то есть абитуриенты, сидящие с ногами на деревянных скамейках. И я стою в воротах, как та Фрося Бурлакова из фильма «Приходите завтра», с огромным чемоданом, «в мамином выходном платье», только связки валенок за спиной нет...

Запрятав свой чемодан под лестницей на первом этаже, я по широкой мраморной лестнице поднялась на второй этаж, чтобы предстать перед приемной комиссией в университет.

...И вот теперь мы с этим московским мальчиком уже спускаемся вниз по лестнице, и я мечтаю только об одном: чтобы ктонибудь украл мой жуткий чемодан! Я прямо возненавидела его за считанные минуты. Увы, он стоял на том же месте под лестницей, никому не нужен. Я действительно была тонко чувствующей, начитанной девочкой, и мне хотелось провалиться, так сильно застеснялась я своего некрасивого чемодана. А мальчик просто поднял его и понес. Я молча поплелась за ним. А он даже взял меня за руку, как маленькую, чтобы перевести через улицу.

От станции «Проспект Маркса» до станции «Университет» ровно сорок минут. Мы едем в метро. Я болтаю без умолку, просто балаболю, чтобы не молчать, только бы ему не стало скучно со мной! Рассказываю вздохом про Сибирь, про Байкал, про тайгу, о том, как мечтала уехать и жить в культурной столице мира. Видите ли, мне не хватало культурной жизни в родном городе!.. О том, как ехала в поезде через всю Россию, и очень кстати вспомнила, что читала философа Мишеля Монтеня, и заговорила о нем, а в связи с ним и о своей жизненной философии, и о своих родителях, которых тут же возвела в ранг самых умных и самых чутких. Еще бы! Они отпустили меня в такую даль, за пять тысяч километров. И напоследок, уже подъезжая к университету, успела ему довольно таки стройно пересказать монтеневскую теорию о возможном переходе диалектического материализма в лоно идеализма. Думаю, надо человека впечатлить. Он смотрел на меня своими большими миндалевидными глазами и да! был таки впечатлен. Настолько сильно, что вместе с комендантом сопроводил меня до комнаты, не только поселил, но, оказывается, даже запомнил номер комнаты и уже вечером пришел и го-

ворит: «Я пришел проверить, как ты к экзаменам готовишься, учишь? Учи давай! ты должна поступить, понимаешь?». На мой робкий вопрос: «А можно пойти погулять?» он сделал строгое лицо и приструнил: «Никаких гуляний! Учи давай!»

Так мы познакомились с московским мальчиком. В самый первый день моего приезда в Москву, в июле 1967 года. Спустя три года, уже став моим мужем, он мне признался: «Слушай, а я же в тебя влюбился тогда, пока мы эти сорок минут до университета ехали.... смешная такая... не дала ни словечка вставить... все разом и в одну кучу... ты была похожа на жеребенка, который скачет от радости, что его первый раз выпустили из стойла... только что ногами не взбрыкивала!».

Экзамены успешно были сданы, и вот мы уже студенты. Мы пошли прогуляться по Ленгорам.

Боги, какой вид открылся, когда мы подошли к парапету набережной! Москва-река, Лужники, весь город был внизу перед нами!.. Лучший город земли! Склоны Ленинских гор сплошь покрыты пушистым кустарником, как зеленым ковром. Мы смотрели, как рассеивается утреннее марево, как постепенно туман оседает прозрачными каплями в воздухе. Были слышны трели скрытых за ветвями птиц, какие-то щемяще-робкие трели, очень похожие на мои чувства в тот момент. Я и не подозревала, что московский мальчик испытывает такие же чувства. Солнце ярко светило, птицы успокаивались, стихали их песни под натиском солнечного света. Незабываемая наша счастливая прогулка.

Мы возвращались к университету, как всегда болтая без умолку обо всем на свете. Медленно шли вдоль Ботанического сада МГУ, и вдруг он вырвался на несколько шагов вперед и, повернувшись ко мне и показав рукой на высившееся перед нами громадное здание, воскликнул: «Ты знаешь, это я построил этот университет! для тебя!»

— Да?? И эту набережную? — в тон ему радостно подхватила я.

— И эту набережную!!

— И Лужники?!

— И Лужники! И этот город!

Он опять и опять забежал вперед и, раскинув руки в стороны, восклицал: «Это все для тебя», и я верила, да! Это для меня он создал этот город так тщательно, кропотливо, широко и нежно! Я была счастлива. В тот момент весь мир был для меня. И этот мальчик тоже был для меня: притягательный, остроумный, интересный бывают же такие!

Мы весело изучали друг друга, болтали, любопытствовали, учились. Мы играли в длиннющих переходах университета, бегали по открытой крыше двадцатого этажа МГУ оттуда вся Москва видна, да что там весь мир был перед нами... Мы выстраивали наш мир. Мир двоих.

Он пригласил меня в Третьяковскую галерею. Я впервые пошла в московский большой музей. Он посмеивался: ты же хотела приобщаться к культурной жизни столицы, вот и надо. А я нисколько не против, я с превеликим удовольствием-с!

Там среди выдающихся мировых полотен выдающихся художников мира он корчил мне рожицы, мы прятались среди скульптур, самозабвенно и с наслаждением дурачились.

А потом пришел Новый год. Апельсиновый дух пронизал и заполнил всю комнату и даже весь коридор, везде были видны оранжевые корочки, как праздничные огоньки. Еще никогда в жизни до этого я не видела столько апельсинов... просто апельсиновый рай.

Ночью в холле организовались танцы. Мы танцуем с ним в толпе медленный танец, и вдруг он шепотом мне в ухо: «Я хочу, чтобы мы были с тобой вдвоем, только вдвоем... Хочешь, пойдем наверх?»... И мы побежали. Мы бежим на двадцатый этаж, весело смеясь, и кто-то бежит по лест-

нице за нами, громко топая. Но, когда мы, запыхавшись, выбегаем на площадку двадцатого этажа, там никого. И мы танцуем, кружимся, мы вдвоем!

Глубокая ночь. Над нами небо, усеянное звездами. Далеко внизу сверкающий огнями город. Мы разглядываем празднично сияющую Москву. Он поворачивается ко мне. Мы стоим лицом к лицу. И я вижу, что его лицо наклоняется ко мне. Волнение перехватывает мне горло, сердце стучит так, что, думаю, ему слышен стук моего сердца. Я волнуюсь, мне страшно, как бывает перед прыжком, и я закрываю глаза и сильно отклоняюсь назад лицом.

Он не поцеловал меня! Я открываю глаза и вижу, что он остановил лицо в своем движении и пристально смотрит на меня... Почувствовал, что мне страшно? Ему тоже стало страшно?

Мы молча возвращаемся обратно. Он держит меня за руку.

Потом я все размышляла, почему же мне было так страшно? И лишь много позже поняла: на меня неудержимо надвигался неизвестный мир... я чувствовала себя беспомощной перед этим неизведанным миром, если хотите. Чистота пока еще окружала нас.

По вечерам на нашем семнадцатом этаже в универе была традиция все желающие подискутировать выходили в холл. Часами сидели-спорили на разные темы, знакомились, узнавали лучше друг друга. В холле стояли такие солидные широкие кресла, там очевидно должны были сидеть очень толстые люди. А мы с ним помещались в одном кресле. Когда не было мест, мы вдвоем садились в одно кресло, и от наших прикосновений трепетала душа. Однажды он повернул лицо ко мне, и я увидела: счастье написано на его лице!.. Нам уже никто не был нужен.

Наступило особенное время. Во всём, что меня окружало, я видела его, как будто он воплотился во все, всё вокруг стало его отражением. Эти ожидания, когда бессчет-

ное количество раз подбегаешь к двери и прислушиваешься к шагам в коридоре, невыносимое испытание для влюбленной девочки. Но я не знаю более восхитительной вещи на свете.

От музыки его голоса тело мое становилось невесомым, могла бы, думаю, и взлететь невзначай... Такая недосказанность, нежность... Мы ничего не замечали вокруг.

И это он, мой московский мальчик, позвал меня в кино. И это был настоящий драгоценный подарок. Потому что с того дня «Мужчина и женщина» мой любимый фильм на всю жизнь. Я очень люблю Клода Лелуша, неописуемо красивых актеров, Анук Эме и Жан-Луи Трентиньяна и их романтическую историю, от первого и до последнего кадра. Это такая утонченная история в духе Ремарка: о сиюминутности счастья...

Два одиноких человека у нее недавно погиб муж, у него погибла жена приезжают в пансионат в Довиле, чтобы увидеть своих детей. Однажды вечером она опоздала на поезд, и он подвозит её до Парижа. И вот они едут в машине... Они молчат. Но мы читаем их мысли через мимику прекрасного лица Анук Эме. Она просто обворожительна. То опускает глаза, то взглядывает на него и улыбается, и тогда в ту же секунду он улыбается тоже.

Вдруг он кладет свою руку на ее тонкое запястье. Сердце замирает. Мы волнуемся, кажется, больше чем они сами. Мы видим, как возникает робкое между ними чувство.

Однажды вечером Анна так ее зовут узнает о его победе на автогонках в Монте-Карло и посылает ему телеграмму: «Браво! Я люблю вас».

А он, Жан-Луи, получает телеграмму и... срывается к ней! Он мчится в Париж. Через всю Францию спешит он ночью через все города, через все светофоры к своей женщине!

Он летит по дороге со скоростью двести километров и все время думает о ней: «Она необыкновенная, она послала мне телеграмму: я люблю вас. Я бы так не смог!». Размышляет о том, что будет, когда он доберется до Парижа, как он поднимется и позвонит в дверь...

Мы видим его лицо сквозь стекло, залитое дождем. Сидя за рулем, он представляет: «Я позвоню в дверь. Она спросит: кто там? И я отвечу: это папа Антуана...».

Это удивительно волнующе снято. Ты испытываешь необыкновенный трепет, вместе с ним испытываешь нетерпение сердца. Он мчится через всю страну к своей любимой!

Помните ли вы знаменитую мелодию из этого фильма? Она так и звучит у меня в ушах: «Шаа-ба-да шабада бада, шабада бада, Ша-ба-да шабада бада, шабада бада...». Уверена, что помните! как помнят и знают ее многие и многие! Музыка чуть ли не главный персонаж фильма вместе с прекрасными актерами.

А единственная в фильме сцена их близости показана так эротично, красиво, так нежно, что от этой чистоты и нежности останавливается дыхание, поверьте.

Фильм произвел на нас сильнейшее впечатление, сильнейшее! Такой поэтичный светлый фильм о рождении самых лучших чувств между женщиной и мужчиной. Как они находят друг друга и как теряют...

Мы молча выходим из кинотеатра. Чувства переполняют нас. Он взял меня за руку. Я боюсь даже посмотреть на него, так волнуюсь. И он меня поцеловал в первый раз. Я, помню, удивилась: какие мягкие губы! Да, у него были очень мягкие губы.

Кстати, я вспомнила об этом через много-много лет, когда в своем последнем фильме «Мужчина и Женщина. Лучшие годы» уже очень старый Жан-Луи Трентиньян сказал: «У меня в молодости были сочные губы».

Представьте себе, девяностолетний актер, вспоминая свою молодость, говорит: «У меня были очень сочные губы». В тот момент я подумала: у моего московского мальчика были мягкие губы, тоже, значит, «сочные»...

Необыкновенная лирическая мелодия Фрэнсиса Лея вновь звучит во мне, она до сих пор жива! Вся наша юность прошла под эту нежнейшую музыку. И под это незабываемое: «Шаа-ба-да шабада бада, шабада бада, Ша-ба-да шабада бада, шабада бада...» воспоминания роятся, накрывают теплой светлой волной плывут во мне воспоминания о моем московском мальчике. Наша история, она тоже в духе Ремарка, очень французской тональности.

В комнате мы вдвоем. Мы пришли после фильма «Мужчина и женщина». Он стал целовать меня, мы целовались долго, потом легли на кровать. Не было ничего, кроме счастья обнимать друг друга. И я до сих пор помню то мое чувство безграничного доверия к нему...

Потом он сказал: «Я пойду. У меня все болит».

— Что болит?

— Ничего. Ты не поймешь...

Конечно, я поняла, но, согласно моему строгому воспитанию, не могла пока мы оба инстинктивно еще сохраняли чистоту и нежность, которые все еще окружали нас. Потом, позже, когда все случилось, была сначала какая-то неловкость, были какие-то трогающие слова, но зато я помню стихи. Да, были стихи! Он, сидя голый на кровати, читал мне стихи, размахивая руками, подражая поэтам Андрею Вознесенскому и Евгению Евтушенко, которые были тогда нашими кумирами. И от музыки его голоса я снова летела куда-то...

Мы сняли комнату в подмосковном городке и будто отгородили себя от всех, от большого города с его красотою, но нисколько не страдали от этого, наоборот! Мы жили в мире, наполненном и населенном только нами

двоими. Никто никогда не был мне так близок, как этот московский мальчик. Не было на всей Земле никого такого же, как он.

И все, что окружало нас: старый сад, старенький дом придавало радостный смысл нашей жизни. Мы любили друг друга. Сердце улыбалось, искрилось. Было Счастье неоценимое богатство, люди! Дом был тесный, деревянный. И кровать была узенькая деревянная. Но мы жили в такой тесноте объятий, мы были единое целое, без слов читали мысли друг друга, и в любую минуту, да что там в любую секунду были готовы отдать друг другу все, что есть у тебя и в тебе, и отдавали, и это было так естественно, а ночью так тесно прижимались друг к другу, что даже оставалось еще место на этой узкой кровати. И были такие нежные соприкосновения души, что я однажды от переполненности чувств заплакала, и он всполошенно вопрошал, что случилось, но я не могла ему толком объяснить... Как объяснить, что просто хорошо сейчас так, что никогда больше не будет так хорошо, может, будет лучше, может, хуже, но так хорошо сейчас... Он прижал меня к себе, спросил: «Что будем делать? Если так сильно любим?».

Мы зажгли очень высокий костер, да.

Никогда не забыть мне тихий восторг утреннего пробуждения, когда за окнами сумрак, идет дождь, и капли стекают по стеклу. Мы просыпаемся вместе, он мой муж уже четыре года. Я внимаю его тихому шепоту, его губы щекочут мое ухо, потом мы оба замираем и слушаем, как наша маленькая дочка посапывает в коляске.

Однажды я начинаю рассказывать подросткам, пятнадцатилетней, внучке, и она рациональное дитя эпохи интернета останавливает меня вопросом: «А ты не слишком романтизируешь события?.. Почему же расстались, если так сильно любили?»

ВСТРЕЧА С КЛОДОМ ЛЕЛУШЕМ

Клод Лелуш через полвека после выхода первого фильма решил снять продолжение фильма с теми же актерами. Анук Эме и Жан-Луи Трентиньян — оба уже в очень серьезном возрасте. Ему девяносто лет! Ей — восемьдесят восемь!

Однако Анук Эме почти не изменилась. Все то же неопишуемой красоты лицо. Конечно, пожилая, мы видим, ведь прошло пятьдесят лет. Но, Боги, какая восхитительная женщина!

Жан-Луи Трентиньян наоборот изменился очень сильно, даже больно смотреть на него. Безжалостная камера не скрывает морщин и старческих темных пятен на лице.

«Лучшие годы — это те, что нам остались. Те, что еще не прожиты», — эти слова Виктора Гюго звучат в эпиграфе фильма. В фильме Жан-Луи находится уже в доме престарелых. Он с каждым днем все больше теряет память, забывая даже то, что сказал минуту назад. Анна едет в тот дом увидеть Жана-Луи, а он... не узнает ее! Да, он не узнает Анну.

— Кто вы? — время от времени спрашивает он и мучительно морщит лоб. Но, видимо, проблески памяти вспыхивают и напоминают что-то, потому что внезапно он говорит: «Вы похожи на женщину, которую я любил когда-то больше своей жизни...».

Воспоминаниям об этой любви и посвящен фильм. И мы вместе с ними вспоминаем. Вот они едут в машине... Вот снимают номер в отеле «Нормандия» в Довиле, но она не может ответить его чувствам. Ее преследует память о муже, который погиб. И она уезжает в Париж. Навсегда...

Навсегда? о нет! Жан-Луи не хочет потерять свою Женщину! Он бросается к машине и опять, как тогда ночью, со скоростью двести километров мчится в Париж. Он обгоняет поезд!

В Париже Анна выходит из только что прибывшего поезда и видит... Жана-Луи, который два часа назад посадил ее на этот поезд в Нормандии. Они бросаются друг другу в объятия... Это Любовь.

Почему же они расстались?.. Почему люди расстаются? Этот вопрос, кажется, больше мучает самого режиссера Клода Лелуша. Сумеет ли он ответить на этот вопрос?

В памяти Жана-Луи происходят редкие всплески. Он говорит: «В молодости я любил Женщину. Прошло уже пятьдесят лет, а я до сих пор помню нашу первую встречу, как будто это было вчера». Девяностолетний старик говорит Анне: «Мы не смогли жить вместе, так, может быть, мы умрем вместе»?

Анна и Жан-Луи — оба одиноки, как и пятьдесят лет назад. Они снова встретились, и светлая надежда рождается в наших душах, но, боги, я чуть не заплакала, когда он спросил ее: «Вы новенькая?». Они сидят в саду дома престарелых после поездки в отель «Нормандия», и он, пристально глядя на нее, будто впервые видит, спрашивает: «Вы новенькая? Вы наш новый врач?».

И так защемило сердце... от того, что ничего у них не будет и быть не может. Ничто не возвращается. Ни молодость, ни прошлое. И от этого тоскливого чувства, слушайте, так грустно...

Несмотря на всплески чувств и желаний, Анне и Жану-Луи остается только вспоминать. И весь фильм состоит из воспоминаний, а в финале — еще из гонки ранним утром по пустынному Парижу — это Клод Лелуш вмонтировал в фильм свою личную историю.

Режиссер, много раз женившийся, отец восьмерых детей, думаю, не однажды задавал себе этот сакраментальный вопрос: почему люди расстаются?

Клод Лелуш пытался разобраться и в своей весьма бурной личной жизни. И, снимая историю Мужчины и Женщины, он показал в финале фильма, как однажды ночью — мятущийся, растерянный, расстроенный и растерзанный —

находясь в подавленном состоянии, он бросил всё и в отчаянии погнал, куда глаза глядят. Он гнал свою машину со скоростью двести километров из Парижа в Довиль, чтобы убежать — от всех женщин, от ссор, недоразумений, непонимания, от всех несчастий. Часа в три ночи машина увязла в песке на пляже, и Лелуш от безумной усталости заснул в машине. А в шесть утра он проснулся и увидел молодую женщину, печально бредущую вдоль кромки воды. Неожиданно увиденная картинка подсказала Клоду Лелушу сюжет фильма «Мужчина и Женщина»! Он придумал фильм, в котором одинокий мужчина и одинокая женщина случайно встречаются в Довиле и переживают историю великой любви.

Я впервые увидела этот фильм в семнадцать лет, и с тех пор для меня — это кино неопишуемой красоты. Красивы актеры, красивы пейзажи, люди, море, красив сам режиссер, наконец. Счастьем для меня было — встретить его в ресторане на Елисейских полях. Да-да, мы сидели в ресторане и вдруг вошел... Клод Лелуш. Сам Клод Лелуш!..

И, о чудо! мы даже чуть-чуть поговорили с ним...

Было так. Французский час кофе — l'heure du café. Мы сидели в ресторанчике на Елисейских полях, и вдруг он вошел... Клод Лелуш. Светлый пуловер, такая же светлая рубашка. Короткая стрижка, весь подтянутый, стройный, удивительно моложавый в свои восемьдесят пять лет!

Мы узнали его сразу. Он на протяжении последних двадцати лет почти не меняется. Все такой же красивый. Всегда одна и та же стрижка, только сильно побелели его кудрявые волосы. Весь седой, но подтянутость все та же. Он увидел, что мы его узнали, и улыбнулся. Та же улыбка!

Мы не могли осмелиться подойти к нему. Сидя за своим столом, мы горячо обсуждали: имеем ли право нарушить его уединение, и он, будто понял: он вдруг повернулся к нам и так по-доброму улыбнулся, а нам показалось: призывно — ну, всякому хочется видеть то, что хочется увидеть!

И мы решились и подошли к его столику. Извинились, с ходу сообщили, от волнения, наверно, что не можем его так просто мимо пропустить, чтобы не признаться ему в любви, что мы счастливы увидеть его «живьем», что мы знаем все его фильмы, особенно любим фильм «Мужчина и Женщина. Маэстро — ничего в нем звездного! — смотрел на нас спокойно и серьезно. А услышав, что мы русские, оживился, заулыбался широко.

— Я был в России! Давно. Мне было двадцать лет...

Во Франции нет, пожалуй, столь популярного кинематографиста, как Клод Лелуш. Уже больше полувека и даже до сегодняшнего дня критики спорят: он талантливый профессионал, или просто везунчик по жизни, или просто гений...

Вот и давайте начнем с того, что в жизни Клода Лелуша все началось с кино. Кино всегда играло большую роль, ведь он даже родился, благодаря кино. Родители его познакомились в кинотеатре!

А было так. Симпатичная девушка в свой выходной день гуляла по городу, а молодой парень решил с ней познакомиться и стал преследовать ее. Красавица решила от него спрятаться и забежала в кинотеатр. А парень купил билет на соседнее место! Так отец будущего режиссера познакомился с будущей мамой режиссера. А через год родился Клод Лелуш, их сын.

Во время войны маленький Клод несколько раз вместе с родителями-евреями практически стоял на пороге газовой камеры. Но парадокс в том, что именно благодаря этой страшной угрозе жизни, будущий режиссер познакомился с кино. Мать придумала прятать мальчика в кинотеатре. Для Клода это было счастье! По три-пять-десять раз он смотрел один и тот же фильм. Он влюбился в кино! Но, когда пошел в школу, его фанатичная любовь стала головной болью для его родителей, предметом их бесконечных ссор. Он убегал с уроков, чтобы смотреть фильмы, и беспрестанно просил

отца купить ему кинокамеру. Наконец отец сделал сыну царский подарок. И это было второе счастье Клода! Отныне он реально смотрел на мир через объектив кинокамеры. Можно снимать все окружающее! И главное — потом монтировать. Мальчик не хотел заниматься ничем, кроме кино. И уже в тринадцать лет Клод Лелуш победил в конкурсе документальных фильмов. Он получил Гран-при Каннского кинофестиваля за первую свою короткометражку.

В семнадцать лет его находит удача, да еще какая! Он прочитал в газете, что телевидение объявляет конкурс документальных фильмов о Советском Союзе. Был объявлен приз — десять тысяч долларов. Десять тысяч! Боги! Как попасть в СССР?

Парнишка начинает искать пути. Случайно он узнал, что в Советском Союзе будет проходить Неделя коммунистической молодежи. И он пошел к коммунистам и стал рассказывать, как для него важно побывать в СССР. И тут же... вступает в компартию Франции. Ему поверили. Включили его в делегацию. Клоду всего двадцать лет.

Дальше ему нужно было придумать способ незаметно провезти кинокамеру, а главное — как тайно снимать, так как он задумал провести съемку не где-нибудь, а в Мавзолее!

В итоге он разобрал кинокамеру на запчасти, рассовал детали везде, а по прибытии в Москву — собрал ее заново. Он купил широкий плащ, подвесил камеру на шею и начал заметно сутулиться. Так и ходил, сильно выгнув спину. А перед тем, как войти в мавзолей, Клод попросил всех сильно покашлять во время съемки, чтобы заглушить стрекотание камеры. И во время посещения мавзолея вся делегация Франции внезапно закашлялась и сильно-сильно кашляла! Вот так с помощью французских коммунистов Клод Лелуш снял в мавзолее Ленина и Сталина.

Свой документальный фильм Клод Лелуш назвал «Когда поднимается занавес». Его ждала победа! Он получил десять тысяч долларов!

Это был первый гонорар Лелуша — за документальный фильм об СССР. Деньги позволили ему открыть свою собственную кинокомпанию, которую он назвал «Фильм-13», она существует и сегодня!

К сожалению, его первые фильмы отвергались, даже телеканалы не принимали. Юноша был очень расстроен, он был вынужден переключиться на съемки спортивных репортажей. Лелуш всегда был очень спортивный молодой человек, никогда не курил, не пробовал наркотики и не злоупотреблял алкоголем. Главной его страстью было кино. Вторая страсть — женщины. Клод Лелуш смолodu был очень красив, высок, строен. Завоевать женщину ему не стоило большого труда. У него было бесчисленное количество романов. Самые красивые актрисы охотно заплывали в его любовные сети. Некоторые из них выплывали из этого любовного плена с маленькими детьми. Совсем не случайно Клод Лелуш имеет восьмерых детей!

В своей автобиографической книге «Баловень судьбы» Лелуш рассказывает о своей жизни. Он пишет: «Изменяя своим любимым женщинам, я старался никогда их не обижать. Всем их детям я становился другом. Я люблю женщин. Все мои фильмы — о любви. В этом мире живет семь миллиардов людей. И каждый из нас играет главную роль в своей собственной увлекательной, чудесной, завораживающей истории. Мы живем в замечательном фильме, в котором семь миллиардов актеров, и вся земля — это такая огромная съемочная площадка».

Он снимал фильмы один за другим, но они не приносили ему никакого успеха. И однажды после провала своего пятого фильма, режиссёр в очень подавленном состоянии погнал ночью, куда глаза глядят, и оказался на берегу моря. А рано утром в туманной дымке он увидел одинокую женщину на пустынном пляже. И эта картинка перевернула его жизнь.

Он придумал сюжет, о котором позже скажет: «Я назвал его очень просто и очень банально: «Мужчина и Жен-

щина». Все, что придавало смысл моей личной жизни — любовь, дружба, дети, деньги — все есть в этом фильме. Этот фильм был поводом рассказать о себе. А фильм получился, потому что все мы были влюблены!».

Сам Клод Лелуш был влюблен в актрису Анук Эме, а она, в свою очередь, была влюблена в актера Пьера Бару — он играл ее погибшего мужа. Актер отвечал ей горячей взаимностью, и они поженились сразу после фильма, Анук Эме и Пьер Бару. Кинооператор определенно был влюблен в Анук Эме — мы видим ее обворожительно-прекрасные портреты. Из всеобщего воодушевления, нежданных влюбленностей, царивших на съемочной площадке сложился удивительный фильм. Картина — невероятно нежная, спокойная, лирическая — развивается на фоне моря в ритме мелодии Фрэнсиса Лэя «Ша-ба-да-ба-да, ша-ба-да-ба-да». Эта мелодия стала даже популярней, чем сам фильм! Клод Лелуш говорил: «Фрэнсис Лей сочинил универсальную музыку, которая соединяет наше сердце с Божественным...».

Кинематограф Клода Лелуша — это кинематограф, возведенный в ранг Поэзии, где каждый кадр несет в себе прелесть чистых человеческих чувств.

Лента «Мужчина и Женщина» принесла Лелушу мировое признание. С тех пор Клод Лелуш снял пятьдесят фильмов! Лелуш получил немало премий, но фильм «Мужчина и женщина» до сих пор остается своего рода эталоном фильмов о любви. Стоит лишь посмотреть этот тонкий и нежный фильм, полюбишь его навсегда. И снова совершаешь прогулку по французской набережной Довиля, по берегу моря — вместе с Мужчиной и Женщиной. И ты снова возвращаешься в свои молодые лучшие годы!

«Лучшие годы». Так Лелуш назвал свой последний фильм о Мужчине и Женщине, который он снял пятьдесят лет спустя с девяностолетними актерами. Такой уникальный эксперимент.

Но можно ли снова пережить яркие мгновения прошлого? Этот вопрос мучает и режиссера, ведь ему самому исполнилось уже восемьдесят пять лет. Он живет один, одиноко, имея восьмерых детей... Похоже, он так и не сумел ответить себе на вопрос: почему же люди расстаются?

Молодость не вернуть, увы, прошлое тоже. Жизнь похожа на то, как ребенок, которому дали коробку конфет, так быстро съел почти все конфеты, что даже не заметил! В фильме «Лучшие годы» Жан-Луи Трентиньян говорит: «У нас осталось меньше времени на жизнь, чем прожито...».

А мы часто забываем, какое чудо — быть живым и просто жить! И как часто, друзья, мы нуждаемся в том, чтобы нам об этом напоминали. Вот Клод Лелуш и напоминает своими фильмами, что главное в жизни — чувства. Он сказал в интервью: «Счастье — это вовсе не удача, везение и даже не любовь, как думают молодые. Счастье — это когда сердце улыбается... это нежные прикосновения души к чему-то такому неземному, ради чего и стоит жить...».

И мне никогда не забыть того сильнейшего эмоционального потрясения, когда десятитысячный зал Дворца кинофестивалей в Каннах приветствовал Клода Лелуша, Анук Эме, Жана-Луи Трентиньяна и Фрэнсиса Лея на премьере фильма «Лучшие годы. Мужчина и Женщина».

Мощный шквал аплодисментов! Зал встал! Зал гремел! Десятитысячный зал стоя пел хором: «Шаа-ба-да шабада бада, шабада бада, Ша-ба-да шабада бада, шабада бада», люди пели и плакали!

Овации длились тридцать минут! Может быть, даже больше. Очень и очень долго не умолкали безудержные аплодисменты. Зал не отпускал! Волны безмерной любви такой умопомрачительной силы обрушились на Анук Эме, Жана-Луи Трентиньяна, Клода Лелуша и Фрэнсиса

Лея, что просто останавливалось дыхание от рыданий. Никогда в жизни, никогда я не видела такой сильной чувственной атмосферы в зале!

Слезы счастья текли по лицу Жана-Луи Трентиньяна, который был уже очень слаб. Через несколько месяцев после премьеры он ушел навсегда...

А здесь он сидел в инвалидном кресле, потрясенный... Клод Лелуш и Анук Эме поочередно наклонялись к нему и целовали его. Трентиньян в благодарном порыве схватил руку Клода Лелуша и прижался к ней щекой! Слезы текли по лицам всех зрителей — настолько сильно трогала эта картина.

Настоящее счастье было разлито вокруг. Просто захватывало дух — от восторга, от восхищения, от всего происходящего! Нет, никогда не забыть!

И снова в памяти всплывают слова Клода Лелуша: «Счастье — это нежные прикосновения души к чему-то такому неземному, ради чего и стоит жить...».

И моя счастливая встреча с Клодом Лелушем на Елисейских полях, которая и вызвала к жизни все эти воспоминания о далекой романтической юности моей — это и есть те нежные прикосновения души к чему-то светлому, доброму, прекрасному, ради чего стоит жить.

Александра ЛЮМЭЛЬ

Родилась 22 июня 1975 г. в городе Ржеве. Окончила исторический и юридический факультеты в Ярославле. Работала юристом. С 2010 г. постоянно живёт во Франции. Президент ассоциации «Фермата», основная деятельность которой заключается в популяризации оперной, классической музыки и балета для детей и молодежи.

НИТЬ АРИАДНЫ...

*Посвящается всем женщинам
всех времен и народов,
отдавших свои жизни
ради спасения других...*

Каждый раз, проходя от Тулузского оперного театра Капитолий по rue de la Pomme — Яблочной улице — к Площади Вильсона, я обязательно, пусть и неосознанно, практически инстинктивно, замедляю шаг у дома номер 11.

На этой же Яблочной улице в годы оккупации Тулузы, на другой стороне через три дома напротив, в доме 26 был штаб полиции, что, в принципе, аналог немецкого ГЕСТАПО, но с французскими погонами, а в доме 11 располагался штаб Еврейской Армии и она, Ариадна Александровна Скрябина, она же Сарра Фиксманн, она же Регина, была её координатором по Югу Франции. И так же как я, она проходила эту улицу с 1942 до 22 июля 1944 года.

Изящно постукивая каблучками, как полагалось тогда выглядеть модисткам, Регина шла мимо отделения полиции в арендованную квартирку, якобы для работы с клиентами, которым она шила, и за все эти годы никому: ни соседям, ни покуривавшим на солнышке полицейам, выходявшим после сытного обеда на Яблочную улицу, не приходило в голову, что у них под носом находится партизанский штаб. Воистину, хочешь надежно спрятать, положи на видное место.

Я машинально поворачиваю голову, чтобы хотя бы зацепиться взглядом за убогую табличку. Если не знаешь, что она там висит на облезлой грязной стене, то никогда не обратишь на неё внимания. Но я знаю, что она там есть и обязательно её ловлю взглядом.

ICI SONT TOMBES
LE 22 JUILLET 1944
BAUER THOMAS
FIXMANN ARIANNE
HEROS DE LA LIBERATION

Не думайте, что это плохое фото. В суматохе будней, в заботах и проблемах именно так видится эта табличка для несведущего глаза. Грязная труба ливневой канализации, электропроводка, полусгнившая парадная дверь — такое впечатление, что только табличка добавилась в этом пейзаже после тех самых событий, о которых она сообщает, а ещё в оккупацию вот так всё и выглядело. А может быть даже свежее: все-таки 80 лет прошло с той поры. Дверь в этот дом всегда закрыта. За все годы, пока я проходила этой улицей, никогда попасть в этот дом мне не удавалось. Но вот однажды...

Я задержала взгляд на табличке, как обычно. Что-то не так! Дверь не закрыта! Кто-то небрежно распахнул её и прошел, не убедившись, что дверь захлопнулась на защёлку. А может быть, пришло время мне попасть в этот дом и провидение специально оставило её не запертой.

Я толкнула её.

Узкий длинный коридор, а впереди маленький дворик. Крошечный дворик-колодец. Я подняла голову вверх, чтобы оглядеться, и у меня закружилась голова, я очутилась в том самом, в июле 1944. Мимо меня промчались люди, автоматная очередь....

* * *

Ариадна Александровна Скрябина унаследовала от своего знаменитого отца, русского композитора Александра Николаевича Скрябина, художественные таланты. Она прекрасно играла на фортепиано, писала стихи и прозу. Она была невероятно эрудирована и обладала самыми разными навыками, одним из которых было умение изящно одеваться и шить. Кто бы мог подумать, что вкус и навыки, полученные ею ещё девочкой в далекой России, станут прикрытием партизанского движения в Тулузе и помогут ей не только сводить концы с концами в эмиграции, но и спасут тысячи жизней?

До сих пор нет точных сведений о том, сколько еврейских детей спасла эта женщина. Данные о детях, куда их отправили, сколько денег было потрачено на ту или иную сделку по сопровождению детей в Швейцарию или Испанию через горы, в большинстве своем ушли в историю вместе с Региной. Мы можем только догадываться об их реальном количестве. Одно совершенно ясно: их гораздо больше, чем в знаменитом Списке Шиндлера, и с этим фактом никто не спорит.

Русская девушка, оказавшись в Париже после потери за очень короткий срок отца, брата и матери, не может влиться в мир аристократической русской эмиграции. Ей не могут простить факт рождения не от законной жены Скрябина, а от его любимой женщины — Татьяны Шлецер. До 1915 года Ариадна носила фамилию матери, лишь после смерти отца Император Николай Второй разрешил детям Татьяны Шлецер — Ариадне, Марине и Юлиану — стать Скрябиными.

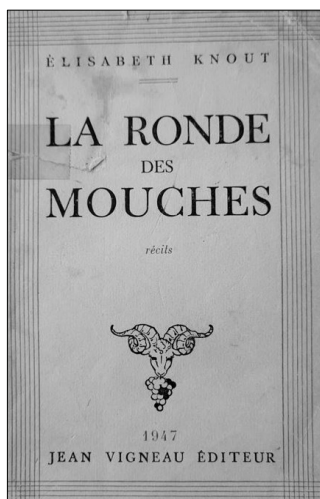

Париж. 1924 год.

На этом фото Ариадне всего 19 лет

Русский Париж начала XX века — это глубоко верующее, воцерковлённое сообщество православных людей, выпитывающих Бердяева как воздух. Русский путь, традиции и порядки Царской России здесь святыни, бережно хранящиеся и почитаемые выше местных, французских.

С французами русские эмигранты пересекаются только на работах, в префектурах, в отделениях полиции, на таможне. А все остальное время они — в России. Пусть в парижской, но России. Все правила и порядки тут русские. Поэтому свое место этот затравленный ребенок с явными признаками посттравматического синдрома находит среди изгоев: русскоговорящего еврейства, представителей которого здесь полным-полно.

Три раза Ариадна успевает выйти замуж. С первым супругом они умудрились расстаться так, что оба потом работали в сопротивлении в годы войны, второй не вынес того, что она, ожидая их сына, ушла к Довиду Кнуту, последнему и самому важному мужчине её жизни. Была ли это любовь настоящая или от безысходности? Если бы Ариадна не была незаконной дочерью, рождённой вне православного брака, и если бы её приняла русская парижская аристократия, вышла бы она замуж за Довида Фиксмана? Кнут — это псевдоним поэта. Но почему-то спустя годы дочь Ариадны, Бетти, прославленная партизанка, воевавшая вместе с матерью и даже сбежавшая из застенков ГЕСТАПО, ехавшая в День Победы в машине за машиной Шарля Дэ Голля и написавшая свой роман, взяла фамилию Кнут, а не Скрябина и даже не Лазарюс, хотя её родной отец тоже был в сопротивлении и даже спас её от пыток и казни.

Отразилось ли тяжелое детство Ариадны на её решении спасти детей или же это было её умение сражаться с судьбой? Ежедневно рисковать, проходя мимо полицейав в явочную квартиру, куда кроме милых тулузских домохозяек приходили члены её бригады, где прятали документы

для детей, подготавливаемых на перевозку за границу. Хотя она вполне могла бы себе позволить жить обычной жизнью. Кушать круасаны в соседней булочной и заигрывать с милыми полицейскими, курящими на её же улице под лучами ласкового тулузского солнца. Но может быть потому, что она понимала, что значит быть изгоем, она не могла не начать спасать этих детей? Или это её русскость? Быть наперекор всему не во имя, а вопреки, назло? Даже здравому смыслу и чувству самосохранения?

22 июля 1944 года Ариадна с товарищем по сопротивлению, Раулем Леоном, пришла в квартиру на первом этаже дома 11 по Яблочной улице. Но там их поджидало двое полицейских. Аресты членов Еврейской Армии неизбежно вели к тому, что за Ариадной должны были прийти. Она знала об этом, но отменять операцию по переправке детей не захотела. В тот день детей за границу повезла её пятнадцатилетняя дочь Бетти. А Ариадна пришла на присягу новой партизанки. Но это оказалась засада. Их предали.

Полицейские затолкнули Рауля и Ариадну в комнату и заперли дверь. Один наставил автомат, а второй начал обыск. Ни документов, ни денег на квартире не было. Ариадна передала документы и деньги с Бетти, а новых документов они еще не приготовили. Но на квартире были найдены лыжи, горнолыжные ботинки разных размеров... Один из полицаев ушел за подкреплением, а второй остался, держа на мушке Рауля и Ариадну.

В этот момент в дверь постучали.

Это пришел Томми Бауэр, который сразу же оказался под прицелом. Воспользовавшись ситуацией, Рауль Леон схватил бутылку со стола и запустил её в голову полицейского, тот нажал на курок ...

Закрыла ли собой Рауля Ариадна или же это произошло случайно, но пули достались ей. Она погибла на месте. Томми получил тяжелое ранение в грудь. Подоспевшие полицаи на носилках унесли его в ГЕСТАПО, где

через трое суток он умер под пытками. Рауль невероятным образом, с обеими простреленными ногами, смог поползти через сквозной двор и выжил.

Ариадну Александровну Скрябину похоронили на кладбище Терр-Кабад. Сейчас это мемориальное кладбище. На нём есть великолепный памятник тулузскому партизану Марселю Ланже, масса замечательных, поражающих воображение акрополей первому директору ЕДФ и других компаний. Но на могиле Ариадны Скрябиной надгробие появилось лишь на 50-летие со дня её трагической гибели. 50 лет на её могиле лежала глиняная табличка, изготовленная нацистами, сгнившая и полностью утратившая надпись, сохранённая на память и уложенная поверх новой гранитной плиты. Молодые прихожане тулузской синагоги, чьи бабушки и дедушки выжили только благодаря Ариадне, положили эту гранитную плиту на её могилу. Но ни одного слова на русском языке на плите нет.

Ariane Sarah Knout Fixman написано на ее могиле. Интересно: где правильная фамилия — на могиле с одной N, или на мемориальной табличке на доме 11 с двумя? Память об Ариадне настолько ничтожна, что даже нет единой версии написания ее фамилии.

В разных источниках упоминается о каком-то памятнике в Тулузе Ариадне Скрябиной, о площадях, названных в ее честь. Но ничего этого в Тулузе нет. Лишь эта гранитная плита, до которой нужно перескакивать через могилы, чтобы добраться до нее, да безликая табличка на доме 11 по rue de la Pomme с ошибкой...

* * *

— Мадам, что с вами? — услышала я над собой.

Милый молодой человек склонился надо мной. Я пришла в себя. Я огляделась: я сижу на ступеньках лестницы, ведущей на второй этаж между старыми велосипедами и мусорными контейнерами.

— Вам плохо? — заботливо спросил он, склоняясь надо мной. — Вы из какой квартиры?

— Я из квартиры Ариадны Скрябиной, — ответила я.

— А у нас такая не живет, — насторожился мой собеседник.

— Она навсегда здесь живет, — улыбнулась я, и слезы почему-то полились у меня сами собой, хотя плакать мне совершенно не хотелось. — Вы видели табличку на стене вашего дома? — спросила я молодого человека, вытирая слезы кулаком.

— Какую табличку? А! Ту, что справа? — всплеснул руками молодой человек.

— Да, — кивнула головой я. — Я как раз от нее.

Я поднялась, опираясь на стену. Молодой человек смотрел на меня, вытаращив глаза и боясь ко мне притронуться, как будто перед ним был призрак. На ватных ногах я вышла из дворика, прошла по коридору и вышла на улицу. Дверь захлопнулась за мной на защелку. Холодный ветер обдал мое лицо запахами свежей выпечки из булочной, расположенной на перекрестке rue de la Pomme и rue des Arts.

Во дворе этой булочной беженка из Сирии открыла ателье по перешиву и ремонту одежды...

Жизнь продолжается.

Выражаю искреннюю благодарность Елене Демеш за предоставленные материалы, при написании данного рассказа.

Людмила МАРШЕЗАН

Никогда не думай, как другие, но всегда думай о других, — это девиз моей жизни. Непростой принцип, но именно он магнитом человечности притягивает ко мне необыкновенные светлые личности. В биографии обычно упоминают оконченные институты и полученные награды, но согласитесь, что самый главный университет — это ЖИЗНЬ, а самая желанная награда — ЛЮБОВЬ, которую мне подарил Париж, обвенчав с Филиппом. В этом городе Любви родились наши дети, книги, написанные по-французски в соавторстве с мужем, и мои русскоязычные рассказы и стихи. Любопытному читателю сообщаю, что пришла я в этот мир, чтобы увидеть солнце, 25 июня на утренней заре в прекрасном городе Харькове. За плечами два высших образования и ответственная должность. Приятного чтения!

ИГРА НА КЛАВИШАХ ДУШИ

Когда жизнь мне ставила точку,
я исправляла её на запятую.

Сара Бернар

Мои французские друзья Клара и Жюль (ласково Жю-лик) родились 19 июля 1990 года на разных полюсах Франции. Клара на юге, Жюль на севере. Соединила их любовь... к истории. Исторический факультет Сорбон-

ны — яркий цветник красивых девушек, а вот юношей — «с гулькин нос». Как известно, «гулька» — это голубь, а голубиный клюв олицетворяет ничтожно малое количество, в которое и попал Жюлик, как представитель сильного пола. Смущённый блондино-брюнетками, он мысленно перебирал их достоинства, как монах чётки. Одна из студенток запала ему в сердце. Даже солнце, сияя восторгом, щедро сеяло золото лучей в копну её волос. В ней была утончённость и недосказанность. Впервые в жизни девчонка вскружила ему голову в полный накал. Северная сдержанность не позволяла Жюлю просто подойти и познакомиться. Он наблюдал за ней, удивляясь её непосредственности и открытости. Как закончилась бы эта история — неизвестно, но в их судьбу вмешался случай. Для подготовки докладов преподаватель организовал студентов в пары (в алфавитном порядке). Так, Клару Бурдонэ и Жюля Дюрантэ связала история СССР, которой они удивительно увлеклись (а, может быть, и друг другом). Это подтолкнуло их к изучению русского языка, а в дальнейшем возникло желание познакомиться с живым наглядным (ненаглядным) «пособием» советской эпохи. Каким-то образом историки вышли на меня, и вкусили не только прелесть домашних пирогов, но и радость общения. Однако, понадобилось много лет, чтобы они смогли оценить народную мудрость — анекдоты.

— Ты что, стоишь за Советскую власть?

— А ты хочешь, чтобы я сидел?

— Что такое коммунизм?

— Коммунизм — это советская власть плюс
алкоголизация всей страны.

Клара смеялась звонко, нараспашку, а Жюлик — приглушенным смешком, но с искрящимися глазами. Кларин бесшабашный стиль вызывал улыбку. Если ей нравилась музыка слова, она вставляла его не только к месту, но чаще всего неожиданно и парадоксально. «Ржать» в любых формах стало её коньком.

«После советских анекдотов у Жюля такие *ржанные* глаза», — хохоча, говорила она, и для меня это было наградой за труд «советизации». Мне даже удалось провести «коллективизацию» личной жизни и поженить их, иначе медлительному Жюлю понадобилось бы ещё несколько пятилеток. Они прекрасно дополняли и переполняли эмоциями друг друга. В день свадьбы темпераментная южанка Клара наотрез отказалась менять свою девичью фамилию, объяснив, что Bourdonné — название старинного города, существующего с VIII века (глухая деревня в 500 человек; *здесь и далее комментарии Жюля*). Мои предки Бурдонэ (каждый житель, кому не лень, мог так назвать себя), в XVII веке выстроили чудный замок, и я приглашаю всех посетить его (перестроенная неизвестно кем эклектика является частной собственностью сестры Шарля Азнавура — Аиды, которая нас и на порог не пустит). На его аргументы и факты я миролюбиво улыбалась, но Жюлик с северной горячностью продолжал доказывать, что его фамилия знаменитее и элегантнее, ведь автор «Божественной комедии» элементарно сократил Дюрантэ до Данте! Клара моментально проверила информацию в мобильнике и, вздохнув, произнесла вердикт умной женщины: «Фамилия у нас будет двойная — Бурдонэ-Дюрантэ!» Миролюбивое решение вопроса закончилось поцелуем, а посещение замка мы оставили на потом. Сейчас, самое главное, выбрать маршрут свадебного вояжа. К счастью, в этом они были едины: «В Одессу — жемчужину в ладонях Черного моря».

Одесса-мама! Как много рассказал о тебе А. С. Пушкин (Ас поэтов, так мы величали его в школе) в «Евгении Онегине». Город-мечта, единственный в мире, где обход законов считается искусством.

— Надо воспользоваться этим, — серьёзно заметил Жюлик.

— А какой закон вы желаете обойти? — спросила я.

— Закон земного притяжения, — счастливо улыбнулась Клара.

Молодожёны возвратились навсегда влюблёнными в Одессу. Они проживали на Французском бульваре и удивлялись, как тесно связана история и культура наших стран.

— Кстати, и на Американском континенте одесситы оставили свой акцент. Кто бы мог подумать, что у знаменитого актёра Леонардо ди Каприо бабушка из Одессы? Елена Ивановна Смирнова эмигрировала после революции в Германию. Её утончённая красота привлекла внимание, и она вскоре вышла замуж. Но непринятие фашизма вынудило молодую пару бежать в США. Вам не кажется, что Леонардо унаследовал шарм и красоту одесской бабушки?

— Невероятно, — воскликнула Клара.

— Самое невероятное в жизни — это сама жизнь, — ответила я, продолжая удивлять моих друзей.

У Сильвестра Сталлоне одесситкой была прабабушка — Роза Лейбович. Еврейские погромы в конце 19 века заставили её покинуть родину. Но мама Сильвестра — Жаклин (1921–2001), неоднократно посещала Одессу, чувствуя себя дома. В день её приезда главная улица города Дерибасовская расцветала афишами Сталлоне, а одесситы «делали маме актёра апофеоз». Жаклин говорила, что в Америке есть всё, вот только Дерибасовской не хватает.

— Как жаль, что мы раньше этого не знали, — строился Жюль.

— Не переживай. Дастин Хоффман тоже не ведал до 2016 года. Ему помогла телепередача «В поисках своих корней». В этот вечер сценарист и актёр открыл, что его предки прибыли в США после октябрьской революции. Устроив семью, героический дедушка решил вернуться в Россию, чтобы вывезти остальных родственников. К сожалению, он был арестован ЧК как американский шпион и расстрелян. Дастин Хоффман не смог сдержать слёз.

Глубокая печаль состарила лица моих юных друзей. Ища утешение в неутешном, Клара проговорила:

— Жуткая трагедия оторваться от своих корней, изменить язык и ментальность, чтобы выжить на чужих берегах, в чужестранном краю под тоскливым названием «эмиграция». А ведь куда проще и радостнее всем жить в ладнях МИРА и ЛЮБВИ.

Песня о нежности и любви Джо Дессена, очаровательного потомка одесситов, приподняла настроение. Находясь в плену эмоций и чувствуя себя виноватыми в несовершенстве мира, мы не заметили, как ночь заперла солнце не засов. Светлым светом нам светили светила. Этими звёздами любовались наши предки. А, может быть, это не звёзды, а лица тех родных и друзей, которых с нами нет?

* * *

Клара и Жюль, переполненные одесскими впечатлениями, вернувшись в Париж, покинули своё гнездо в *impasse des deux Anges* («тупик двух Ангелов» — нарочно не придумаешь) и переселились в квартал Монпарнасса на улицу Одессы. Пользуясь таким «прикрытием», Клара при каждом удобном случае и без «шпарила» одесскими «выкрутасами». Это смешило всех, кроме Жюля. Его цельная натура взывала к правильной безупречности. Живой, пламенный характер Бурдонэ уравнивался северной прохладой Дюрантэ. Они подходили друг другу, как пазлы, — «тютелька в тютельку».

— А что такое тютелька, — почему-то, смущаясь, пролепетал Жюль.

— Всё очень просто, поэтому так сложно. Можешь зарубить себе на носу, что «тютелька» — уменьшительное от слова «тютя», означающее точное попадание в одно и то же место, т.е. точь-в-точь.

— А как *зарубить нос*? — не унимался Жюлик.

— При случае, я тебе расскажу, а сейчас — полный вперед!

— Почему нельзя сказать полный назад?

Сегодня, в день их рождения, 19 июля, мы, наконец-то, как говорит Клара, отправляемся в длинную одиссею (всего 52 км от Парижа), чтобы близко соприкоснуться с историей Bourdonné.

— Какая там история, — скептически заметил Жюлик. С натяжкой можно сказать — запах поэзии.

— Ты имеешь в виду кубинского поэта, академика французской академии — Жозе Мария Эредиа (José-Maria de Heredia), который умер в 1905 году в замке Bourdonné?

— Клара, поэзия бессмертна. Разве не о нас писал Эредиа: «О, бессмысленный век и бестолковый...»

— Ах, Жюль, даже если его стихи переводил Брюсов, Волошин, Гумилев, кто сейчас помнит кубинского поэта?

— Я, — ответил с хитрецей Жюлик. В ресторане «Closserie des Lilas», за столиком с бронзовой табличкой: «Здесь пил поэт Жозе Мария Эредиа» я восхищаюсь красочностью, изяществом и совершенством формы его стиха: «Плачьте все, кто имеет в сердце нежность», и я плачу, когда официант приносит мне счёт.

Дюрантэ умеет ненавязчиво рассмешить нас. Распахнув окна автомобиля, мы улыбаемся, наслаждаемся и прохлаждаемся. Соблазнённые благолепием природы, останавливаемся передохнуть, вернее, просто вдохнуть июльской роскоши солнца и синевы. Птицы пением рвали тишину. Где-то рядом цвиркал полевой сверчок. Моё воображение всегда было выше реальности, и вдруг — красота реальности победила. Казалось, не было зла на земле. Хотелось благо дать!

— Такое счастье, что мурашки по сердцу бегут, — прошептал Жюлик.

— Это нормально, — умирая со смеху, ответила Клара. — Ты сидишь на муравейнике!

Линия судьбы-дороги плавно привела нас в Bourdonné. Вдруг раздался скрежет тормозов, и машина остановилась, как вкопанная. Нас встречали прямо на шоссе перед колёсами автомобиля две белки. Умилённая Клара протянула им шоколад. Зверушки, забавно фыркнув, продолжили свой путь, не соблюдая правил дорожного движения. Мы, как белкохранители, торжественно сопровождали их. Вскоре, подойдя к высоким воротам, невозмутимые пушистики, элегантно юркнули в тисовую аллею замкового парка. Вдали виднелось здание в стиле Людовика XIII из розового кирпича и светлого камня. Большая часть фасада была в лесах. Ремонт!

Клара вышла из себя и, войдя в отчаяние, ломилась в закрытие ворота.

— У меня делается дикое настроение, когда из-за какой-то чепухи рушатся планы.

— Так по-русски не говорят, — спокойно ответил Жюль.

— Но так говорят в Одессе! Я чудно помню, как в гостинице меня приветствовали: «Madame, благодаря Вашему шарму Французский бульвар по-настоящему делается французским. Доброго одесского дня, madame Бурдонская».

Я даже вздрогнула: «Неужели? Как же раньше мне не приходило в голову...»

— Друзья мои, — произнесла я, не сумев сдержать волнение в голосе. Хотелось им всё рассказать, но я понимала, что это не время и не место. Сначала надо накормить молодёжь. — Сегодня — ваш день! Так что мы здесь скушаем? Все на штурм ресторана.

На центральной площади Bourdonné традиционно расположились: мэрия, церковь XI века с великолепной колокольной и ресторан, под названием «Mort subite», т.е.

«Мгновенная смерть». К сожалению, а, может, к счастью, он был закрыт. Прогнозы Жюля насчёт глухой деревни уже не выглядел шуткой.

— Предлагаю прогуляться, и, возможно, мы найдём... — Клара сконфуженно умолкла.

Мы прошли по безлюдному парку и вышли на берег реки Vesger. Здесь ещё сохранились старинные навесы XIX века, оберегавшие от зноя и дождя бедных прачек. Кто мог подумать, что банальное банное место для стирки белья вызовет у Клары столь бурную реакцию.

— Тяжелейший труд прачек воспели многие известные художники, поэты, писатели, но от этого бедняжкам не стало легче. Я обвиняю сильный пол, проявивший слабость и до сих пор не создавший памятник из чистого золота главному «женскому угоднику» Джону Шамберлану (John Chamberlain), который изобрёл автоматическую стиральную машину! Освобождённая женщина с трепетными и нежными руками захотела изменить...

Клара на секунду запнулась, решая как *покруче крутануть* фразу, но Жюль прервал её аплодисментами.

— Bravo! Продолжать нет смысла.

— Ты ничего не понял. Мы хотим изменить мир, и, если бы Бог был женщиной, то всё могло быть иначе.

— Милая моя, трудно быть Богом. Но я попытаюсь. Закрой глаза, загадай желание, и оно исполнится... когда-нибудь.

Клара, недовольно прикрыв глаза, пробормотала: «У меня сегодня делаются голодные мечты». Жюлик поспешил сорвать у реки белый цветок, а я — вытащить из рюкзака праздничный пирог с надписью: «Клара + Жюль = ЛЮБОВЬ!» Настроение настроилось само собой, но небо расстроилось грозой. Мы спрятались в уютную святость церкви. Клара, восторгаясь резным узором деревянной исповедальни, подтолкнув супруга, в ожидании застыла. Жюлик не растерялся и торжественно произнёс: «Моя исповедь будет краткой. Я тебя люблю!»

Пустынность церкви наполнилась эхом любви. Взявшись за руки, они присели на скамью. За окнами лил дождь. Ну, что может быть лучше плохой погоды? Чувствуя себя третьим лишним, я решила играть роль громоотвода.

— Друзья мои, — громко обратилась я к ним, — кстати, знаете ли вы, что незадолго до смерти Сталин исповедался? Никто не ведает, что наговорил священнику «отец народов», взявший Бога за бороду, но служитель культа (*личности?*) удивительно поседел. При Хрущёве его таскали на «беседы», но наступила оттепель и священник, отделившись лёгким испугом, сохранил тайну исповеди.

— Русский язык — это головоломка, — простонал Жюлик. — Только успел «зарубить на носу», так теперь «оттепель».

— Ну, что ж, повернём время вспять и вместе покопаяемся в истории.

— По нашей теме? — спросила Клара.

— Советский Союз для меня не тема, это моя жизнь — *зарубите себе на носу*. Жюлик, прекрати отрывать Кларе нос, речь идёт о деревянных дощечках, которые носили с собой в те времена, когда не было блокнотов. На них делались зарубки для памяти, отмечая прибыли, долги и прочие вещи. Дощечки назывались «носом» от слова носить, так что Кларин носик совсем ни при чём.

— Как говорят в Одессе — «две большие разницы», — засияла улыбкой Клара.

— Моя жена так и осталась в плену Одессы.

— Вы оба вольные пленники любви, так пусть же это чувство длится вечно.

— Сколько романтических оттенков у «плена», а ведь это страшное слово, связанное с горем войны.

— Ты прав, Жюль, всем кажется, что МИР — это просто. На самом деле, вспомните, какие страдания, разрушения принесли народам Европы амбициозные планы Наполеона. Сотни тысяч ваших соотечественников были за-

хвачены в плен, а сколько солдат и офицеров наполеоновской армии остались навсегда в земле Российской империи. Но не было ненависти в сердцах русских людей к пленным армии Наполеона, понимающим, что не по своей воле они «вляпались» в эту войну. Победители приглашали на жительство в свои семьи вчерашних врагов для обучения детей французскому языку.

— Мы знаем. У Михаила Лермонтова был учителем и другом благородный пленный французский офицер Жан Капе (Jean Capet).

— Верно, друзья мои. Но находясь в Bourdonné, мне хочется рассказать вам другую историю.

— Про любовь?

— Кларочка, ты угадала. Именно так звали единственную дочь добропорядочных родителей, принявших в своё дворянское гнездо раненого французского офицера. Любовь прелестно играла не только на фортепиано, но и на струнах офицерского сердца. Его пылкое объяснение в любви вылилось на страницы её нотной тетради. Дальнейшие события разыгрались, как по нотам. При венчании французскую фамилию Bourdonné записали как Бурдонский.

От неожиданности Клара выпустила сумочку из рук, и милые женские штучки разлетелись в разные стороны. Жюлик бросился собирать их, успокаивая жену.

— Ничего не разбилось, дорогая. Мы же сидим в гостях у Бога.

— Мы сидим убого? — растерянно обратилась ко мне Клара.

В этом храме давно уже так не смеялись. Наверное, беспричинное веселье — это и есть счастье. Главное, чтобы витражи не упали со смеху.

— Друзья мои, если это возможно, уточните, пожалуйста, дату рождения Галины Александровны Бурдонской.

— Есть такая, — поспешил ответить Жюль, глядя в экран мобильного. Праправнучка французского пленного офицера родилась 19 июля 1921 года.

— Невероятно, — воскликнула возбуждённо Клара. Мы родились в один и тот же день. Может быть, это моя родственница. Мне необходимо с ней познакомиться.

— Это невозможно, — грустно ответил Жюлик. — Бурдонская умерла 24 июля 1990 года.

— Значит, мы прожили на одной земле только пять дней. Расскажите, какой она была?

— Смелой, решительной, спортивной. Красота с изюминкой, характер с перцем. Однажды Галина со своим женихом хоккеистом отправилась на модный каток «Петровка, 38». Они шикарно катались, скользя с запредельной скоростью, но оказалось, что от судьбы даже на коньках не ускользнёшь. Её жених, увидев знакомого лётчика, представил его Галине. Моментальное сцепление взглядов. Они прощались глаза в глаза. Холод зимы растопила внезапная любовь. С этого дня лётчик, пролетая над балконом Галины, сбрасывал ей цветы.

— Что за сказка? — недоверчиво улыбнулся Жюль.

— Сказка — это когда выходишь замуж за Иванушку-дурачка, а после свадьбы он превращается в принца, жизнь — это когда наоборот.

— И кто же оказался этим советским принцем?

— Василий Сталин.

— Ничего себе! — засуетилась Клара. — А, может, я родственница...

— Всё может быть, — съязвил Жюлик. — Твой *стальной* характер мне уже давно кого-то напоминает.

— Мой дорогой, мне кажется, что у тебя в голове северный ветер.

— Не ветер, а ветерок. Я просто ошибся в одной букве: у тебя стильный характер, т.е. особый неповторимый стиль. А что было дальше? — Жюлик поспешил перевести разговор на более безопасную тему.

— Под Новый 1940 год влюблённые поженились. Иосиф Сталин прислал сыну поздравление: «Ты не спрашивал у меня разрешения, женился — чёрт с тобой. Жалею её, что она вышла за такого дурака». Вот отцовская оценка любимого сына. А ведь народная мудрость гласит: «Каков отец, таков и сын».

— Мне кажется, характер ребёнка формирует, в основном, мама, — многозначительно заметила Клара.

— Мама, с прекрасным именем Надежда, застрелилась в 1932 году, когда Василию исполнилось только 11 лет. В честь матери Василий назвал свою дочь Надеждой (1943–1999), а первенца сына — Александром (1941–2017). Постепенно жизнь Галины превращалась в кошмар со всеми удобствами. Разгульные загулы и пьянство мужа сводили с ума. Ей было очень страшно, что Василий уже не принадлежал себе, а своему распаду. После войны, попросив развод, Галина Александровна лишилась права видеть своих детей — жесточайшая пытка для матери. Вторая жена Василия Сталина, избалованная дочь маршала Тимошенко, Екатерина, стала им суровой мачехой. Грубое отношение Василия к ней вызывало у Екатерины ненависть к его детям. Она не стеснялась избивать их ногами в ботинках и не кормить по несколько дней. Голодные Саша и Надя спускались ночью в подвал и грызли грязную морковь. Вскоре появилась третья жена, потом четвёртая.

— Разве это можно?! Детей мучить всевозможно! — возмущалась Клара со слезами на глазах.

— Кларочка, не плачь. Пойми, что у детей Иосифа Сталина не было модели нормальной семейной жизни — с лаской, уважением, теплом любви. Они все были глубоко несчастны, раздражаемые безумием и благоразумием, находясь под контролем и слежкой органов. Однажды, не выдержав мук разлуки, Бурдонская нарушила запрет, подойдя к школе, где учился Александр, чтобы встретиться

с ним. Слов не было. Прижавшись друг к другу, они плакали навзрыд. Об этом свидании тут же было доложено Василию Сталину, который не замедлил избить и унижить сына. Александр возненавидел отца. Только много лет спустя, уже после смерти Василия Сталина, он смог простить его. За тридцать минут, проведённых с любимой мамой, мальчика сослали в казанское Суворовское училище. Галине Бурдонской удалось забрать к себе детей в 1953 году после смерти И.В. Сталина, когда Василий оказался за решёткой.

В день похорон И. В. Сталина Сашу доставили из Суворовского училища на прощание с дедом, с которым он не был знаком, никогда не разговаривал с ним, а только видел на трибуне Красной площади во время праздников. Со смертной тоской сидел у гроба «Отца народов» внук, не знавший деда и не узнавший детства. Ему запомнилось великолепие чужих слёз, он же не смог выдавить ни одной слезинки. Впервые столкнувшись со смертью, Александр почувствовал её подзатыльник, заставивший его задуматься, как жить и для чего. В этот день он принял судьбоносное решение — освободиться от тени Сталина, сменить эту зловещую фамилию, чтобы не раствориться в сталинской «славе», быть самим собой — Александром Бурдонским, счастливым, вольным, крылатым. Бесконечная любовь матери, её стихи, поддержка, понимание привели его в ГИТИС на факультет режиссуры. Бурдонский стал человеком, который знал о театре всё. «Россия — это театр», — сказал он. Покорённость театром перешла в его покорение.

— И ему это удалось? — взволнованно спросила Клара.

— Судите сами, друзья мои. В Москве мы вместе видели спектакль «Игра на клавишах души».

— Незабываемое зрелище. Просто мы не знали, кто режиссёр-постановщик. Он гениально сделал музыку действующим лицом. Ты помнишь, Клара?

— Как можно забыть?! Ведь это звучал наш композитор-импрессионист Морис Равель, с его звуками, красками, чувствами.

— А Сергей Рахманинов, помнишь, что он со мной сделал?! Именно на спектакле я понял, что такое слушать и слышать друг друга, любить и прощать.

— А я впервые прочувствовала, что такое детское одиночество, страшное одиночество брошенных родителями детей. У меня возникло дикое отчаяние, и я подумала, что, чтобы достичь такой мощи спектакля, режиссёр сам должен прожить яркую, насыщенную трагическими событиями жизнь. После вашего рассказа всё стало ясно.

Жюлик, серьёзно нахмутив свои строгие брови, сказал:

— В конце пьесы я вновь поверил в жизнь, в её радость.

Мне любопытно было узнать, какая же радость у нового поколения нового века.

— Радость — это дожить до момента прорыва Правды. И по большому счёту, Александр Бурдонский достиг своей цели, создав спектакль-очищение. Он сумел сыграть на клавишах нашей души.

— Друзья мои, согласна с вами. Бурдонский исполнил свою мечту, добившись того, что мы вышли из театра чуточку добрее, чуточку лучше, чем были до его посещения. Представьте себе, по иронии судьбы, Александр Васильевич, покинув суворовское училище, страшно ненавидя военщину, должен был служить на сцене в Центральном академическом театре Советской армии министерства обороны. Он шутил по этому поводу: «Готов к стыду и обороне!» Кларочка, я вижу, что тебя что-то волнует.

— Нет, то есть да. Как сложилась его личная жизнь?

— Далее — так звали его однокурсницу из Прибалтики, искреннюю, яркую, целеустремлённую. Она не жила театром, а дышала им. Далее и Александр настолько были

гармоничны и едины, что у них не возникло разногласий в принятии жертвенного решения — детей не иметь. Наследственность, сами понимаете какая.

Обычно Клара соответствовала своему имени — светлая, сияющая (в переводе с латыни), но внезапно её лицо вспыхнуло багрянцем. Мне даже вспомнилось, как Жюлик, впервые отважившись прочесть Пушкина вслух, наломал дров: *«В багрец и золото одетая лиса»*. В данный момент было не до шуток, Клара взволнованно выплеснула на нас свои эмоции.

— Выходит, что любовь французского офицера, оставшегося в России ради любимой, была напрасной? Всё кончилось. Александр Бурдонский своим решением поставил точку на этом роде, не оставив...

— Дорогая моя, милая, к чему такое отчаяние? Продолжение следует. А мы, Бурдонские, для чего? Так превратим поставленную точку в восклицательный знак! Гарантирую тебе рождение сына. Можешь даже выбрать любую символическую дату: 19 июля родились мы и Галина Бурдонская, 19 марта, Василий Сталин, живший от койки до попойки, успокоился навсегда. 24 июля ушла в другой мир Галина Бурдонская. 24 мая умер Александр Бурдонский.

— Друзья мои, Александр был человеком света и добра, поэтому он не умер. Он просто покинул землю и слился со звёздами. Пройдя через все страдания, он приобрёл страдание и мудрость. Слушайте, как тонко он подметил манипуляции истории. Цитирую: «Для чего сталкивают сталинистов и их противников? Ведь какая-то цель существует. Общество живёт неблагополучно, а этим можно занимать умы. Как только страна уходит в кризис или вираж, сразу вынимается Сталин, и начинают им трясти. Если бы наши люди жили лучше, потребность в фигуре Сталина исчезла бы».

Клара сидела безучастно, а Жюль уже с нетерпением лез с вопросом.

— Была ли встреча «великих» внуков?

— На твой загадочный вопрос ответ будет прост. Внуки Рузвельта и Черчилля были приглашены в Киев фондом «Бабий Яр», где и произошло знакомство с внуком Сталина. Дружбы не получилось, но встреча прошла тепло, и все были очарованы красотой цветущего Киева. Страшно подумать, что фашисты планировали превратить город каштанов в огромный бассейн с видом на Днепр. Доверительное рукопожатие «великих» внуков — вот прекрасный символ мира. У людей открылись границы сердца, остаётся правителям открыть границы государств, чтобы ваши будущие дети не знали, забыли слово «война».

— Кстати о детях, — Клара, очнувшись от своих раздумий, вступила в разговор. — Мой дорогой, я правильно тебя поняла, ты принимаешь фамилию Бурдонский? Только без шуток и роковых цифр 19 и 24. Надо же так связать всё и всех в эти две цифры. Мистика какая-то.

— Милая моя, ты думаешь, что, если мы сидим у Бога «за пазухой», то я играю «Божественную комедию»? Вовсе нет! Надеюсь, Данте меня простит. С этой минуты я — Бурдонский.

Клара засияла солнцем, впрочем, как и небо за окном. Мы вышли из-под свода храма в неба свод. После ливня воздух был напоен своими влажными золотыми запахами, шелестами и шуршанием.

Пройдя уже знакомой дорогой мимо замка, Кларочка восхитилась: «Франция, как принцесса, вся в замках». Жюлик, хитровато посматривая на меня, решил блеснуть «ударениями»: «А Советский Союз был как принц, на замкё».

— Клара, оказывается твой муж маленький шалун. Мне приятно, что вы посвятили своё время, энтузиазм и доброжелательность СССР, но познать нашу советскую действительность невероятно сложно, потому что вы ро-

дились в другой стране и в другое время. Но мы попытаемся. Пока мы не сели в автомобиль и не уснули, предлагаю на выбор — анекдот, напоминающий реальность, или реальность, звучащая как анекдот.

— Реальность! — выпалили оба Бурдонские. Не зря говорят, что «муж и жена — одна сатана».

— Слушайте, друзья мои. В 1937 году Николая Александровича Козырева (1908–1983) арестовали. Обвинения, выдвинутые доктору физико-математических наук, были абсурдно оригинальными: «Пытался угнать реку Волгу из России на Запад».

Бурдонские, выражаясь жаргоном Клары, синхронно «заржали».

— Николай Александрович Козырев тоже рассмеялся, но когда он услышал приговор: 10 лет тюремного заключения, ему уже было не до смеха.

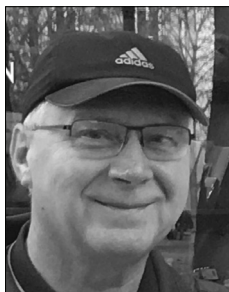
Недоверчиво поглядывая на меня, французы перешли на свой родной язык, горячо обсуждая социалистический сюрреализм.

Последние лучи заходящего солнца золотили нам путь. Мои друзья шли, взявшись за руки. Они улыбались друг другу. Улыбка идёт к их лицам, вернее, она идёт всем лицам мира. Надо только сохранить этот улыбчивый мир, полный любви.

Внезапно чёрной и стройной тенью вошла в свои права ночь. На тёмном небе не было ни одной звезды, наверное, умчались за солнцем, а может местность здесь такая?

Владимир НОГОВСКИЙ

Родился в Москве. Окончил филфак МГПУ им. Ленина и там же — курс «История искусств». Затем была аспирантура в «НИИ художественного воспитания». С 1990 г. живёт во Франции. Сотрудничал с изданиями «Парижский курьер», «Русская мысль», «Глаголь», «Из Парижска», «Azure découverte». В 2015 году издал двухтомник «Мой дом: Франция-Россия-Украина на стыке веков». Больше 30 лет работает водителем-гидом по Франции и Парижу.

ПАРИЖСКИЕ МОСТЫ

Сену с её набережными и мостами можно смело называть одной из самых длинных и красивых улиц Парижа. Она протянулась в городских границах на 13 километров. 37 мостов перекинуто через неё в черте города. Каждый по-своему интересен, каждый по-своему знаменит. Вряд ли вы сможете побывать на всех, однако постарайтесь пройти хотя бы по некоторым, наиболее известным, ведь замечательная особенность мостов заключается в том, что они не разделяют, как стены, а соединяют берега, города, людей...

Самый старый и известный мост Парижа, как ни странно, называется Новый (Pont Neuf). Парадокс объясняется просто: когда-то мост был новым не только по времени своего появления, но и по своей концепции. Это

был первый не застроенный торговыми лавками открытый парижский мост. Вот почему, когда ещё не было ни Больших Бульваров, ни, тем более, Елисейских полей, да и сам Париж был намного меньше, именно этот мост стал любимым местом прогулок парижан. Он был заложен при Генрихе III и завершён при Генрихе IV, памятник которому можно увидеть в том месте, где мост пересекает остров Сите. Именно этому королю принадлежит известная фраза о том, что «Париж стоит мессы». Об этом же короле поётся в фильме «Гусарская баллада»:

«Жил-был Анри четвёртый,
Он славный был король:
Любил вино до чёрта,
Хоть трезв бывал порой.
Динь-динь-динь-дон
Динь-динь-динь-дон...»

«Новый мост хотели назвать мостом Плача. В день его основания в Париже плакали все: плакал король Генрих III, приплывший на барке на церемонию закладки первого камня с похорон своего фаворита, убитого на дуэли. Глядя на короля, плакали парижане. И в довершение к этой всеобщей «сердечной растраве» в Париже тем майским днём 1578 года моросил дождь. Но мост всё-таки назвали Новым. Судьба его не интересовала Генриха III, строительство остановилось, и было возобновлено лишь при Генрихе IV .

К 1603 году мост был готов, но жители столицы не без риска для жизни решались пересекать по нему Сену. Однажды на мост торжественно въехал король Генрих IV. Его предупредили о возможной опасности и недавних несчастных случаях. «Разве кто-нибудь из них был королём?» — ответил на это Генрих IV.

Постепенно Новый мост стал не только любимым местом прогулок парижан, но и превратился в ярмарку

в миниатюре, где можно было встретить торговцев разного рода товарами, в том числе и «эликсиром жизни», цирюльников, зубодёров, бродячих актёров, алхимиков. (Ну, и, конечно, воров и мошенников, ведь недалеко от него находился один из самых больших «дворов чудес», о чём интересно и увлекательно рассказано в одном из романов про Анжелику. — *В. Н.*) Как морские волны, толпы народные перекатывались по этому мосту с одного берега на другой. Эти «толпы народные» однажды в марте 1790 года «вынесли» к «славному Новому мосту» русского путешественника Карамзина, взор которого не мог «совратиться» с конной статуи Генриха IV, «любезнейшего из королей французских». Это первый в истории Парижа памятник монарху, поставленный в общественном месте. Бронзовая статуя Генриха IV была отлита во Флоренции французским скульптором Жаном де Булоном. Этот «бронзовый всадник» был отправлен в переплавку во время Французской революции 1789 года.

Статуя, которая сейчас находится на Новом мосту, работы скульптора Ламота (правильнее Франсуа Лемо — *В. Н.*), восстановлена в 1818 году.

Рассказывают, что один из помощников скульптора был ярым бонапартистом. Он ухитрился спрятать в правую руку Генриха IV маленькую статуэтку Наполеона I. Конь превратился в «коня троянского», так как внутри него стараниями того же подмастерья была спрятана целая кипа листовок антимонархического толка. (Кстати, бронза для памятника королю была взята из переплавленного гигантского памятника другому революционеру — знаменитому генералу Дезе, который спас Наполеона в решающей битве при Маренго. Без него Бонапарт неминуемо бы проиграл эту битву и не стал бы тем, кем он стал впоследствии — *В. Н.*)

Говорят, что на Новом мосту в любое время можно было встретить «монаха, белую лошадь и женщину лёгко-

го поведения». Монаха и белую лошадь в настоящее время встретить на Новом мосту невозможно».

(Из книги Наталии Смирновой «Париж. Приглашение к путешествию».)

Замечено также, что за всю свою историю мост ни разу серьёзно не пострадал во время многочисленных наводнений. Отсюда выражение «чувствовать себя, как Новый мост».

А вот самым футуристическим автомобильным мостом Парижа следует признать, конечно, мост Шарля де Голля (Pont Charles-de-Gaulle), построенный в 1993 году и соединяющий два известных парижских вокзала: Лионский — на правом и Аустерлицкий — на левом берегу Сены. Его профиль напоминает самолётное крыло.

Недалеко от Нового, двигаясь по течению реки с востока на запад, расположен один из немногих пешеходных мостов через Сену — мост Искусств (Pont des Arts) или мост Влюблённых. Он соединяет Квадратный двор Лувра с Институтом Франции. Там, во Французской Академии, под огромным куполом с золотыми прожилками работают «бессмертные», как здесь называют академиков. На мосту часто устраиваются всякого рода художественные выставки. На лавочках и прямо на деревянном настиле моста в хорошую погоду сидит или даже полулежит множество влюблённых пар, которые любят Парижем, Сеной, ну, и, конечно, друг другом. Они же в своё время завесили все парапеты моста символами нерасторжимой любви — замочками, ключики от которых выбрасывались в Сену. Замочков было так много, что некоторые секции парапетов под их тяжестью грозили вот-вот свалиться в Сену. Их сняли и заменили застеклёнными.

Следующий большой мост Парижа — мост Согласия (Pont de la Concorde) Он переброшен от главной площади страны с таким же названием к зданию Национальной Ассамблеи — нижней палаты французского парламента. Утверждают, что он построен частично из камней разрушенной Бастилии, дабы слуги народа могли своими ногами попирать камни тирании. Вот только в наше время «слуги народа» пешком не ходят...

А самым красивым, безусловно, следует считать мост Александра III (Pont Alexandre III). Многие ошибочно считают, что он был подарен русским царём французской столице. На самом деле мост был построен к международной выставке 1900 года и назван в честь русского царя Александра III потому, что именно при нём был подписан Русско-Французский альянс, спасший Францию от очередного нападения Пруссии. Таким образом, мост символизирует русско-французскую дружбу. На его парапетах со стороны реки можно видеть гербы Парижа и России, а при закладке моста присутствовал сын Александра III — Николай II.

Четыре высоких пилона, увенчанных крылатыми конями — Пегасами, символизируют Науку, Искусство, Промышленность и Торговлю, а женские фигуры, сидящие у подножия пилонов, — Францию в разные периоды её исторического развития. Мост украшают замечательно красивые канделябры. Русский поэт-эмигрант Николай Туроверов писал о нём:

...И на густом закатном фоне
В сияющую пустоту
Крылатые стремятся кони
На императорском мосту.

Отсюда открывается замечательный вид на Эспланаду, ведущую к Дому Инвалидов, — на левом берегу, и на Боль-

шой и Малый дворцы — на правом. По этому мосту обычно проезжают, следуя из Елисейского дворца, главы всех государств и правительств, когда, впервые находясь в Париже, они по протоколу посещают гробницу Наполеона.

На нём часто проводятся фотосессии новых моделей Домов моды и свадебных пар со всего мира. Уж больно хорош с него вид на Эйфелеву башню.

Если двигаться дальше по течению реки, то нельзя не отметить мост Альма (Pont de l'Alma), под которым со стороны правого берега стоит фигура зуава — французского солдата времён Крымской войны, как правило, арабского происхождения. Именно по нему визуально измеряется уровень воды в реке во время наводнений. В период самого большого из них, в 1910 году, Сена поднялась каменному солдату аж до подбородка, а по городу плавали на лодках.

Именно на этом мосту Равик, главный герой «Триумфальной арки» Э. М. Ремарка, холодной ноябрьской ночью встречается с Жоан Маду — своей будущей любовью. Рядом с мостом находится тот самый злополучный туннель, в котором разбилась машина с принцессой Дианой и Доди Аль-Файедом. Никто в Париже не собирался ставить посмертный памятник Леди Ди. Об этом позаботилась сама судьба. Ещё задолго до смерти принцессы на площади, прямо над туннелем, где она позднее погибнет, была установлена уменьшенная копия Факела Свободы. Именно она и стала своеобразным посмертным памятником Леди Ди.

Очень красив мост-виадук Бир-Хакейм (Pont de Bir-Hakeim), пересекающий Лебяжий остров. Перед ним стоит аллегорическая скульптура датчанина Ведеркинка «Возрождающаяся Франция», чем-то напоминающая Дон-Кихота на коне, атакующего ветряные мельницы.

Когда-то остров был излюбленным местом дуэлистов. Сюда, на Лебяжий остров, по мнению секретарши из фильма «Ищите женщину» (одна из лучших ролей Софики Чиаурели) «самостоятельно» дошёл труп мэтра Роше.

Этот мост «перекликается» с другим, не менее красивым мостом-виадуком на востоке Парижа — мостом Берси (Pont de Bercy). Рядом с этим последним когда-то стояла статуя «Мыслителя» Огюста Родена, пока её не перенесли в музей известного скульптора.

А вот прямо за мостом Гренель (Pont de Grenelle), который пересекает тот же Лебяжий остров в его крайней западной точке, стоит Статуя Свободы скульптора Бартольди — уменьшенная копия той, что была когда-то подарена французами американскому народу. Сейчас «Свобода», как и положено, смотрит на запад. Но при открытии её вынуждены были повернуть лицом на восток: иначе собравшиеся на церемонию открытия не смогли бы поместиться на маленьком пятачке перед ней.

Со статуей Свободы «перекликается» другая женская фигура — на мосту Ла Турнель (Pont de la Tournelle), с противоположной — восточной — стороны Парижа. Она изображает Святую Женевьеву, обращённую лицом теперь уже на восток, святую покровительницу города, которая в V веке своими молитвами спасла город от нашествия Аттилы. Многие парижанки до сих пор носят на груди медальончики с её изображением.

И такая «перекличка» не случайна: Париж — город-ансамбль, где всё связано, всё уравновешено, всё перекликается одно с другим. И если одна женская фигура смотрит на запад, то другая, соответственно, должна смотреть на восток.

Впрочем, на мосту Турнель мог бы стоять и ещё один памятник — литературному герою пикардийцу Планше, которого Портос впервые увидел именно здесь. Планше плевал в воду, любуясь разбегавшимися кругами. По мнению Портоса, такое глубокомысленное занятие свидетельствовало о склонности к созерцанию и рассудительности, и, не наводя о Планше дальнейших справок, он увёл его с собой и вскоре уступил д'Артаньяну.

За мостом Бир-Хакейм, если двигаться по-прежнему на запад, — ещё один знаменитый мост Парижа — мост Мирабо (Pont Mirabeau). Больше всего он прославлен благодаря философско-лирическому стихотворению французского поэта Гийома Аполлинера:

Под мостом Мирабо тихо Сена течёт
И уносит нашу любовь...
Я должен помнить: печаль пройдёт
И снова радость придёт.

Ночь приближается, пробил час,
Я остался, а день угас.

Будем стоять здесь рука в руке,
И под мостом наших рук
Утомлённой от вечных взглядов в реке
Плыть и мерцать вдалеке.

Ночь приближается, пробил час.
Я остался, а день угас.

Любовь, как река, плывёт и плывёт
Уходит от нас любовь.
О как медлительно жизнь идёт,
Неистов Надежды взлёт!

Ночь приближается, пробил час,
Я остался, а день угас.

Проходят сутки, недели, года...
Они не вернутся назад.
И любовь не вернётся... Течёт вода
Под мостом Мирабо всегда.

Ночь приближается, пробил час.
Я остался, а день угас.

Перевод М. Кудинова

Существует не менее десятка вариантов перевода этого стихотворения!

А вот самым коротким из парижских мостов считается Маленький мост (Petit Pont), который ведёт с острова Сите прямо в Латинский квартал, а самым, на мой взгляд, «секретным» и романтичным — мост Святого Людовика (Pont St. Louis), соединяющий (внимание, влюблённые!) два острова: Сите и Святого Людовика (бывший Коровий).

При этом ещё не забудьте два пешеходных: один от сада Тюильри к Музею Орсэ, другой от парка Берси к Большой Национальной библиотеке.

Я рассказал лишь о некоторых мостах Парижа.

Выбирайте себе для прогулок, какие хотите. Пройдитесь по ним. Задержитесь на них. Посмотрите вокруг себя. Посмотрите на Сену, бегущую у вас под ногами, и пусть у вас снова и снова кружится голова от любви к этому необыкновенному городу.

Тридцать с лишним мостов через Сену висят,
Как браслеты на женской руке,
И влюблённые с них уходить не спешат,
Отражаясь в бессмертной реке...

Елизавета ПАВЛОВА

Выпускница филологического факультета университета г. Иваново. Пишет стихи и прозу с десяти лет. В 1999 году вышел сборник её стихов «Сад желаний». Около десяти лет работала секретарём Молодёжной организации при Союзе писателей России. С 2010 года живёт во Франции.

Отрывок из романа-эссе «СМЕРТИ НЕТ»

Посвящается моей бабушке

Мои мама и папа родились в сорок четвертом году. По странной случайности оба они практически не видели своих отцов, оба прожили всю жизнь в неполных, как сейчас говорят, семьях, зная только материнское воспитание и материнскую любовь. Я часто спрашивала бабушек, почему так похоже сложились их судьбы. И они отвечали просто: это война.

Война прошагала через жизни миллионов женщин, оставляя за собой выжженные полосы, руины судеб и осколки вдребезги разбитых сердец, Война, даже не убив физически, пыталась убить морально, пыталась за женскую жизнь взять огромную плату — одиночество.

Возвращались с фронтов ошалевшие от счастья солдаты. Их невесты и жены создавали и укрепляли семейное счастье и благополучие. А в это время по углам были одинокие, так и не дождавшиеся своих мужчин вдовы, мрачно грустили бесчисленные матери-одиночки, временные фронтовые жены, которым после войны пришлось уступить место женам постоянным. Так и выросло целое поколение безотцовщины.

А их матери часто оставались до конца одни в суровой простоте своей жизни, в бесконечных трудах и с огромной жадной счастья хотя бы для своего ребенка, а уже не для себя.

Но Тамара не была бы Тамарой, если бы прожила жизнь так. Для тоски и печали у нее было слишком много одиноких ночей, чтоб и днем она страдала и мучилась. Безутешно проплавав ночь, она начинала утро с веселой песенки, с планов, с выбора нарядов, с разговора с цветами. Она, танцуя, порхала по дому, внося в жизнь всех окружающих радость и свежий ветер. Бежала, вечно опаздывая, на работу, очаровательно улыбалась начальникам, заставляя их забыть все замечания и упреки в свой адрес.

Сын Сережа часто вспоминал потом, что когда мама работала на радио, она порой прибегала домой возбужденная, врывается в комнату, кричала «Тише», бросалась к репродуктору, внимательно слушала передачу и гордо говорила:

— Это я выступала.

Чем бы ни занималась Тамара, она вкладывала в это дело всю свою душу, но быстро теряла интерес к одной работе и переходила на другую. Что стояло за этими метаниями? Вероятно, это был какой-то вечный поиск нового и вечное чувство неудовлетворенности.

Тоже происходило и в ее личной жизни. После разрыва с Александром мужчины замелькали в Тамариной жизни, словно картинки в калейдоскопе. Каждый ее роман был ярким, насыщен красками, но быстротечен. Любила

страстно, без оглядки, со всем отчаянием, которого столько скопилось в сердце. Она жила, не задумываясь, отчаянно бросаясь во все мыслимые и немыслимые авантюры.

Однажды они с подругой Аней, желая познакомиться с музыкантами нашумевшего выступления гастролерованного в Иванове оркестра, тайком прошли в вагон, в котором молодые люди должны были уезжать, легли на верхние полки, притворившись спящими. В купе вошли музыканты, но до тех пор, пока не тронулся поезд, девушкам удалось быть незамеченными. Спустя какое-то время они вдруг «проснулись» и спросили удивленных до крайности пассажиров, куда идет этот состав, и выразили настоящее беспокойство по поводу того, что поезд следует не к необходимому им месту назначения.

— Что же теперь делать? — картинно вскрикивали они, хватаясь за голову. Но музыканты только улыбались.

— Просим вас проехаться с нами до Москвы, потом мы проводим вас обратно, билеты купим, а пока — присоединяйтесь к нашему столу.

И девушки, «на удивление» быстро успокоившись, с удовольствием приняли участие в трапезе и всеобщем веселье.

Думаю, что подобные случаи не были единичными в жизни бабушки. Но, несмотря на их яркость, видимо, не слишком были дороги ей, она вообще не любила говорить об этом периоде ее жизни, видимо, стесняясь его. Но особенно часто рассказывала она о своем первом официальном муже Василии.

Василий был, как и Александр, военным, статным красавцем, прекрасно пел. Бабушка всегда говорила, что все ее мужчины были певцами:

— А я уж так и вижу, если певец, значит, будет мой.

Почему именно поющих мужчин тянуло к ней?

Но до свадьбы Василий был не единственным, кто пел для нее. Каждый вечер посещал Тамару и друг Василия,

такой же красивый статный военный Алексей и тоже с прекрасным голосом. И каждый вечер сидела девушка за роялем, внимая удивительному пению двух мужчин, посвященному только ей одной. А она, красивая и величавая, слушала их с благосклонной улыбкой, а когда надоедало, смотрела на принесенные ими прекрасные цветы и думала устало, когда же хотя бы один из них сделает ей предложение или признается в любви. Но шли месяцы, а этого все не происходило. Видимо, верные законам чести, Василий и Алексей не хотели мешать друг другу и опошлять дружбу соперничеством, но не могли жить без этих ежедневных визитов к Тамаре, не желая в то же время и предоставить девушке самой выбрать избранника. Да и Тамара была в недоумении, ей нравились оба молодых человека. Они, как близнецы-братья, были порядочны, красивые, оба прекрасно относились к ней. И выбрать из двух одного она не могла никак: так жаль было потерять второго.

Но шли дни, и ничего не происходило и не менялось, и Тамара, которой надоело купаться в обожании двух очень приятных ей, но робких мужчин на расстоянии, решила сделать ход конем.

И в один из вечеров она сказала пришедшему первым Василию, что выходит замуж.

— Я не могу больше вас ждать, — томно прибавила она.

Такие же слова сказала она наедине и пришедшему позже Алексею. Весь вечер Алексей и Василий смотрели друг на друга ненавидящими глазами, первый, подозревая, что его счастливый соперник — Василий, второй, думая то же самое об Алексее, ведь жестокая Тамара ни одному из них не назвала имени своего жениха.

Песен не было в этот вечер, очень быстро удалились оба влюбленных, а Тамара принялась ждать. Она, конечно, рисковала потерять обоих, но почему-то была уверена в успехе. Она решила, что даст согласие тому, кто первым сделает ей предложение.

Василий прибежал к ней на следующий день гораздо раньше обычного, он был очень взволнован, подарил цветы и опустил на колено.

— Прошу вас, Тamarочка, быть моей женой, если только... Может быть, вы решили выйти замуж не окончательно? — Тамара рассмеялась.

— Ну, конечно, не окончательно. Я согласна, Василий.

Они стояли друг напротив друга, взявшись за руки. Оба были очень счастливы. Василий потому, что победил соперника, а Тамара потому, что ее уловка удалась. Они смотрели друг на друга и улыбались.

«Как же глупы эти мужчины!» — радостно думала Тамара.

— Я самый счастливый из людей, — стучало в голове у Василия.

В таком-то вот положении, держащимися за руки, и застал их вошедший так же, с цветами, Алексей.

— Тамара, я прошу вас быть моей женой, — выпалил он с порога и осекся.

— Поздно, — ответила девушка, — мы уже решили пожениться с Василием.

И, как ошарашенный, вылетел Алексей из квартиры. Конечно, Тамаре было жаль его, но что поделать — Василий пришел первым...

Как выяснилось позже, в ее муже была бездна положительных черт. Он был щедр, неизменно весел, общителен, галантен. Он нравился практически всем женщинам, которые поэтому безумно завидовали Тамаре. Он же, кроме нее, никого не замечал, хотя любил, как и бабушка, шумное общество и веселую, яркую жизнь.

И отмеренное им судьбою время Василий и Тамара прокутили, промотали все без остатка, каждый день превращая в праздник. Пока были деньги, они проводили все вечера в ресторанах, а когда деньги кончались, принимали дома гостей.

Рядом с ними всегда царило веселье. Они были молоды, хороши собой, дружелюбны, общительны. Но мне все-

гда чего-то не хватает, когда я пытаюсь думать о них как о семье. Они сами, да и отношения между ними, кажутся мне какими-то ненастоящими. Я пытаюсь понять причину этого и так понимаю то, что стояло за рассказами бабушки о своем первом муже: он был непроходимо глуп, он не интересовался ее сыном, он не мог, да и не способен был на создание нормальной семьи. Поэтому и отношения их с Тамарой вылились в какой-то постоянный пьяный угар, в котором «лишь бы не думать», а казаться себе и всем вокруг самыми счастливыми. И довольно быстро Тамаре приелся этот радостный, нетрезвый идиотизм Василия.

«Как бы избавиться от него? — думала она днем на работе. — С ним можно только пить и веселиться, жить с ним нельзя. Тошно».

По сравнению с интеллектуальным, поэтичным, тонко чувствовавшим Александром Василий очень много проигрывал, и бабушка кутила с мужем, наверное, с отчаяния. Мне кажется, просто она не любила Василия. Подтверждает мое мнение и история о том, как они с ним расстались.

Василий по службе был командирован в Магадан и, естественно, считал, что его жена последует за ним, как и полагается жене офицера. Но Тамара и не думала ехать с ним, хотя, конечно, и пообещала сделать это в будущем, ссылаясь на то, что маленький Сережа не выдержит дороги и перемены климата. В разлуке прошло два года.

Василий не уставал в письмах звать Тамару к себе, а Тамара... Тамара не уставала просить его дать ей развод, но Василий разводиться с ней не хотел. Эта нелепая ситуация, когда Тамара, будучи замужней женщиной, жила давно одна и, конечно, давно уже встречаясь с другими мужчинами, думала более о будущем с ними, нежели с официальным супругом, разрешилась снова, как всегда, неожиданно.

Мама Шурочка написала письмо командиру Василия в Магадане с просьбой помочь ее дочери освободиться от этого упряма. И сердобольный начальник выписал

и прислал им фиктивное свидетельство о смерти подчиненного, которое, конечно же, сразу делало Тамару совершенно свободной. Так и закончилась бабушкино первое официальное замужество.

Может быть, она никогда не искала тихой гавани, а может быть, искала, да не находила, а может, просто не умела ждать, но только после первого неудавшегося брака Тамара долго была одна, что в бабушкином случае, конечно же, значит не совсем это. Продолжалась бурная жизнь. Один мужчина сменялся другим, она меняла места работы, места жительства, она словно бы очень быстро и интенсивно проживала множество жизней, различных судеб.

Попыталась она и переехать в Москву, вожделенную в течение стольких долгих лет. Забирала маленького сына и ехала в Подлипки к сестре. Именно там и жили в то время будущие конструкторы космических ракет, одним из которых стал муж Люси Евгений. Жили все в одной комнате в доме барачного типа, спали на досках, установленных на стоящие, пустые, бутылки, которые постоянно разъезжались и на день убирались, так как в комнате было очень мало свободного места для проживающего там народа. Жили весело, романтично.

Люся тоже писала стихи, но преимущественно о любви к мужу, о материнстве, о природе. Во время длительных командировок Евгения на Байконур сестры болтали ночи напролет о женских секретах, вспоминали юность, когда не могли поделить меж собой платья, и лучшее доставалось той, которая уйдет из дома первой. Вторая же оставалась рыдать. Вспоминали, как Люся во всем подражала Тамаре, как старшая сестра, возвращаясь по ночам с танцев, принималась за еду и ставила сковородку прямо к себе на постель, а младшая, разбуженная шумом и разъяренная, эту сковородку сбрасывала с невероятным грохотом, как они после этого дрались. Они читали друг другу свои стихи.

Сын Люси, Саша, и Сережа стали лучшими друзьями. Более обеспеченная Люся покупала мальчикам одинаковые пальтишки и ботиночки. Жизнь младшей сестры была тихой, устроенной, жизнь же старшей продолжала быть запутанной и неистойвой. У Тамары в голове зрело великое множество идей. Однажды, например, она решила поехать работать летом воспитателем в пионерский подмосковный лагерь. Думаю, что бабушке на роду было написано быть именно педагогом. Дети обожали ее всегда всем сердцем, и она дарила им всю себя без остатка.

В лагере она организовала самодеятельный театр. И вот уже прекрасные пятнадцатилетние девушки, наряженные русалками, все в водорослях и цветах, выходили на берег из воды, напевая при этом:

— Где гнутся над омутом лозы...

Отдыхавшая неподалеку группа киношников (пионерский лагерь «Мосфильма» находился рядом) залюбовалась этим действием и поспешила поинтересоваться, какой режиссер работает здесь над новым фильмом. Узнав же, что это просто «самодеятельность», долго чесали свои давно оголившиеся затылки профессионалы кино.

А во время репетиций и выступлений Тамарины актрисы, влюбленные в воспитательницу по самые по уши, не могли не заметить юного горниста, пионера Витю, неизменно сидящего на дереве и наблюдающего за ходом действия. Видели, конечно, смеялись, шушукались, пытались безуспешно прогнать. Но Виктор был рыж и настойчив. Он спокойно сидел на недоступной для девчонок высоте и смотрел ...

— На кого? На кого же он глядит? Ради кого приходит сюда каждый раз? — недоумевали девчонки.

Виктор молчал. Молчал и смотрел, и ничто не могло оторвать его от этого самого главного дела в жизни. И безразличны были ему, все юные прелести актрис-русалок. Четырнадцатилетний мальчик-горнист был влюблен в Тамару. Она узнает об этом гораздо позже, через сорок пять

лет, когда ее однажды окликнут на улице, когда шестидесятилетний Виктор узнает ее. А она долго не сможет вспомнить этого упрямого-горниста на дереве, но зародится в душе ее почтение к этой долгой памяти, опять длиною в целую жизнь. И вновь тогда достанет перед ним Тамара старые фотографии девушек-русалок и услышит проникновенный темпераментный рассказ о первой любви, которую Виктор так и не забыл. Не забыл до такой степени, что станет ей каждый день звонить, часто приходить в гости, желая вновь только одного — увидеть Тамару, которой уже было за семьдесят, ловить искрящуюся улыбку глаз, плыть на волнах ее мягкого обаяния. Эти отношения тянулись много лет, он убежал к Тамаре в дом, словно в юность, от жены, меркантильных детей, внутренней неустроенности и непонимания. Они редко вспоминали прошлое, больше их занимало будущее. Виктор стал художником и журналистом, писал книгу. Он приходил с рукописью к Тамаре и читал ей ночи напролет. Честно говоря, бабушке не было интересно. Она тихонько засыпала в своем мягком кресле, но ничего не замечавший Виктор вдруг будил ее вопросом:

— Ну, как?

— Хорошо, — искренне отзывалась она.

Этот мальчик (так называла его она) был слишком дорог ей, слишком умен, чтобы она могла подумать, что он может писать плохо. Порой он бросался на колени перед ней:

— Я люблю тебя, Тамара! Будь моей женой. Со своей я давно как бы в разводе. Ты нужна мне.

Бабушка обещала подумать и думала. Думала, пока он писал следующую книгу, ссорился с женой, делил квартиру. А Виктор все звонил ей по ночам и спрашивал ответа. Однажды он пропал, пропал надолго.

— Уж не умер ли? — волновалась бабушка, но позволить ему сама не смела. Она встретила его случайно через полгода. Он еле шел, подворачивая ноги, подрагивая и

опираясь на палочку. Увидев Тамару, Виктор опустил глаза и припустил прочь. Он не хотел, чтобы она увидела его таким! Немошным, разбитым частично параличом, отмеченным инсультом.

— Витька-то моложе меня, а как сдал, — удивлялась бабушка не без злорадства, — Допрыгался. А теперь даже не признается.

Он вернулся к ней только через полгода, когда болезнь немного отошла от него, вернулся вновь с полными звонками, частыми приходами, цветами и коньяком, с томиками Мандельштама и Пастернака:

— Ты мало читаешь, Тамара.

Бабушка смеялась:

— Опять приходил Витя-титя, в любви признавался.

— А что, ты?

— А что я? Больно уж он молод.

Он просил ее руки и в свой последний день перед смертью, стоял на коленях на глазах у подруги. И вновь смеялась Тамара:

— Да, я подумаю.

И не подумала — не успела.

Бабушка, бабушка, отчего так хочется жить, жить, да так, чтобы каждый день хоть раз замирало сердце, жить с любовью и азартом? Бабушка, отчего я снова и снова вновь вижу тебя во сне? И отчего вновь мне становится так радостно и волнительно на душе?

Я перелистываю страницы твоей жизни и все пытаюсь разгадать секрет твоего обаяния. Натыкаюсь на «отрицательные» черты, острыми пиками вонзаются мне в сердце твои недостатки. Я хочу быть объективной. Но зачем? Ведь жизнь твоя сыграна, как искрометная воевильная пьеса. Где уж тут искать истину?

Часто вспоминается твоя последняя поездка на юг, из которой и была привезена та самая, знаменитая фотография на фоне моря и чаек. Она и была послана в Биробиджан старому поклоннику-«волейболисту» Виктору, после

получения которой тот сгорал от ревности. И всякий раз мне становится страшно, когда я вспоминаю тот чудовищный обман, который совершила бабушка.

Приехав в южный санаторий, она сразу же пришла к администратору и строгим голосом попросила для себя тихую одноместную комнату с видом на море:

— Я вдова, — сказала она, опуская глаза, — мне очень плохо, никого не хочется видеть. Прошу Вас что-нибудь уединенное.

Вот так она могла лгать. ... Переворачивается все в душе от стыда.

— Интересно, — спросила я ее тогда, — а что подумала администратор, видя тебя после этого гуляющей по набережной с мужчинами?

Но бабушке было все равно. Понимала ли она, что совершила святотатство? И была ли она вдовой? Да, была, была много раз по вине судьбы ли, войны, по вине своей прихоти. Первый раз вдовой даже без мужа — Жени, затем вдовой сделал ее Александр, будучи живым, затем она сама «сделала» себя вдовой после Василия, вдовой же в прямом смысле этого слова она была всего один раз.

Удивительно, но по-настоящему выйти замуж Тамаре удалось только в тридцать восемь лет. По-настоящему потому, что у нее, наконец, появился дом, любящий супруг, прекрасный отчим для Сережи. Удивительно и то, что случилось все это буквально за один день.

Они встретились на базаре. Вообще базар имел огромное значение в жизни Тамары. Она любила этот неровный гомон голосов продавцов, любила изобилие фруктов и овощей, любила изобилие мяса и даже суповых костей — он придавал ей особое вдохновение. Она часами могла выбирать мосо́лыгу, переговорив в это время о чем угодно со всеми продавцами мяса. Она любила торговаться, любила, чтоб показали товар лицом, любила и себя

показать. А когда стала бабушкой, показывала внушек и, договариваясь о цене с мужчиной, неизменно вставляла в середину фразы:

— А внучка-то у меня, какая красавица — пальчики оближешь!

Южные продавцы начинали сверкать глазами, цокать языком и снижать цену. Я стояла красная, как рак, готова была под землю провалиться, было ощущение, что бабушка торгует мной, но, купив мосолыгу, мы спокойно отходили к следующему прилавку.

— Зачем ты это делаешь? — выговаривала я потом в бешенстве.

— А что такого? — улыбалась бабушка, — Надо показывать товар лицом. Зато смотри, как дешево удалось купить.

Каждый выход на базар для бабушки был великим и приятнейшим событием. Странно, но и умерла она на базаре...

Они встретились на базаре. Вместе покупали мясо, начали разговор, видимо, именно с обсуждения достоинств оного. Потом познакомились, пошли вместе домой, выяснилось, что у них масса общих знакомых, выяснилось, что и семьи друг друга известны. Ведь отец Андрияна был знаменитейший в городе врач и однажды ночью он спас Сережу, когда у мальчика было сильное кровотечение. И живут, оказываются, они рядом.

— А не хотите ли посмотреть на мое скромное жилище? — Тамара взглянула на него повнимательней.

Перед ней стоял самый интеллигентный человек из всех, которых ей доводилось встречать в жизни. Скромно, но со вкусом одет, очень вежлив и обходителен, явно умен, но не кичится этим. Преподаватель, ученый. Глубокие, пронизательные голубые глаза, светящиеся искорками света и доброты, огромный высокий лоб.

«Какая интересная форма головы», — подумала Тамара.

Голова очень большая и вытянутая, как яйцо, — впоследствии Андриян рассказывал ей, что это память о ро-

довой травме. Дело в том, что мама должна была произвести на свет близнецов, роды были очень сложные, первый мальчик умер, а второго, чтобы спасти мать, тащили клещами. Он остался жив, но вот такая необычная голова. Позднее выяснилось, что не только форма головы была следствием травмы, но это случилось значительно позже.

Пауза затягивалась, Андриян ждал ответа.

— Да вы не стесняйтесь, я буду очень сдержан. Просто зайдите, посмотрите. Я живу один, развелся с женой, папа оставил квартиру.

Тамара прекрасно помнила этот особняк в центре города, эту богатую квартиру с мебелью из мореного дуба, в которую прибежала однажды ночью. И понимала, что она безумно хочет туда попасть и жить там до конца дней своих. Но для виду поломавшись еще немного, наконец, согласилась.

Квартира ослепила Тамару своим великолепием. Вот она, старая мебель из мореного дуба. Букеты резных цветов на ножках обеденного стола, занимавшего полкомнаты, букеты на дверцах буфета, на спинке дивана, на всех двенадцати (!) стульях. Львиные морды украшали стол письменный, крышка его была покрыта зеленым сукном, на котором возвышался огромный прозрачный зеленый камень кристаллообразной формы, старинные часы и массивная пепельница — белая ракушка, пара серебряных подсвечников и тоже серебряный письменный прибор. Все строго, четко, аккуратно, ничего лишнего.

Тамара, чувствуя себя императрицей, воссела на один из стульев и вдруг увидела себя в огромном резном зеркале над диваном, словно в зазеркалье. Из зеркала глянули испуганные девчоночьи глаза, их вид поразил женщину.

«Что-то я робею», — подумала она и вновь глянула в зеркало, перед глазами вдруг все завертелось, кадры неведомой ей пленки стали бешено меняться, ей вдруг показалось, что она увидела всю свою жизнь, то, что было до и что будет после. ... Последний кадр — базар. Тамара

встряхнула головой, снова огляделась, поняла твердо: все это было. Сейчас войдет с кухни Андриян и что-то скажет про мясо. Так и есть.

— Ну что, Тamarочка, давайте приготовим обед из нашего чудесного, выбранного самой богиней мяса.

— Богиней? — «не поняла» Тамара.

— Вами, — коротко пояснил Андриян так, как будто это так просто было понять. — Вы моя богиня.

— Тогда вы мой бог, — отшутилась женщина. — А теперь пойдёте готовить нашу божественную пищу. Кстати, а амброзия у нас имеется?

— О, простите, Тamarочка, побегу, куплю.

— А я тут похозяйничаю. Не возражаете?

— Что вы, что вы... Я вас просто об этом умоляю!

И бабушка принялась за обед. Приготовление пищи было для нее делом творческим, а не утомительной ответственной обязанностью. Она могла готовить, играя с детьми, разговаривая по телефону. Ее блюда — это постоянный эксперимент. Когда готовила, долго не раздумывала: бросить — не бросить тот или иной ингредиент — бросала, сто или двести граммов — бог знает. А если у бабушки пытались попросить рецепты, то дело заканчивалось крахом.

— Этого положите немного, а этого побольше.

— А сколько же именно?

— Бог знает. На глазок.

— А как же вы готовите?

— О, всегда по-разному. И всегда все по-разному получается.

Кроме знаменитых бабушкиных пирогов, готовить которые научила ее, как вы помните, московская тетя Лиза, известна и почитаема всеми была запеченная в духовке бабушкина утка, прежде всего с яблоками, но были и вариации (фаршированная гречей, грибами, рисом, овощами). Почитаема настолько, что однажды оставленную между дверями утку украли вместе с утятницей.

Ах, где вы, бабушкины утки, налитые жиром, покрытые золотистой корочкой, поджаренные, тоже золотистые, ставшие прозрачными яблочки на огромном старинном фарфоровом блюде. Вынос утки гостям был особым действием, сопровождаемым благоговейным молчанием присутствующих и радостными возгласами бабушки. И вот утка воцаряется на столе. Далее следует опять священный обряд — разрезание. Но вот — команда подана — и все уже сидим с губами, щеками, носами, и, конечно, руками в жире, сияем, лоснимся и ищем глазами салфетки. Минут через пятнадцать умытые и слегка отдохнувшие пьем вино и вдруг — второе явление: на сцене «Наполеон». Это еще одно коронное бабушкино блюдо. Торт из множества тонких, слоистых, поджаренных коржей, пропитанных специальным кремом. Не знаю, как другие блюда, но вот такой же «Наполеон» по бабушкиному рецепту испечь так никто и смог. И в сердцах откладывали люди эту бумажку с записью после первой же попытки — то, что находилось у них на столе, «Наполеоном» не было.

Бабушка готовила с наслаждением. Доброй феей хлопотала она на маленькой кухоньке, напевая и улыбаясь своим мыслям. Такой же и увидел ее вернувшийся из магазина Андриян и, сев в немом восторге на табуретку между дверей, пролепетал:

— Тамарочка, вы волшебница!

— Ну вот, скоро все будет готово, — с удовольствием пропела Тамара.

— А пока давайте выпьем вина, — взял инициативу в свои руки опомнившийся Андриян.

Выпили вина, принялись за трапезу. Они сидели вдвоем за огромным дубовым столом, принадлежавшим когда-то, наверно, зажиточным купцам, и вели непринужденную, очень приятную беседу, шутили, улыбались, читали друг другу свои стихи. Да, да, Андриян тоже писал, после его смерти я нашла у бабушки хорошо сохранив-

шуюся, но уже пожелтевшую общую тетрадь в клеточку, полностью исписанную аккуратным, красивым почерком черными чернилами. Стихи в основном были о любви, но не только, кое-где мелькали сатиры с эпитафиями из Маяковского, и я поняла, что у бабушки была четко выраженная общественная позиция.

Тогда он работал преподавателем во Всесоюзном заочном энергетическом техникуме. Смотрю на фотографию его педколлектива и удивляюсь. Сколько серьезных, интеллектуальных, интеллигентных людей! Все, как на подбор, «из бывших». Да тот техникум, наверно, был похлеще теперешней академии! Но даже на этой приятной фотографии дедушка выделяется, он на ней все равно самый-самый. Да, такого человека я больше не встречала в жизни.

Бабушка, я посылаю тебе привет в твоё небытие и благодарю тебя за то, что в этот солнечный, зеленый день ты пошла на базар, за то, что тебе понравилась мебель из мореного дуба, за то, что ты сразу поняла, что этот человек нужен тебе и нам всем: твоему четырнадцатилетнему сыну и двум твоим еще не родившимся внукам.

Кто из них кого соблазнял больше и кто желал быть больше соблазненным — я не знаю.

Знаю то, что Тамара в эту ночь осталась у Андрияна и что на следующий день они решили пожениться. Андриян был очарован, влюблен, его глаза горели огнем. Он был рыцарем, был кавалером. Бабушке же надлежало играть роль покоренной принцессы.

— Осваиваешься ли ты у меня, Тамара? — спросил он ее через четыре дня. Он почему-то считал, что бабушка испытывает большую неловкость в новой обстановке.

— Да, понемножку, — ответила Тамара, опустив глаза.

— Давай, я покажу тебе все твоё хозяйство, — величественно, но очень ласково предложил Андриян.

— Может быть, не стоит, — продолжала играть свою роль бабушка.

— Нет, смотри, — радушию мужчины не было предела.

И он распахнул перед Тамарой три кованных железом огромных сундука, в которых чего только не было. Столовое фамильное серебро, древние вазы, дюжина батистовых рубашек высокого качества, старинные сервизы из фарфора на двенадцать персон, постельное белье.

— Это все твое, — даровал он широким жестом.

Тамара охала и восхищалась, Андриян радостно улыбался. Откуда ему было знать, что содержимое всех трех сундуков было обследовано его принцессой в первый же день.

После торжественного дарения имущества была приглашена в гости и мать невесты, почти шестидесятилетняя Шурочка, которая выглядела тогда на сорок. Маленькая, тоненькая, юркая, завитая по моде на шесть месяцев впорхнула она в новый дом дочери и сразу начала хлопотать. Зашедший на огонек друг Андрияна, увидев ее и скромно стоящую в уголке Тамару, спросил:

— С дочкой взял? — имея в виду, что Андриян женился на Шурочке. И все долго смеялись.

— Это моя мама, — представила Тамара явно польщенную Шурочку.

Друзья его невестой были очарованы, многие с первой же встречи на всю жизнь влюблены, но вот родной брат жениха резко не одобрил его выбор.

— Кого это ты привел в наш дом! — орал он в телефонную трубку.

— Мою богиню, — блаженно улыбался Адриан.

— А знаешь ли ты, что твоя богиня переспала с половиной города? — не унимался Вадим. — Проститутка, — бросил в сердцах.

— А я о такой проститутке всю жизнь мечтал, — с гордостью отрезал Адриан и бросил трубку.

Разгневанный Вадим с науськивавшей его стареющей женой пришли в дом к брату на следующий же день с по-

возкой. Погрузили на нее шесть из двенадцати стульев и большую часть добра из сундуков, чтобы не досталось наследство этой проходимке.

Тамара и Адриан стояли в дверях и смеялись им в лицо. Они были счастливы.

— Хотя, конечно, жалко имущества, — скажет бабушка потом.

Обещавший перерасти в вечный конфликт между братьями после вывоза ценностей совершенно себя исчерпал, а потом оказалось, что его и нет вовсе. И Вадим с супругой стали постоянными гостями дедушкиного дома, лучшими друзьями семьи и самым замечательным украшением стола. Ведь Вадим был хорош собой, обаятелен и остроумен, очень галантен, как и брат, и обходителен. Такой прекрасный кавалер!

Мне посчастливилось увидеть его на многих бабушкиных балах — веселого, танцующего. Я была безумно влюблена в этого доброго дяденьку, обожала, когда он меня (!) четырехлетнюю приглашал танцевать, галантно встав на одно колено. Ревновала его до обиды и злости к одной очень красивой молодой одинокой женщине, явно ему небезразличной. Как я бросалась них, щипала их за ноги и отталкивала друг от друга, потом плакала в уголке от безрезультативности моих попыток. Вадим только смеялся:

— Я еще потанцую с тобой, моя принцесса.

— Вадим, да она просто влюблена в тебя, — заливалась бабушка.

Я убегала в ярости. Мое настроение не смогла поднять даже ходячая и говорящая Анжелика, кукла, которая оказалась за дверью в новогоднюю ночь, когда я вышла по просьбе бабушки после звонка открыть дверь.

— Смотри, кто к нам пришел, — шептала мне заговорщически бабушка, — из самого Парижа приехала Анжелика.

Но я не желала и смотреть на нее. Куклу забрали с мороза в комнату и ключом завели.

— Смотри, смотри, идет, — кричали все.

Я замерла от удивления, но куклу в руки в этот день так и не взяла, сидела под столом между ног гостей и бросалась снизу на Вадима, тайно под столом обжимавшего прекрасную соседку. Но никто не обращал на меня внимания, все веселились, все были счастливы.

Никогда не забуду, как бабушка с дедушкой пели. Он садился в кресло, Тамара садилась к нему на одну ногу, а меня он сажал на другую.

Там, в дали за рекой, загорались огни,
В небе ясном заря загоралась,
Сотня юных бойцов из буденовских войск,
На разведку в поля поскакала...

Никогда не забуду, как было весело, когда мы только втроем заводили пластинки (их у бабушки было великое множество) и танцевали. «Четыре неразлучных таракана и сверчок»... Это была очень грустная, но такая веселая песенка об одиноком старичке, который никак не мог избавиться от надоедливых квартирантов. Он пытался отравить их ядовитым порошком пещ, в конце концов, уехал на Северный полюс, открыл чемодан, а там:

Веселая компания по-прежнему сидит.
И, распевая песенки, ушами шевелит.

Мы танцевали весело, дружно взявшись за руки, а под ногами бегала, тоже радуясь и счастливо лая, неизменная собачка — болонка Тимка.

Елена УЛИССОВА-ПИАНКО

Родилась и выросла в Ленинграде. Окончила романское отделение Университета им. Жданова. Живёт в Париже с восьмидесятих годов. Преподавала русский язык во французских лицеях и аргентинское танго в ассоциации Le Temps du Tango. Публикуется во французских и немецких сборниках, а также в Тургеневском ежегоднике города Орёл. Прорыв из быта в бытие созданием словесных художественных образов, а также благодаря телесной одухотворённости танца продолжает манить и влечь. Девиз жизни: питать пессимизм оптимизмом.

РЫЦАРЬ ОРДЕНА «ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ»

Восьмилетний мальчик Витя мало видел природу: отец-архитектор, охваченный «небоскрёбоманией», постоянно ездил с женой и сыном в разные мегаполисы любоваться архитектурными чудесами. На каникулах мама увозит Витю в Вогезы к бабушке и дедушке. Желание увидеть новое толкает мальчика на вылазки по незнакомым местам. Как-то раз он оказывается около старинного поместья с надписью на воротах «Жизнь проходит, смерть приходит». Пересилив страх, он входит в запущенный мрачный парк. Через несколько дней в поместье у Вити происходит неожиданная встреча.

Однажды, как обычно, Витя толкнул незапертые ворота, прошёл древнюю липовую аллею, приблизился к угрюмо-дремлющему дому и... обмер от странного и небывалого. Грязная терраса, прежде заваленная опавшей листвой, была аккуратно выметена, пыльные окна вымыты и радужно переливались, через распахнутые двери виднелась длинная анфилада комнат и слышалась песня, жизнерадостная, звонкая, зазывающая:

Ты мне сказал, что я создана
Для странно-чудной жизни,
Мысли роятся в моей голове,
И я делаю то, что хочу.
Следуй за мной
В странно-чудесную страну,
Будем видеться каждый день...

На террасу вышла девушка в голубой косынке, ситцевом платице с засученными рукавами, вылила ведёрко с грязной мыльной водой — и... увидела округлившиеся удивлением мальчишечьи глаза.

— О... произнесла она лукаво — теперь я понимаю, что не добрый конь протоптал тропу к террасе, не сладко-ежка-медведь приходил лакомиться ягодами в малиннике, а будущий богатырь.

Её раскосые тёмные глаза искрились смехом, она отёрла о подол руку, протянула ошеломлённому Вите:

— Вероника.

Девушка-певунья ввела мальчика в дом, спросила, не было ли страшно приходиться, не отпугивала ли надпись на воротах?

— Нет, скорее заинтриговала и привлекла, — смущённо проговорил он.

— Вот и хорошо. Молодец, что зашёл в наше сонное царство. Я приезжаю редко, живу в Женеве, из лаборатории, в которой работаю, трудно вырваться. Дом построил мой прадед, это его владения, он занимался наукой и не любил принимать посторонних. Надпись на воротах придумал он, чтобы пугать незваных гостей. В округе его опасались и за нелюдность прозвали алхимиком. Идём, я покажу его рабочий кабинет.

Свет едва проникал в окна: разросшийся хмель плотно облепил стёкла, как будто хотел заглянуть, забраться в кабинет — что там за тайны хранятся, какие существа прячутся?

В полумраке путались, стояли вперемежку вещи, — Витя натёкался на части стальных, железных, медных машин. «Оптические приборы — сказала Вероника, — прадед интересовался явлениями света».

Вдоль стен в высоких до потолка шкафах хранились изогнутые стеклянные трубки, хрупкие колбы — казалось, чуть прикоснись к ним, как разлетятся на мельчайшие кусочки-осколки. Тоном экскурсовода, Вероника поясняла:

— Вот тигель для обработки и плавки металлов, в это — реторты для перегонки веществ. Мой учёный прадед занимался созданием лекарственных препаратов на спирту, такие настойки научно называются тинктурами.

Виктор подошёл к застеклённому шкафу — на полках в бутылках навеки заснули птицы, лягушки, ящерицы и летучие мыши. Мальчик отпрянул, испугавшись, когда разобрал, что в одной из бутылей был человеческий зародыш.

На столе среди разбросанных бумаг стояла на золотой подставке потемневшая от времени и сырости фотография. Лицо старика было необычно, скорее уродливо, чем привлекательно: плоский, расплющенный нос, толстые плотоядные губы — как у вампира? — пряди длин-

ных седых волос висели вдоль впалых щёк. Зато глаза! Пронзительные, они проникали в душу смотрящего — что там прячется, богатство или нищета?

Вероника перехватила взгляд Виктора:

— Знакомься, — Роберт Корзи, мой предок.

— Насколько вы не похожи! Вы такая весёлая, мило-видная, приветливая!

— Внешне не похожи, но не внутренне. Прекрасное жило в нём, и в старости он сохранил молодость души. Подростком, я взахлёб читала его дневники. Он писал, что учёному нужно опасаться быть самонадеянным и самоуверенным, развивать в себе терпение и критичность. Я тебе уже сказала, что работаю в лаборатории, это наследие Роберта Корзи. Его страсть к наукам в моей крови.

Кабинет остался в таком виде, каким он был при жизни прадеда, с его беспорядком и поисками. Я ничего здесь не хочу менять. Лаборатория Роберта — секрет поместья, царство разума.

— В некоторых бутылках заспиртованы летучие мыши, большие и маленькие, мне интересно...

— А... летучие мыши живут у нас в доме, я специально оставила открытым вход на чердак. Их опасаются и истребляют, существует поверье, что они — слуги дьявола и ведьм. У меня же они под защитой.

— Почему я никогда не видел их?

— Ты приходишь днём, когда они спят. Но на чердак сейчас мы не пойдём, они могут ослабеть, если их вспугнёшь во время сна. Тело остывает во время отдыха и на пробуждение тратится большая энергия. Охотятся они в сумерках, их полёт своеобразен и необычен, я покажу тебе.

— А бабушка, дедушка? Отпустят ли?

— Не бойся, я договорюсь.

И волшебство произошло, Вероника очаровала, покорила Витиных родных, и ночное бдение стало возможным.

В сумерках Вероника и Витя заняли «посты» наблюдения около чердака. Несмотря на подготовку, вылет летучих мышей оказался неожиданным: при слабом уличном освещении друг за дружкой стремительно пронеслись две особи. «Полетели к пруду — комментировала шёпотом девушка, — после пробуждения пьют воду. Это самцы-одиночки, самки выбирают более укромные места, особенно когда у них детёныши. Скоро начнётся охота, она длится недолго — где-то с полчаса, смотри, не прозевай».

Ночное порханье летучей мыши поразило Витю. Оно не было плавным и величавым: то зверёк взмывал вверх, то падал внезапно вниз, почти касаясь травы. Тень его крыльев, отражаясь на стенах, усиливала эффект действия. Если бы мальчик не знал, что летучая мышь охотится, он принял бы её полёт за шаловливую, беспечную игру — резвится, забавляется сумасбродная малышка. Красиво и весело!

За вечерним бутербродом Вероника объясняла:

— Охота летучей мыши — объект изучения. Во время охоты сообщником летучей мыши становится эхо, оно помогает мыши ловить добычу, ловко и стремительно передвигаться и контролировать полёт. Такое явление называется эхолокализацией. Видишь ли, летучие мыши прекрасно видят в темноте не столько глазами, сколько через ультразвук — хищница посылает звуковые импульсы к жертве, они отражаются от преследуемого насекомого и возвращаются эхом.

— Люди могут услышать ультразвук?

— Очень редко и только необычайно острое ухо улавливает его, чаще всего детское. Дети различают какие-то отрывистые, короткие звуки типа щелчков. Ты их слышал?

— Нет. А кого ловят летучие мыши?

— О, стол их весьма разнообразен: жуки, личинки, пауки, мотыльки, ночные бабочки. Некоторые мыши охо-

тятся на рыб и лягушек, тогда они обнимают свою жертву крыльями. Гибельное объятие! Добыче трудно вырваться из объятий сети, а зубки у летучей мыши острые!

— Есть ли среди них вегетарианки?

— Твой вопрос только на первый взгляд кажется курьёзным. Далеко от наших мест, в бразильских тропиках, летучие мыши как и колибри, пьют нектар. Правда, колибри питается днём, а летучая мышь ночью и растения у них разные. Представь себе, лианы отражают ультразвук, чтобы привлечь зверька и обильно окутать его шёрстку пылью. Лиана Мисина даже поменяла форму своего цветка, чтобы было удобнее лакомиться её нектаром. Вот тебе и сложность природных явлений — эхолокализация приносит гибель насекомым, а лиане помогает находить помощника-опылителя.

— Летучие мыши, чей полёт мы наблюдали, маленькие?

— Крошечные! Длина тельца не превышает шести сантиметров. Зато размах крыльев широк — он достигает тридцати сантиметров. Поэтому полёт так ярок, и мы можем им любоваться.

Вероника достала с этажерки альбом.

— Смотри, вот удачный рисунок, он верно передаёт строение рукокрылых. Передняя конечность имеет вытянутые четыре пальца, от них идёт перепонка, она очень эластична и доходит до пяток задних конечностей. Обрати внимание, насколько задние конечности вывернуты наружу. Учёные полагают, что вывернутость помогает садиться для спячки и висеть вниз головой.

Витя невольно рассмеялся:

— Вывернутость как у моей бабушки-балерины во время плие в первой позиции! А ещё бабушка умеет делать по системе йогов *ширшасана* — стоять вниз головой, она мне говорила, что такое упражнение помогает от расширения вен и замедляет старение.

Тут в свою очередь засмеялась Вероника:

— Молодец бабушка, она замечательная спортсменка, но летучая мышь обошла её во стократ, ведь зверёк спит много часов вниз головой, а зимой так вообще месяцами. Может быть, поэтому он вечно юн. Однако поздно, мы заговорились, ложись спать, я постелила тебе на тахте.

Вероника приблизила к себе Витю, называла его «мой дружок» и позволяла ему приходить постоянно — слова песенки первого дня их знакомства оказались вещими — «Будем видеться каждый день». Постепенно, взяв на себя роль наставницы, она открывала перед ребёнком заманчивый научный мир.

Как-то раз, спустя полтора месяца, она сказала:

— Слушай меня внимательно. Завтра в полдень я посвящу тебя в рыцари. Накануне тщательно вымойся, если можешь, прими ванну, если это сделать сложно, то помойся под душем — вода обновляет и очищает, питает силами для новых начинаний. Одень белую майку, белый цвет — символ важного поворота в судьбе, он идеален для инициации.

На следующий день, придя в усадьбу, Витя обомлел: Вероника предстала перед ним не обычной труженицей-ученым, а королевой, как будто только что покинувшей мамину средневековую рукопись. Тёмные волосы, обычно стянутые в тугую косу, свободно спускались по плечам. Голову украшал венец из золотой фольги, белое длинное платье с жёлтым поясом подчёркивало естественную стройность стана. Величественным жестом пригласила она мальчика пройти в полутёмную залу с занавешенными шторами. На каминах горели светильники. В центре залы на каменных плитах алела шёлковая подушка. Девушка велела Вите преклонить колени и опустить голову. За отсутствием меча, она взяла для обряда одну их коллекционных шпаг прадеда. Торжественно, громко произнесла первую формулу посвящения: Во имя Бога, святого Михаила и святого Георгия, посвящаю тебя в рыцари. Будь храбр, верен и благороден — и прикоснулась клин-

ком к правой щеке, затылку и левой щеке мальчика. Строго и серьёзно продолжала: С этого момента ты — рыцарь ордена «летучая мышь». Устав ордена становится для тебя святыней. Отныне исключено беспечно-пассивное любование природой. Рыцари ордена обязуются:

- защищать животный мир, от больших до самых маленьких его обитателей;

- оберегать леса — лёгкие планеты;

- бороться с варварским уничтожением верхних слоёв земли;

- сражаться за очищение пресных вод от ядовитых веществ;

- противиться загрязнению Мирового океана.

Тут голос потеплел, в нём появились мягкие интонации прежней Вероники:

- Не думай, дружок, что ты обязан выполнять все пункты устава — это непосильно не только человеку, но и титану. От общих положений перехожу к конкретному. Каждый человек уникален и интересы его индивидуальны. Пока ты был моим оруженосцем, я наблюдала и заметила твою заинтересованность насекомыми и мелкими животными. Кто знает, может быть, это и есть твоя стезя? Рыцарь, опираясь на собственные опыты и изучения, обязан напряжённо искать. Нет ничего окончательного, априорного и догматического. Знаю, что научный путь нелёгок и бесконечен. Оставайся открытым — поиск сам по себе прекрасен.

Ты выслушал длинную речь. В награду получи шлем, он поможет тебе избегать ошибок и заблуждений, хотя они и неизбежны. — И Вероника украсила голову новоиспечённого рыцаря шлемом из серебристой фольги и могла подняться с колен.

- Ты заслужил пир, он, правда, будет скромным — я приготовила вместо вина земляничный морс и черничный пирог.

Убегало стремительно лето. Вероника засобиралась: «Пора возвращаться в Женеву, в лаборатории совершенная техника для опытов, меня ждут». Она потрепала по щеке приунывшего мальчика, потеревила за вихры:

— Ну, дружок, кто знает, лет через пятнадцать встретимся на научном поле брани? Молодые таланты так нужны.

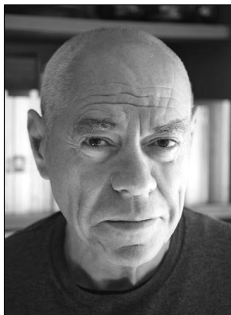
Всё чаще шли дожди, утренние, морозящие. «На весь день», — констатировала бабушка и ещё упорнее и бойчее принималась шелестеть вязальными спицами. Изредка выводили Амалию на пастбище. На сеновале душисто пахло подготовленной дедушкой на холодный сезон высушенной травой. В доме на подоконниках умирали шмели. Витя был неутешен, трудно в восемь лет смириться с быстротечностью существования этих милых толстеньких пушистых созданий, чьё бодрое жужжание ещё недавно радовало его. Он пытался спасти шмелей, питал капельками мёда, в ответ они лишь вяло шевелили лапками.

— Пришёл их час, — объяснял дедушка, на подоконниках шмели-труженицы, зимой выживут только личинки и шмелиная матка.

Приехала мама, увезла в Париж. На улицу Турнефор вернулся не бледнолицый худенький мальчик, а окрепший и загоревший будущий отрок; не пантеист, как полагала мама, а рыцарь ордена «летучая мышь», но... чур... о таинственном превращении знали только он и Вероника.

Владимир ЧЕРНИН

Режиссёр, продюсер, со-хроникёр, автор и актёр французского телевидения, Владимир Чернин одновременно увлекается эпистолярным творчеством. Он — автор искрящихся юмором рассказов. Один из них предлагается вашему вниманию.

А ЧЕГО ЭТО ВЫ ВСЁ В ЧЁРНОМ, МАЭСТРО?

Я вытащил эту старую зарисовку по причине её неожиданной актуальности. Великий закройщик ошибся ровно на 10 лет, ну и место тоже не угадал. Ну да что такое 10 годков на циферблате истории? Даже не микро миллиардная доля секунды! Конечно, *Фомы неверующие* мне скажут, что ближний космос стал настоящей помойкой и нетрудно догадаться, что рано или поздно всё оттуда нам попадает на головы... Так-то так, но всё же... Так как этот рассказ я написал давно, то он у меня в прошедшем повествовательном времени. К моему великому сожалению, не все действующие лица нижеописанных событий пребывают на текущий момент в относительном здравии... самый молодой Игорёк, ушёл от нас лет 15 тому! Оказалось, что у него была сильнейшая гипертония,

с которой он полетел на край света к своей школьной подруге, в которую был долгие годы влюблён и которая, наконец, отозвалась взаимностью. Этот 12-часовой перелет оказался роковым! Прилетев и обняв свою юношескую любовь, он лёг в гамак, натянутый между двумя пальмами, и тихо отошёл. Мне это совсем недавно рассказал Макс за столом шикарного грузинского ресторана, куда он нас пригласил с семьёй. Мы хрюкнули по рюмке за то, чтобы Игорьку там, где он сейчас, было бы хорошо и покойно. Поэтому этот маленький рассказ посвящается и ему тоже!

Главный же герой Пако покинул нашу крошечную планету в феврале этого года в почетном возрасте 88 лет. Его голограмма улетела на Млечной путь и я, конечно, помянул как следует этого великого мастера, с которым мне посчастливилось познакомиться. Этот маленький рассказ, естественно, посвящается ему и Игорьку.

* * *

Телевизионный продюсер и режиссер Макс был хорошего мнения о своей персоне, и он был прав, потому как человек был способный, перефразируя Алексея Толстого, можно было бы сказать — «боярин ума гораздо *не* среднего». Одним словом, парень был умный, но чутка понтовитый. Ходил Максуща модно сутулясь, светлыми ресничками со значением прикрывал голубые глазоньки. Во Францию он приезжал по три раза в год, в Париже чувствовал себя как в своём кооперативе в центре Москвы.

Кузя с Паатой организовывали ему съёмки французских знаменитостей по полной программе, включая транспорт и перевод. Процесс дожимания знаменитости, дабы она согласилась потратить своё драгоценное время для какого-то тёмного московского канала, занимал у Кузи от двух месяцев до трёх лет. Если после сотенного фак-

са (в эту эпоху общались в основном факсами) объект не сдавался, Кузя начинал шантаж *à la russe* (шантажировать по-русски).

Выглядело это приблизительно так: «Мы за вас войну выиграли, а вам интервью организовать жалко! И вообще, что делали ваши родители в 1942–1945, а? Во время этой войны 27 миллионов советских погибло и добавлял если Паата был рядом — одних грузин погибло в десять раз больше, чем было партизан во Франции». «Почему в десять? В двадцать!» — возмущался Паата. Иногда его посылали в *русскую* баню, а иногда помогало, как в данном конкретном случае.

Макс работал «вкупе». Его *alter ego* звали Игорёк и, ясное дело, он был оператором. Кузя заметил, что, независимо от национальной принадлежности, операторы любят обстоятельно рассказывать свои операторские истории. Ребята они, как правило, коренастые, крепкие в икрах и сильно потеющие от беготни с камерой. Игорёк потел животом. Это удивляло его самого, но это факт. Под мышками он, конечно, тоже потел, но как нормальный человек, а вот с пузом была прямо беда. Он немного комплексовал по этому поводу, но так как у самого Макса случались перебои с пищеварением, а Кузя, совсем наоборот, не отходил от туалета далее, чем на пять метров, так ничего, работали. Платил продюсер по российским тарифам, то есть мизер. В Париже как раз за наём машины отдать. Как говорили в застойное время, Макс «понты гнал, а бабки тормозил», скорее его свёрстанная в Москве смета тормозила эти самые «тити-мити», и не будем забывать, что вышеописанные события имели место быть в голодные девяностые, тогда было не до хорошего. Макс и себе не мог много чего позволить. И сказать, что у него совсем не было совести, нельзя, года через два совместных трудов он начал вставлять Кузину и Паатину фамилии в список обслуживающего персонала. Русские телевизионщики

называют этот знак внимания «втискиванием в братскую могилу». Кузя где-то даже был уверен, что Максуща их с Паатой по-своему любит, и не только за объём работы, выполняемой за три рубля двадцать копеек, но что он к ним привязался просто по-человечески.

Деньги Кузя делил с Паатой поровну. Паата, как указывает его имя, был «лицом грузинской национальности». Он был по-тбилиски элегантен и в своей предыдущей жизни в Тбилиси значился как писатель диссидент, возглавлявший какое-то оппозиционное течение. Работали они с экономным Максом, как было сказано, почти себе в убыток, и часто давали ему это понять. Но Максуща это было как моряку брызги, он не обижался на людей, которым он пускай даже символически, но всё же платил. Он переводил знаменитую латинскую поговорку «*homo homini lupus est*» как «человек человека лупит и ест», что в принципе соответствовало изначальному смыслу пословицы. Его несгибаемость удручала, но деньги, даже малые, всегда приходились, кстати. Опять же личности, которых он просил Кузю ему организовать, были главные в списке по значимости. Паата это дело прямо-таки обожал. Шарманистый, как все интеллигентные грузины, он быстро очаровывал звёзд и тут же приглашал к себе на обед. Лучшая грузинская кухня в Париже находилась в Паатиной квартире. И это факт.

Иногда Кузьма дожимал звезду из чисто спортивного интереса. Так было и в этот раз со знаменитым «кутюрье», которому было наглухо запрещено давать кому-либо какие-либо интервью. Его старшие товарищи (то есть те, кто купили его имя) ему просто велели рта не открывать, кроме как для принятия пищи. Надо сказать, что в последнее время маэстро раздухарился не шутку. И книгу написал, и из телевизора не вылезал. Всё рассказывал: как он был проституткой в Египте при Рамзесе II и делал всякие сумрачные предсказания... А потом вообще! Возьми,

да и скажи, что станция «Мир» вскорости шлёпнется на Париж! И место точное указал — прямо на сахарную голову Сакре Кёра и упадёт! В принципе, французов на мякине не проведёшь, они книжек умных не читают, живут своей головой. Но были, которые запаниковали и начали затачиваться консервами и крупами. А главное — акции фирмы предсказателя резко упали на бирже, а здесь с этим старшие товарищи не шутят. И пропал человек с экрана и со страниц модной прессы.

Кузя боролся с его суровым окружением месяца четыре. Уговоры, шантаж и угрозы устроить мировой скандал — всё было пущено в ход настырным Кузей, благо из дому выползать не надо, всё по телефону. В какой-то момент приближённые поняли, что он не отвяжется, себе дороже будет, и, к вящей радости закисающего модельера, согласились на интервью. Но чтобы ни гу-гу про станцию «Мир». И вообще, никаких предсказаний! И не поощрять чтобы! Ну так разве эту Кассандру удержишь!

Одна из новелл у непревзойденного Ивана Бунина начинается словами: «Отец мой похож был на ворона...». А у знаменитого кутюрье была голова филина. Точнее, полярной совы. Аккуратно постриженные седые волосы переходили в тщательно ухоженную серебристую, коротко же постриженную бороду. Круглые глаза на его породистом лице выражали приблизительно следующее: «Да, с тараканами! Ну и что? А возникать будете, могу и по сусалам!» Макс и Кузя сидели рядышком на стульях под камерой, за которой потел Игорёк. Паата статно вырисовывался на заднем плане. Перед ними за дизайнерским столом, как всегда, весь в чёрном, сидел законодатель мод. На столе лежала развёрнутая газета «Лё Монд». «Догадается Максим спросить, почему Нострадамус всегда в чёрном?» — подумал Кузя.

Горячими испанскими очами кутюрье буравил наших четырёх протагонистов. В какой-то момент вместо того, чтобы отвечать на очередной вопрос, он, глядя на Макса сурово, возьми, да и спроси сам:

— А у этого молодого человека дедушка есть?
— Сейчас переведу, — обрадовался скучающий Кузя.
— Вижу я как бы свинцовое облако над ним и его близкими, — продолжал утробным голосом филин.
— Чего говорит? — заёрзал Макс.
— У тебя дед есть? — серьёзно спросил Кузя.
— Дедушка — это святое, — вздохнул за их спинами Паата.

— Какого-такого?! — захлопотал лицом Максуса. — Какой ещё, в баню, дед? О каком дедё идёт речь, я изви-няюсь?

Веснушки на лице у него стали отклеиваться. Напротив, за столом, полярная сова ухала от удовольствия.

— Да и ему самому тоже надо бы поостеречься, — не унималась она. — По возвращении пусть не садится в машину, которую за ним пришлют, — плохо будет.

Кузя с удовольствием переводил, Паата не то сочувственно крякал, не то давился со смеху. Но вот Максуса было не по себе — как все российские люди, он был суеверен. Он как-то потерял вкус к своей интересной работе, заскучал и забыл спрашивать. Кузя воспользовался паузой.

— А чего это вы всё в чёрном, маэстро? Так предсказывать лучше?

— Вот она бомба-то! Вот она! — замычал потомок конквистадоров, тыкая пальцем в развёрнутую газету. Там во всю страницу была изображена станция «Мир».

«Укусит, как пить дать укусит!» — струсил Кузя. Хозяин места вдруг резко успокоился, гордо выпрямился и произнёс:

— Такие рубашки и куртки носят испанские крестьяне и кузнецы.

— Чем ма-а-а-тивируете? Вы что, крестьянин? — поинтересовался Паата.

— Моя матушка была секретарём коммунистической партии нашего региона. Я очень горжусь моим пролетарским происхождением. И он поднял левую бровь домиком.

«Почему бы и нет, когда всё в шоколаде», — подумали хором Кузя и Паата, переглянувшись.

Как бы там ни было, настроение у Макса было испорчено до конца поездки. Даже подаренные духи с автографом «На память. Пако Рабан» не развеяли «свинцовое облако», накарканное противным портняжкой. Мы тоже все были удостоены этого царского подарка, и свой я храню до сих пор. Макс звонил в Москву справиться о деде и узнать, кто его повезёт из Шереметьево. Просил жену приехать самой. Но к следующей поездке он, как говорится, уже оклемался, снова ходил гоголем, с удовольствием щурясь на свой любимый Париж. Потому как Макс, хоть никогда и не говоривший этого вслух, считал, что самый красивый город в мире — это, конечно, Париж. И этот факт, как и другие прочие, продолжает нас объединять и сейчас, потому как есть что вспомнить. И вообще, как показывает время, идеальной дружбы не существует.

ПЕРЕВОДЫ

Мишель БЕНАР

Родился в Реймсе в 1946 г. в семье ремесленников, и чувство корпоративного братства повлияло на всю его дальнейшую жизнь. Поэт, художник, эссеист, искусствовед, литературный критик, пацифист, Мишель Бенар путешествует по всему свету. Вице-президент Общества французских поэтов, он организует выставки в музеях, галереях и других культурных пространствах, печатается в многочисленных поэтических сборниках. Он свято верит в могущество искусства: как и религия, поэзия для него — последний путь надежды для человека.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ ОБЩЕСТВЕ ФРАНЦУЗСКИХ ПОЭТОВ

Общество было основано 8 июля 1902 года друзьями — Парнасцами, членами Французской Академии: Леоном Дьерксом, Сюлли Прюдомом и Жозе Мария де Эредиа. Целью Общества является создание и укрепление связей между франкоговорящими поэтами, сотрудничество с другими литературными ассоциациями и поощрение молодых поэтических дарований. Поэтов спланирует любовь к культуре и чувство взаимной привязанности.

В октябре 1902 г. в Париже отмечалось столетие со дня рождения Виктора Гюго. Общество французских поэтов остаётся верным этой традиции и в наше время.

В октябре каждого года в склепе Пантеона, где покоится прах Виктора Гюго, члены Общества читают стихи поэта и выступают с докладами. Это — дань глубокого почтения памяти великого писателя. В октябре 2023 г. в склепе Пантеона Мишель Бенар сделал сообщение «Виктор Гюго и спиритизм». Мы воспроизводим в переводе этот текст.

ВИКТОР ГЮГО И СПИРИТИЗМ

Время покоя

Когда перестаёшь верить в рай,
начинаешь верить в мистицизм.
Мирсеа Елиад

Главное поэтическое произведение Гюго, *Созерцания*, в котором звучит тема смерти, создавалось в два этапа — (Прежде и Потом) — и было посвящено его дочери Леопольдине, трагически погибшей, утонувшей в Сене в Нормандии в девятнадцать лет 4 сентября 1843 года.

Романтик, как и Шатобриан, Виктор Гюго бесконечно страдал от исчезновения Леопольдины, однако вначале он относился скептически к спиритуализму и паранормальным явлениям.

И всё же однажды он услышал голос из уст тени и «вошёл в контакт» с дочерью, этой *Великой Отсутствующей*.

В XIX веке основателем спиритуализма во Франции был педагог и философ Аллан Кардек. Многие увлекались сеансами с крутящимися и говорящими столами, и сборник Гюго *Созерцания* отражает этот интерес. Мода на крутящиеся столы пришла во Францию из Соединённых Штатов Америки.

Виктор Гюго был выслан из Франции за памфлет *Наполеон Малый* и поселился в изгнании на острове Джерси в 1852 году. В сентябре 1853 г. он пригласил туда друзей, в том числе известную писательницу и поэтессу Дельфину

де Жирардэн. Она утверждала, что заставляет говорить столы, это тогда было модно в светских и литературных салонах.

Визит Дельфины де Жирарден оставил неизгладимый след в жизни писателя. Сначала сдержанный, он в конце концов начал участвовать в спиритических сеансах.

Первые встречи не были удачными. Чаще всего собирались Дельфина де Жирарден, Огюст Вакери, генерал Фло, супруга Виктора Гюго, Франсуа Виктор Гюго и Шарль Гюго. Последний оказался замечательным медиумом.

День 11-го сентября 1853 г. — необыкновенно важная, знаменательная дата для писателя: первый вызванный дух был духом Леопольдины. Представьте себе шок, эмоции, слёзы.

Количество спиритических сеансов со временем увеличивалось, и необыкновенные встречи следовали одна за другой.

Группа беседовала, или, скорее, общалась со знаменитыми и неординарными персонажами, о которых мы позже расскажем последовательно. Каждый волен думать что хочет, но сомневаться в искренности слов участников невозможно: протоколы встреч составлялись с большой точностью и многочисленными деталями, удивительными и правдоподобными, так как некоторые ответы духов содержали неоспоримые, точные и верные факты.

С того времени Виктор Гюго уверовал в бессмертие души.

Все протоколы, составленные серьёзно и тщательно, находились в записных книжках под названием *Вертящиеся столы в Джерси у Виктора Гюго*, но уцелели лишь два блокнота, остальные либо потерялись, либо были уничтожены.

Серьёзный труд доктора Жана де Мотиньи *Виктор Гюго и спиритизм* рассказывает об этом увлечении поэта.

Секретарь и верная спутница писателя Жюльетта Друз в это время жила на Джерси. Она недоверчиво отно-

силась к такому увлечению и отмечала: *«Какими бы ни были ваши личные убеждения, я нахожу в этих дьявольских штучках в будущем больше неудобств, чем удовольствий»*.

Виктор Гюго упорствовал: *«Зачем отрицать очевидное? Конечно, духи существуют»*.

Заметим, что опыт общения с загробным миром продолжался два года, с 1853 по 1855 гг., после чего Виктор Гюго охладел к спиритуализму.

И, тем не менее, в течение двух лет он и его единомышленники интенсивно общались с духами и, бесспорно, наиболее удивительные встречи происходили благодаря присутствию поэта.

Невозможно упрекнуть участников в отсутствии правдивости, так как дух Леопольдины тоже появлялся, а Виктор Гюго настолько был близок дочери, что немыслимо заподозрить малейшую ложь с его стороны.

На острове поговаривали, что дом «Морская Терраса» посещается привидениями и временами там можно увидеть три души: Чёрную Душу, Серую и Белую, чьи призраки блуждали вокруг виллы. Кто были эти женщины, эти скитающиеся души?

Белая Дама оказалась детоубийцей, Чёрная — женщиной-друидом, сжёгшей на дольмене своего отца, а Серая никогда не раскрылась, так и осталась тайной.

Мы уже отмечали, что главной датой спиритических сеансов стал день 11ого сентября 1853г., накануне отъезда Дельфины де Жирарден. Леопольдина появилась в присутствии верных участников. Однако можем ли мы быть уверенными, что именно она общалась с отцом и его близкими? Адель Гюго оказалась проницательной и задала вопрос, на который лишь она и ее дочь знали ответ. Он оказался правильным!

Виктор Гюго был абсолютно уверен в возможность вступить в контакт с необъяснимым и невидимым. Он восклицал: *«Не надо никаких ответов. Я полностью убеж-*

дён: феномен крутящихся столов не ослабляет, но, напротив, делает XIX век более величественным».

В течение многих сеансов спиритизма поэт общался с множеством различных персонажей. Вот некоторые из них: Иисус Христос, Шекспир, Иисус, Лютер, Мольер, Байрон, Галилей, Андре Шенье...

Также с ним беседовали неизвестные духи, говорящие загадками: Тень Склепа, Критика, Смерть. Смерть ему сказала: *«Твой великой дух создаёт в жизни два труда: труд при жизни и труд после смерти».*

Список вовсе не полон, но, если нужно, то вы можете найти большое количество комментариев в двух уцелевших блокнотах с протоколами.

Специалисты задают себе вопросы по поводу некоторых стихотворений этого периода. Кто кого вдохновляет сеансами? Везде чувствуется стиль поэта. Диктовали ли духи стихи поэту? В нескольких поэмах, например *Что говорят уста тени*, духи выражаются в стихотворной форме — не сталкиваемся ли мы с феноменом передачи мыслей?

Мы полагаем, что нужны многочисленные комментарии к этому явлению.

В заключение упомянем о большой близости писателя с Сарой Бернар, сторонницей спиритизма, необычной и интригующей атмосферы.

Виктор Гюго бесконечно восхищался этой необыкновенной актрисой, приводящей в восторг публику. Однажды, когда она в *Рюи Блаз* в роли Королевы вызвала триумф, он решил, что нашёл свой *Золотой Голос* и опустил на колено перед *Божественной Сарой*.

Актриса также безмерно восхищалась Виктором Гюго. Была ли она одной из его возлюбленных? Такое возможно, если верить слухам, но нет доказательств. Тем не менее они регулярно обменивались мыслями, о чём свидетельствует следующая запись: *«Для меня было большой радостью встречаться почти каждый день с великим поэтом. Я никогда не переставала видеть его».*

В другой раз, после громкого триумфа в роли Доны Соль в *Эрнани*, Виктор Гюго подарил ей человеческий череп, на котором написал загадочный стих: «Скелет, что сделал ты с душой? Лампа, что сделала ты с огнём? Пустая клетка, что сделала ты с прекрасной поющей птицей? Вулкан, что сделал ты с лавой? Раб, что сделал ты со своим господином?»

Этот череп Сара Бернар часто использовала как сценический аксессуар.

Напомним, что великая актриса с сумеречной аурой была оригинальна и экстравагантна. Ей несказанно подходило всё необычное: спала в гробу, ходила нередко в морг... Такова её теневая сторона. Оккультизм, гадание на картах, всё зловещее и погребальное манило её.

Как и Виктор Гюго, она увлекалась сеансами с крутящимися столами.

Замечательный скульптор, Сара Бернар создала прекрасные произведения из бронзы. Их частая тематика — химеры, символические и фантастические существа.

Также она талантливо развивала свой художественный дар после посещения знаменитой Академии Жюлиана.

В конце мы символически объединим эти две прекрасные, необыкновенные души — души Сары Бернар и Виктора Гюго — строфой из стихотворения *Quia pulvis es* (*Прах ты и в прах возвратишься. Бытие, Глава 3*) из сборника *Созерцания*:

Те, кто уходят, глаголят живым —
Нищие вы, льёте слёзы об этом,
Слава и счастье для вас лишь обман.
Призраки вы на сём свете,
Нам же богатства и царства
В мире загробном дарует Бог.
Живы ведь мы, а не вы!

Перевод Л. У.

Беатрис МАРШАЛЬ

Поэт и прозаик, автор критических трудов, эссе и сборников стихов, некоторые из которых получили премии — премия Трубадуrows, 2014; премия Луизы Лабэ — 2019. С 2013 по 2023 гг. — Президент поэтического и эстетического кружка «Кружок Алиеноры Аквитанской».

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я встретилаcь с Беатрис Маршаль на её выступлении этой осенью в Ванве. История поэта Сесиль Соваж (1883–1927) и её сына, знаменитого композитора, музыкального новатора Оливье Мессиа́на (1908–1992), рассказанная докладчицей трепетно и тонко, захватила меня. Мы предлагаем в нашем номере фрагменты из её книги об этих творцах.

ПРОБУЖДАЮЩАЯСЯ ДУША

Сесиль и Пьер поселились в Авиньоне в старом приземистом доме с садом, где росли зизифус и два платана, дающие тень. В доме кирпичные стены, четыре комнаты, пол покрыт плиткой. Во время мистралья холодно.

У Пьера начинается военная служба, и Сесиль остаётся одна, иногда даже в воскресенье и по несколько дней во время манёвров. Отсутствие мужа скрадывают письма, полные нежности молодой супруги, скучающей без любимого.

Вскоре она забеременела, роды ожидаются в конце декабря 1908 года. В письмах к мужу она говорит о ребёнке с лаской, неразрывной с любовью к нему самому: «“У пробуждающейся души” бьётся сердечко, особенно в сумерках. Сегодня вечером ток-ток был сильней. Забавно, что малыш ударяет кулачками. Это меня смешит. Я пишу около кровати, перелистывая и целуя твоё письмо, такое красивое, полное цветов и любви. Представляешь ли ты свою красавицу с вьющимися волосами и задумчивым взглядом, ищущим твоё изображение? Маленькая “пробуждающаяся душа” очень занимает меня, она для меня — как зеркало, как капелька воды, в которой отражаешься ты, проявление твоего бесконечного жеста любви ко мне. Вот почему я так счастлива чувствовать его резкие движения. Я ощущаю себя такой величественной. Теперь я — женщина в полном смысле слова. В моей плоти — Бог-творец. Зизет находит, что в моих глазах огонь. Я заметила такой же огонь у нашей кошки Мюгетт, когда она ожидала котят».

Она сетует на свой необщительный характер: «Почему я родилась такой нелюдимой, такой дикаркой с инстинктом зверя, которому вольно дышится лишь в своей норе?» Она рассказывает о своих чтениях, особенно о Верлене и его музыкальности, постоянно возвращается к ребёнку: «“Пробуждающаяся душа” нас связывает всё сильнее, я ощущаю временами лёгкое биение там, где находится эта маленькая душа. Странно, мне кажется, что я присутствую при возникновении крошечной планеты и леплю хрупкий земной шар. Я никогда не была так близка жизни, никогда не чувствовала себя настолько сестрой земли с её растительностью и соками. Я хожу по земле как по живому существу. Я мечтаю о юном дне со звуками флейт, проснувшихся пчёл и росы — ведь ребёнок движется во мне, приобретает цвет. Если бы ты знал, какую свежесть весны и молодость вливает в моё сердце “пробуждающаяся душа”»!

Вот таким было «лирическое ожидание», — как позже сказал Оливье Мессиан, — его собственного рождения для молодой влюблённой женщины, восторженно воспринимавшей первую беременность.

Однако перед нами всего лишь бледная передача в прозе цикла из двадцати поэм «пробуждающаяся душа», этого уникального шедевра, в котором женщина, не таясь, говорит об интимном, о своём испытании материнством.

Спустя десятилетия Оливье, не скрывая эмоций и гордости, представит цикл из двадцати поэм: «Сесиль Соваж была моей матерью. До нас дошёл её самый прекрасный сборник, заканчивающийся словами “Пока земля ещё вертится”. Больше всех концертов, которые мне привелось дать за время моей композиторской карьеры, “пробуждающаяся душа” — мой самый славный титул, ведь поэмы были написаны в 1908 году, когда меня ожидала мама».

Оливье считал это произведение небывалым и открыто признавал его влияние на собственный гений: «Я уверен, что лирическое ожидание “пробуждающейся души” повлияло на мою карьеру и судьбу».

Нельзя не увидеть в его произведении 1944 года «Двадцать взглядов на младенца Иисуса» музыкальное и лирическое преобразование поэтического сборника матери.

Он удивлялся тому, что мама не сомневалась в рождении мальчика: «О, сын мой, возьму я в руки голову твою...» И что родится творец: «Тревога тайны, где разобьётся искусство...» И, что особенно удивительно в семье без музыкантов: «Страдаю, не ведая музыкальную даль...»

Помимо этих вещей строк, никогда ранее не передавалась с такой силой предродовая связь между матерью и ребёнком:

Я вокруг тебя как миндальная зелень,
Что укрыла в ларце свой молочный миндаль,
Я как тёплый и мягкий стручок
С шелковистым и детским зерном.

Перевод Владимира Гудакова

Или между ребёнком и матерью:

Если б знал ты, сколь нервов и жилок
Плоти моей материнской и юной
Твоя детская плоть привлекла.

Перевод Владимира Гудакова

Абсолютная гармония, всепоглощающая общность.

Стихи Сесиль Соваж передают огромное ликование, бесконечную эйфорию от первой беременности: чувство могущества переплетается с гордым восхищением, мать вырастает до сверхчеловеческих масштабов и роднится с Природой:

Никто не узнает, что родившийся сын
Дал мне чувство земли и лесов.

И вот он появился на свет 10 декабря 1908 года в Авиньоне, этот божественный ребёнок, и наречён Оливье! Его крестили 25 декабря в день Рождества Христова в церкви Сен-Дидье. Отныне Сесиль Соваж находит иные привилегированные отношения с ним, окрашивая их нежным эротизмом:

Ты здесь, мой маленький любовник,
Мой двойник, моё смятение,
Я трогаю себя твоими пальцами,
Я — это ты.

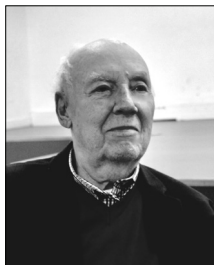
Быть может, всё это — страстное выражение материнской нежности, смешанное с чувством эксклюзивного владения.

Перевод Л. У.

ПОЭЗИЯ

Владимир АЛЕКСЕЕВ

Журналист, переводчик, работал в Москве в агентстве печати «Новости». В девяностые годы приехал вместе с женой Ириной в Париж к сыну, где организовал литературный ежегодный альманах «Из Парижска. Русские страницы» (2011–2022 гг.) Отличаясь исключительной теплотой и вниманием к авторам, он объединил в своём сборнике разных творческих людей. Дружественная атмосфера привлекала всех в его дом, где было уютно и радостно: улыбкой и щедростью дарили он с Ириной проходящих к ним. Подобно ласковому мартовскому солнцу, согревал он авторов, оставаясь всегда доброжелательным к каждому. Владимир Алексеев писал прозу и стихи, но печатал тексты других, оставаясь в тени. С его разрешения мы публикуем некоторые его стихотворения из книги «Потайная песня».

УХОДИ ПО ДОРОЖКЕ ВДАЛЬ,
Ты, видать, у меня последняя,
Незаконная моя печаль,
Потайная песня весенняя.

И тебе я вдогонку скажу:
Не светило с тобою нам сразу же,
Закрутили приличия в жгут,
Погребли наши чувства заживо.

Я на них наплевать не смог,
не отдался любви своей полностью,
запутался на стыке дорог
между нежностью и подлостью.

Уходи, ты была мне нужна
Как природе пора цветения,
Незаконная моя жена,
Потайная песня весенняя.

**ИРИШЕ В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ
4-ГО ФЕВРАЛЯ 2018 Г.**

Пригожи — непригожи мы,
Про то не нам решать,
Но жизнь мы честно прожили
Не стыдно умирать.

Мы шли тропой нехоженой
Отчаянных людей,
Не деньги в банке множили,
А множили друзей.

И вот итог диковинный —
Не просишь, не молишь,
А стал нам как бы родиной
Магический Париж.

Нам годы лик скукожили,
Но можем так сказать:
Мол, прожить-то мы прожили.
Но своего не дожили —
Так на фиг умирать!

ПОТЕРЯЛАСЬ РЕАЛЬНОСТИ СТАЛЬ,
Оплывает мой мозг словно восковый,
Я сажусь в метро на Пигаль,
Чтобы выйти на Маяковского.

На вокзале блестит табло —
Вот те Бельгия, вот Неметчина...
Взять билет, что ль, до Фонтенбло,
А сойти по дороге в Детчино!¹

ЭМИГРАНТСКОЕ

Покидаю пустую постель
И бреду по холодным бульварам
На свидание с Тур Эйфель,
Что прозвали Железною Дамой.

Вижу её издалека:
Высока, безгруда, без платья,
И седой шевелюрою облака
Над её металлической статью.

Словно уличной девке, плачу за вход,
Меж опор её выше и выше,
И момент наслаждения настанет —
Подо мною крыши Парижа.

Наверху обхвачу я её руками,
Чтобы ветры меня не сносили.
Ты одна мне подруга, Железная Дама,
А живые остались в России...

НА ВЫСТУПЛЕНИИ ОКУДЖАВЫ В ЮНЕСКО

Подмосковные леса,
Снег ещё лежит,
Мы с друзьями у костра...
А шарик летит.

¹ В Детчино под Москвой была дача, построенная руками Володи.

Уж полвека с той поры,
Седена блестит,
В окна дышит мне Париж...
А шарик летит.

И рюкзак не давит грузом,
Компас позабыт...
Жизнь пройдёт, умру французом...
А шарик летит.

НА СВОЁ 60-ЛЕТИЕ

Как умру, похороните
Под весёлую гармошку,
Будто выкинул я финтил,
Будто умер понарошку.

А друг другу стройте куры
На поминках — чтоб без скуки —
И пусть водят шуры-муры
Над моёй могилой внуки.

Вы портреты мне повесьте
Женщин, я любил которых,
Чтоб со славою повесы
Я поехал в крематорий.

Был я мил или не мил,
Но горазд на всякий номер.
Вы отметьте, что я жил,
А не то, что помер.

**В МОИ СЕМЬДЕСЯТ СТИХИ,
КАК ВСЕГДА, — МОЕЙ ЖЕНЕ**

Нет, я ещё вина могу хоть бочку
И съесть десяток поросят,
И переспать красиво ночь,
а мне, пожалуйста, семьдесят!

Остановило время свою гонку,
природа тела всех календарей сильнее,
Ветшанье отошло в сторонку,
Субстанция рассталась с исчисленьем дней.

Ору сквозь годы, мол, я есмь.
Я есть ещё, почти плейбой!
Продравшись сквозь магические семь,
Я поднимаю тост свой за любовь.

За море нежности, за разума раздолье,
За бесконечность фехтования с судьбой.
Жаль, что не бескрайне жизни поле,
Успеть бы насладиться миром и тобой.

Давай-ка сходим в Нотр-Дам и Лувр,
По Елисейским прошвырнёмся по полям.
Пока живём, пока не дали дуба,
Дай я тебе последнее отдам!

И если вдруг стрелу запустит Лета
И оборвёт мой вдохновлённый бег,
Ты знай — лишь для тебя я был поэтом,
Для всех других я — просто человек.

Инна БЕЛОУСОВА

Инна Белоусова первую половину жизни провела в Кемерове, вторую в Руане. С раннего детства пишет стихи и песни, вдохновляясь семьёй, друзьями и окружающим миром. В 2023 году вместе с актрисой Марией Бояршиновой создала поэтический авторский спектакль «Фрагментариум», который был представлен в Риге, Париже и Руане.

СЕСТРЁНКЕ

Выбегала на улицу,
Собирала в горсти слёзы.

На ладошках были трещинки
От работы и мороза.

Заглянула в гости я,
Но забыла улыбнуться.

Раскрошила капли боли
На засаленное блюдце.

Обняла сестру свою,
Заглянула в очи ясные.

Грусть укрыла вольную,
Тоскливую, напрасную.

Ночь спустилась тёмная
Захлопала звёздами.

Фейерверком месяца,
Освещённая грёзами.

Окунула в чувства я
Замёрзшие органы.

Оттаяла душа моя
Маленькая, убогая.

У Бога я...

ПЛЕННИЦА

Дайте мне сил, чтоб танцевать,
Подняться на цыпочки и не упасть
И повернуться, и не пропасть,
Чтобы вернуться в серую пропасть.

Дайте мне воздуха, чтоб не дышать,
Чтобы вспорхнуть под вздохи вселенной
И не смеяться, и не кричать,
Просто лететь без дум и без тела.

Дайте мне мудрости, чтоб не спешить,
Временем больше никто не поделится.
Разрешите сегодня мне согрешить,
Оказавшись любви окаянною пленницей.

В КОНВЕРТЕ

Мирно, по сантиметру,
Со вздохом равному мигу,
Чувств в голове, не в сердце,
Брызги забытого лета.
Закрыла глаза и заплакала,
Растеряла свои вдохновения.
Оказавшись одна, не спряталась
В лабиринте забытого времени.
Не смея взглянуть мгновению,
В лицо потускневшей совести,
Сосчитала минуты старения,
Для рассказа жизненной повести.
Казалось бы, не померкнете,
И радостью не обрастёте,
Отправляю сердце в конверте,
В надежде, что однажды прочтёте.

ДЕТСТВО В ПОДЪЯКОВО

Подорожника лист
На коленке разбитой,
Земляника в лукошке
И писк комаров,
Пахнет хвойной листвой
И навозом коровьём,
Еще свежей смолой
И тиной речной.
Босяком по тропинке
В панаме и шортах,
Мимо дальнего дома,
По опушке лесной,
Вдоль покосившегося забора,

Кота Васьки, пса Фильки и их друганов,
Только пятки сверкают и волосы спутаны ветром,
И прилипли травинки к голням и спине.
У подружки в саду спрятаны были конфетки,
Я ее попрошу за горсть земляники дать мне хотя бы одну.
А затем перелезу забор, чтобы срезать путь,
Мне не хочется тратить время, ведь нужно успеть
До заката еще столько дел завершить
И послушать как мама мне вечером будет петь.

Мишель БЕНАР

БАЛЕРИНА

Сегодня, в час утренней лени,
Вы вдруг становитесь
Порывом моей души,
Чья нить нарушается
Изяществом вашего танца.
Вы яркой надеждой сияете
В горящей свече,
Вы — неудержимый крик
Всевечного дерева жизни,
Вы стих мой, отрада единственная
И воли моей ликование.

Le temps de l'heure bleue,
Ce matin soudain
Vous devenez mon embellie,
Mon silence brisé,
Par votre danse.
Vous êtes cet espoir scintillant
Dans la flamme d'une bougie,
Vous êtes ce cri
De l'arbre de vie,
Mon poème unique délice,
Ma liesse ultime liberté.

Перевод Флориана Вутева

ИЗ КНИГИ «ЛАСКИ НЕБА»

«Дни убегают, годы проходят, но эротика дарит бессмертие, вневременную жизнь, которая неустанно манит поэта. Таково окончательное послание нам. Эти замечательные стихи вызывают желание жить сполна, освобождаясь от оков и любить, не сдерживаясь».

Из предисловия, написанного Жан-Пьером Полак

Очертить азбуку созвучий
Женского тела
И, ласкою творческой кисти
Создать поэму вечной любви.

Ebaucher toutes les consonances
Des alphabets de ton corps de femme,
Et sous la caresse
Du pinceau créateur
Composer le poème
De l'éternel Amour.

Перевод Л. У.

Лиза БЕРГ-КИРПИЧНИКОВА

ВЕНЕЦИЯ

Посвящается Иосифу Бродскому

Такого дивного оттенка
Зеленоватая вода
Колеблет отражения дворцов —
Обшарпанных —
Кораллового цвета или охры,
Но чаще — терракоты и кармина.

Внезапно из-за поворота,
Как черный лебедь, грудь... гондолы!

Украшенные бархатом и плюшем,
С коврами яркими на мягких креслах,
С крылатым ангелочком на корме,
Остроконечные гондолы
Скользят под мостиками по каналам —
Причуда городского интерьера!

Блеск позолоты ангела прелестно
На черном фоне — матовом — играет,
А кормчий неустанно исполняет
Своеобразный танец гондольеров...

...Но если ветры ваши паруса —
Географы, творцы, негоцианты —
К Венеции несут через лагуну
Из дальних и опасных странствий,

Крылатый лев Венецианский,
Как символ, вознесенный на столпе,
На фоне неба нежно-голубого
Встречает вас, как гостя дорогого.

Его лукавая надменность,
Высокомерно-гордый вид...
Он будто знает, что хранит —
Веками, как и в этот год —
От нападений и невзгод
Вход в этот самый странный город.
Надежный и отважный страж,
Он сам влюблен, не меньше визитеров,
В роскошный исчезающий мираж.

«Ю» ПРЕ-ЛЮ-ДИЯ

Буква **Л** любит букву **Ю**
Буква **Ю** — я тебя люблю!
Мягкий знак разделяет **Б** и **Ю**
В слове «бью»
Потому что **Б** (как и **П**)
Не любит букву **Ю**
М — ненавидит букву **Ю**

НА ДАЧЕ

«От того и плачу много,
От того, что взлюбила больше Бога
Милых ангелов Его»

Марина Цветаева

О тебе скорблю,
Лишь тебя люблю.
По ночам не сплю,
Господа молю...

Мыслю... все стерплю,
Боль утолю,
Хлеба куплю,
Всех накормлю.

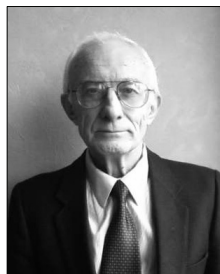
Лейку налью
И цветы полью.
Чутьочку посплю,
И опять корплю:
Печку затоплю,
Скатерть застелю
Кофе намелю,
Ставни побелю.

Огород полю
И стволы валю,
А потом пилю
И дрова колю...
Камни раскалю,
Бочку просмолю.
Гри-бов насолю
На пир королю!

Право, не хваюсь,
Над собой смеюсь,
Но к тебе стремлюсь,
О тебе молюсь...

Владимир ГУДАКОВ

Родился в Краснодаре. Окончил факультет иностранных языков в Краснодарском педагогическом институте факультет истории и социологии Кубанского университета, во Франции с 1989 года. Литератор, культуролог, доктор социологических и исторических наук.

ПЕРЕВОДЫ СТИХОВ А. ПУШКИНА С ФРАНЦУЗСКОГО НА РУССКИЙ

J'ai possédé maîtresse honnête...

J'ai possédé maîtresse honnête,
Je la servais comme il lui faut,
Mais je n'ai point tourné de tête, —
Je n'ai jamais visé si haut.

Порядочной любовнице моей
Как подобает иноку служил.
Чтоб не кружить как коршуну над ней,
Я головы ей вовсе не вскружил.

A son amant Eglé sans résistance...

A son amant Eglé sans résistance
Avait cédé — mais lui pâle et perclus—
Se démenait — enfin n'en pouvant plus
Tout essoufflé tira... sa révérence, —

«Monsieur, — Eglé d'un ton plein d'arrogance,
Parlez, Monsieur: pourquoi donc mon aspect
Vous glace-t-il? m'en direz-vous la cause?
Est-ce un dégoût?» — Mon dieu, c'est autre chose. —
«Excès d'amour?» — Non, excès de respect.

Своему любовнику Аглая
Без сопротивления уступила.
Но он выбился из сил, любовь листая,
Удовлетворился лишь поклоном милым.
«Скажите мне» — Аглая спросила —
«Причина в чём, что убежала сила,
Что Вам природа подарила?
Не мой ли вид? Откуда отвращенье?»
«Нет, нет, не то. Излишек уваженья!»

TIEN ET MIEN

«Tien et mien, — dit Lafontaine —
Du monde a rompu le lien».
Quant à moi, je n'en crois rien.
Que serait ce, ma Climène,
Si tu n'étais plus la mienne,
Si je n'étais plus le tien?

ТВОЙ И МОЙ

«Твой и мой, — слова Лафонтена, —
Разорвали узы времён».
Я не верю ему, Климена,
Страшно, если бы прав был он.
Ты тогда не была бы моей,
А моя судьба не твоей.

STANCES

Avez-vous vu la tendre rose,
L'aimable fille d'un beau jour,
Quand au printemps à peine éclore,
Elle est l'image de l'amour?

Telle à nos yeux, plus belle encore,
Parut Eudoxie aujourd'hui;
Plus d'un printemps la vie éclore,
Charmante et jeune comme lui.

Mais, hélas! Les vents, les tempêtes,
Ces fougueux enfants de l'hiver,
Bientôt vont gronder sur nos têtes,
Enchaîner l'eau, la terre et l'air.

Et plus de fleurs, et plus de rose,
L'aimable fille des amours
Tombe fanée à peine éclore:
Il a fui, le temps des beaux jours!

Eudoxie, aimez! Le temps presse:
Profitez de vos jours heureux!
Est-ce dans la froide vieillesse
Que de l'amour on sent les feux?

СТАНСЫ

Вы розу видели весной,
Когда она, едва расцветши,
Дарит всем людям облик свой
И красоту зимы ушедшей?

И Евдокии, и она
Становится ещё красивей,
А в ушко шепчет ей весна:
«Будь юной, нежной и... счастливей».

Но, к сожаленью, ветер бурь,
Покорный пасынок зимы,
Пытается убрать лазурь
Владельцем вод, земель и тьмы.

Ушли цветы, и розы нет.
Любовь уходит с ней,
Увяла, падает. Где свет
Былых прекрасных дней?

О, Евдокия! Поскорей
Любите! Ведь потом
Уйдёт надежда юных дней
И... старость за окном.

MON PORTRAIT

Vous me demandez mon portrait,
Mais peint d'après nature;
Mon cher, il sera bientôt fait,
Quoique en miniature.

Je suis un jeune polisson,
Encore dans les classes;
Point sot, je le dis sans façon
Et sans fades grimaces.

One il ne fut de babillard,
Ni docteur en Sorbonne —
Plus ennuyeux et plus braillard,
Que moi-même en personne.

Ma taille a celles des plus longs
Ne peut être égalée;
J'ai le teint frais, les cheveux blonds
Et la tête bouclée.

J'aime et le monde et son fracas,
Je hais la solitude;
J'abhorre et noises, et débats,
Et tant soit peu l'étude.

Spectacles, bals me plaisent fort,
Et d'après ma pensée,
Je dirais ce que j'aime encor...
Si n'étais au Lycée.

Après cela, mon cher ami,
L'on peut me reconnaître:
Oui! tel que le bon dieu me fit,
Je veux toujours paraître.

Vrai démon pour l'espièglerie,
Vrai singe par sa mine,
Beaucoup et trop d'étourderie.
Ma foi, voilà Pouchkine.

МОЙ ПОРТРЕТ

Вы просите мой портрет,
С натуры написанный мной.
Вы его свежий след,
Миниатюрно живой.

Я ещё ученик.
Правда, повеса уже.
К глупостям не привык.
И не кривлюсь в неглиже.

Не было ни болтуна,
Ни доктора из Сорбонны
Крикливее, чем она —
Моя особа. Законны:

Мой рост, долговязым наука,
И русые волосы, цвет
Свежий лица. Вот так штука —
Кудрявей меня в мире нет.

Я светскую жизнь обожаю —
Одним быть — не для меня.
Но ссоры я провожаю,
Учусь жить без них — это я.

Люблю я балы и спектакли.
Ещё кое-что я люблю.
Но я — лицеист, не так ли...
Берегу откровенность мою.

По всему, что я рассказал,
Меня можно узнать всегда.
Таким меня бог создал
И спасибо ему. Да, да!

Это и бес в проказах
И обезьяна лицом.
Ветреность — вдруг и сразу.
Это — Пушкин в земном.

Виктория КАНАЕВА

Родилась и училась в Москве. Окончила музыкальную школу и романо-германский факультет Московского педагогического государственного университета. Более тридцати лет живу в Париже. Работала в русской общественной библиотеке имени И.С. Тургенева в Париже. Пою в хорах. Выпустила шесть сборников стихов на русском и французском языках. В 2023 году номинирована на российскую премию «Поэт года». Мои стихи опубликованы в 11-м номере журнала «Из Парижска» в 2021 году и в 1-м номере альманаха «Новый Глаголь» в 2023 году. Убеждена, что удивительное и прекрасное рядом, нужно только уметь раскрыть глаза и распахнуть своё сердце.

ЭКСПРОМТ

Всё в детстве радостью дышало.
Ничто сомнений не внушало.
Бежали наперегонки
Желанья, мысли и коньки.

МОНМАРТР И ПАРИЖ

С прекрасной белою главой
И с верностью, что всех пленяет,
Монмартр стоит, как часовой,
И чудо-город охраняет.

Париж он видит с высоты,
Любуется его огнями —
Такой не встретишь красоты
И за далёкими морями.

Как чудно Эйфеля творенье,
Легко взметнувшееся ввысь, —
То свыше данное веленье,
Заставившее вспыхнуть мысль.

Вот спины выгнули мосты
Над водами спокойной Сены,
И так изящны, так просты
Домов несхожих окна, стены.

Как быстро улицы бегут,
И площадей размах велик.
Здесь каждый камень берегут,
Хранят событий яркий миг.

Колокола бьют Нотр-Дама,
И весела всегда Пигаль,
В театрах представляют драму,
Фонтаны сыпят свой хрусталь...

Живёт столица бурно, страстно.
Наперекор любым невздам
Лицо её всегда прекрасно,
Светлей улыбка с каждым годом.

Даны ей крылья гордой птицы,
Летащей за своей мечтой.
В ней есть величие царицы
И скромность девушки простой.

А рядом, с сердцем опалённым
И с непокрытою главой,
Давно в красавицу влюблённый,
Стоит Монмартр, как часовой.

НА RUE MOUFFETARD

И как всегда, на rue Mouffetard
Поёт, шумит, гудит базар.
Румяны красные томаты,
Свежи зелёные салаты,
Клубники спелые горят,
Клешнями крабы шевелят,
Висят мясные оковалки,
Больших жаровен угли жарки,
Бри, камамберы и раклеты —
Всё аппетитно. Смех, монеты...
Круговорот. Здесь вечный Праздник!
Посланник солнца луч-проказник
Одарит радостью сторицей,
Мелькнёт и дальше устремится.

ДОЖДЬ И МОЦАРТ

Окно открыто. Летний дождь.
И Моцарта «Сороковая»,
Все струны сердца задевая,
В нём будят сладостную дрожь.

Как это всё напоминает
Такой же день, зелёный сад,
И каждый громовой раскат
Воды потоки вызывает.

Земля пьёт влагу, как вино,
Тяжёлым, сочным каплям рада.
Врываются дождя каскады
В гостеприимное окно.

С мелодией дождя сливаясь,
Рассыпаны повсюду ноты.
И нет у них другой заботы,
Как будоражить, в нас вторгаясь.

Восторги, радости земные,
Начало долгого пути...
Нам не было и двадцати
В другой стране, в года иные.

КАПЕЛЬКА

На кончике зелёного листа
Брильянтовая капелька дрожит,
Свежа, бесхитростно проста,
Своей красою ворожит.

Сокрыт в ней целый мир подлунный!
Дождь летний, лодка у моста,
Глаза твои и говор речки струнный —
На кончике зелёного листа.

ТЕПЛО УЛЫБКИ

Глядят с картины на меня,
Дразня, волнуя и маня,
Долина, лес, реки изгиб
И контур крон могучих лип.

Всё в свете. Чувствую дыхание
Весны. Её благоухание.
И дверь распахнута веранды.
И первый шмель в кустах лаванды.

Луч отражается от окон.
Изящный профиль. Лёгкий локон.
Взметнулась девичья рука.
Тепло улыбки — на века.

УТРО

Коснётся луч её щеки, задержится слегка
И двинется к глазам, и, наконец, разбудит.
Она приходу солнца рада будет,
И распахнёт окно её рука.

А за окном раскинулся жасмин,
Берёзовая крона в синеву уходит,
И всё живое радость в светлом дне находит:
Голубоватые стрекозы и душистый тмин.

Разогреваться станет постепенно
Июньский день. Раскроются цветы,
Расправят платица шиповника кусты,
И речка в бликах и спокойна, и степенна.

О, счастье! В юном теле сладостная лень.
На занавеске зайчик солнечный — сама беспечность.
Большое лето, жизни бесконечность —
Всё перед ней!.. И этот долгий день.

ПЕЧАЛЬ И МОРЕ

Как осторожно и легко нога ступает на песок.
Сегодня радость и слеза — от вечности на волосок.
Естественно, непринотливо шумит волна, и чайка стонет.
С утра томившая печаль в глубинах моря мерно тонет.

Валентин НАССОНОВ

12 апреля 1964 г. в День космонавтики на берегу Чёрного моря, в городе-герое Новороссийске, родился, по утверждению самого автора, «антигерой нашего времени».

Окончил Гнесинское музучилище. Служил один год в образцовом оркестре ВМФ в Москве. В 1986 г. поступил в Институт им. Гнесиных на классический духовой факультет, откуда через год был изгнан. В 1988 г. побывал в США и по возвращении в Москву создал джазовый оркестр, играющий на улице. Летом 1991 года коллектив гастролировал в Швейцарии. В этом же году трое вернулись в Москву, а трое перешли речку и попали во Францию.

НОВОРОССИЙСК

В Новороссийске в октябре погода шепчет,
На пляже галька и морской прибор,
Деревья зеленью листотрепещут,
А на душе отрада и покой .

В разгаре снова Бабье Лето,
Перед осенней слякотью и зимнею пургой,
Хвала Создателю, что создал Он всё это,
Что есть в природе праведный устой.

С друзьями юности волшебные мгновенья,
Без недомолвок, честно, как тогда,
Когда искали мы в порывах откровенья
У нашей совести ответы и слова.

Ругает меня мама за свободу,
Которой с детства я, увы, пленён.
За то, что я смешал вино и воду
И музыкой порою окрылён!

А что мне делать? Я смотрю на прочих,
Они, в заботах бренной суеты,
Проводят часто дни свои и ночи,
Отыскивая средство от тоски.

А я летаю иногда в созвездьях
Гармоний, ритмов, радости, любви,
От полноты, дарованной нам в песнях,
Касаюсь вдруг небесной высоты!

ПРЕЛЕСТНИЦА

Прелестница, крутая лестница,
Дорожка Счастья в небеса!
Волшебных помыслов кудесница —
Мой ангел, я любил тебя!

В какие дебри горестных ошибок
Мы попадаем часто сгоряча,
Затем, страдая от своих ушибов,
Всё это вспоминаем хохоча.

Но смех не весел — в нём звучит сомненье,
Потеря времени, а главное — беда
И бесконечная разлука навсегда,
И развенчанье лавров самомненья.

Я недостойно вёл себя, но знаю —
Мгновенья тонкие с тобой прожили мы.
Любя, порой мы в небесах летали,
А всё ж упали с дивной высоты...

ДУША

Душа опять разбита на кусочки,
Те, кому верил, предались словам.
И даже те, кому отдал бы почку,
Считают прибыль, превращаясь в хлам.

Как будто важно выгодать на ближнем,
Осуществить намеченный проект,
Прожить как надо, ещё пару жизней,
И в Вечность снова получить билет.

Меня коробит от людишек алчных,
Особенно от тех, кто дорог мне,
Отказывающихся от детей внебрачных,
Теряющихся в бренной суете.

Давайте ж, братцы, дорожить бесценным,
Не огорчая близких пошлой ерундой,
И в мире этом — бесконечно бренном
Дарить друг другу Счастье и Покой!

МОЛОДОСТЬ

Не могу никак привыкнуть к равнодушию,
К пятнам красным на лице, к удушью,
К приближающейся старости и мукам,
А ещё ни к комарам, ни к мухам.

Объясни мне, дорогой братуха —
От чего по жизни мне непруха?
И какое-то смятение духа,
Постепенное снижение зренья, слуха?

Да не объясняй — и так понятно,
Молодости радость безвозвратна.

ЛЕТО

На скамейке пред кладбищенской стеной,
Я сижу в раздумьях на Монмартре.
На душе лирический покой,
Люди бродят, будто тень в театре.
Бегают, торопятся, спешат,
А за стеночкой спокойненько лежат...

Здесь проложен туристический маршрут,
Но в итоге — всех за стенкой ждут ...
Плющ свисает, дикий виноград,
Я в тени сижу хоть солнцу рад!
Сколько ж лет ещё продлится это —
Ласковое солнечное лето?

Елизавета ПАВЛОВА

К 225-ЛЕТИЮ РОЖДЕНИЯ ПУШКИНА

Пушкин, Пушкин — наш приятель.
Легкий, четкий и простой,
Твой язык всем так понятен!
Слит с кристальной красотой.
Ты смеешься, ты резвишься,
На коня готов вскочить,
И над миром мигом взвиться,
И тирана обличить,
И на дружеской попойке
Пару кубков осушить,
И проехаться по Мойке,
Милых дам обворожить.
Пушкин, Пушкин, дай нам силы
Не предать самих себя,
Кровь чтоб разнеслась по жилам,
Рассмеяться, жизнь любя.

МОИ ОРГАЗМЫ НЕ В ЧЕСТИ

И в них нет проку для мужчин.
Как тяжело себя нести
На этот сладостный почин.
И как легко их получать
От ветра свежего порой,
Ни в чём границ не различать,
Сливаясь с небом и травой,
И целый мир в себя вбирать,
Предчувствуя благую весть,

И от смятенья замирать,
И вдруг взмывать. Какая честь?
Какая честь, когда от чувств
Вот-вот уж сердце разорвёт,
И лишь тогда я улыбнусь,
Свободно покидая плоть.

СМЕЮ

Смею сказать всему:
Солнцу, деревьям, людям —
Что мы уйдём во тьму,
Что жить не вечно будем.
Но до тех пор, когда
Стану кусочком пепла,
Я отвечаю ДА
Милям и километрам,
Зову медвяных трав,
Нежности сонной чащи,
И силы все собрав,
Вновь становлюсь летящей.
И каждый жизни миг
Тку в паутину света,
И каждый солнца блик
Прячу я в сердце где-то.
И обманув судьбу
Только одной улыбкой,
Я восхищаться могу
Каждой своей ошибкой.
И не боюсь я слов,
Пусть не всегда все рады,
Хлещет поток-любовь,
Рушатся все преграды.

Ольга СЕРДЮКОВА

Преподаватель испанского и английского языка, живёт и работает в Париже как переводчик и ассистент менеджера (французский, английский и испанский языки). В 2013–2017 гг. занималась переводом на русский язык книг «Дневник изгнанника» (*Journal d'exil*, Éditions Amalthée, 2012) и «Великая тайна» (*Le grand mystère*, Éditions romaines, 2013) в сотрудничестве с автором, Михаилом Мильковичем (*Mircea Milcovitch (Milcovici)*). Мы публикуем её перевод стихотворения Николь Рандон, а также её первую пробу пера — стихотворение о любви к жизни, к людям.

© Фотограф Михаил Милькович —
artiste Mircea Milcovitch (Milcovici)

Стихотворение
из сборника «Внезапные порывы»
Николь Рандон

ЛЮБОВАНИЕ КАРТИНОЙ

Око гвоздики белой
В чаше
Перед лопатой
На разбросанном гравии уже осыпанном сединой
Эта гвоздика белая будто в траур облачена

Взирает на двор блестящий
Что лежит у подножия просторного белёсого дома
Звон... Гонг...
Разинув пасть
Словно в белой пене гвоздика
Лепестки её будто обрывки виснут опалённые солнцем
К чаше прильнув щекой
Ни звука слёзного тот траур не издаст
Простираясь в необозримое глазом пространство
Вокруг островка принявшего изгнанника
Лишив его всё ж горизонта.

Око солнца столь бледного
В чаше той
В тесном сплетенье лепестков
На белой подушке
Траурная гвоздика
Наконец-то найдёт покой
У подножия бесстрастной липы
Звон... Гонг...
Пасть разинута широко пуста
Солнце же окаймлённое языками огня
Будто образами сморщенными на сухой земле
Щеками к долу прильнув
Небо без солнца и без мечты
Что распадается на куски
Неспособные отскочить на солнечные лучи.

Око гвоздики белой
Под липой
Рядом с дверью
Ведущей на берег седой
Голубая гвоздика солнца
Взирает на двора отчаянный блеск

Повисая на краешке вазы прозрачной
Звон... Гонг...
Широкая пасть со множеством ей подобных
Припудрено око неба
Прищурены от солнца глаза и тонки ресницы солёны на веках
Зрачок на дне чаши
Око без единой слезы о пути вчерашнем
Зрачок расширен
И на сводах горизонта отражён он.
Звон... Гонг...

ARRÊT SUR L'IMAGE

L'œil de l'œillet blanc
Dans le bol
Près de la pelle
Sur le gravier blond
L'œillet en deuil blanc
Regarde la cour scintillante
Au pied de la vaste maison blanche
Gong...
Gorge déployée
Œillet mousseux de blanc
Franges des pétales fripés sous le soleil
Joue contre le bol
Deuil sans larme de vie sans évènement
Qui s'étale à perte de vue
Autour de l'île d'exil sans horizon.

L'œil du soleil pâle
Dans le bol
Près des pétales
Sur l'oreiller blanc
L'œillet endeuillé

Palpite dans l'engourdissement
Au pied du tilleul impassible
Gong...
Gorge vaste et vide
Soleil ourlé de braises
Franges des images ridées sur la terre sèche
Joues contre le sol
Ciel sans soleil sans songes
Qui se disloque sans rebonds sur ses rayons.

L'œil de l'œillet blanc
Sous le tilleul
Près de la porte
Sur la grève blonde
L'œillet bleu de soleil
Regarde la cour si brillante
Au fond du vase transparent
Gong...
Gorge démultipliée
Œil poudré de ciel
Cils des paupières plissées sous le sel
Pupille au fond du bol
Œil sans larme sans passage
Qui se dilate
Au plafond de l'horizon.

ПРОБУЖДЕНИЕ К ПОЭЗИИ

Проснулась в пять часов утра,
И гложет мысль одна:
«Пиши стихи, потом поспишь,
А-то всю жизнь проспий!»

Взяла перо — рука дрожит:
«Ну что же мне писать?»

Где она, искорка любви?
Ты дай ей запылать
В душе твоей измученной
Походами дорог,
Исканьями...»
И случай был, что мне тогда помог
Не удалиться от людей,
Не согнуться
В мраке
Ни в бездну
Пасть...

И удалось мне не пропасть!

Наталья ТРОЙНИЦКАЯ

Родилась в Ленинграде. Окончила Театральную Академию Театрального Искусства, актерское отделение. Работала в театре. В определенный момент ушла из актерской профессии. Родила четверых сыновей. Поэтом себя не считаю. Поэт — это великое призвание, которое мало кому дано. Благодарю мою подругу Марию. И бесконечно, и вечно — мою маму, Тройницкую Ольгу Николаевну.

МОЯ ДУША — ЛЕВША

И выбор небольшой.

А будь она правой —

Была бы праведной ... наверное... душой.

ВОЗМОЖНО, ЭТО ФИНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ...

Последнее отражение...

Я чувствую, как напрягаются мускулы

У океанских рыб.

Пахнет мускусом, уксусом,

Среди запылившихся книг

Лежу распятым решением.

Я — пресс-папье.

Обидно вдвойне, что не книга.

Семейной скучной интригой

Позвякивает буфет;

За мутным окном — лето;
Задумчивый бересклет.
Твоя худая спина
Магнитит маятник взгляда.
У моего тела границ нет,
Я перетекаю за густоту сада,
За плотную томность беседки,
За калитку. Укол ветки
Возвращает плечу телесность.
Я — большая дворовая псина.
Упругий щелчок осины,
И в лапе гвоздь. Безответность
Великого синего купола.
Кукушка раз пять. Гукнуло
Что-то совсем рядом.
И я взвилась воробьиным стадом,
Рассыпалась с весёлым треском.
Повисла паутины блеском.
Замерла на мгновенье.
Вот рога олени
Рвут мою звонкую нить.
Хочется пить. Одно мгновенье.
И — тишина.
Колодец без дна.
Твоя спина.

ТЫ БУДЕШЬ ВЫСОКИМ, СЕДЫМ И НАДМЕННЫМ,
А я буду первой, кто скажет, наверное,
Что ты старик.
Ты будешь считать непременно
Утренний кофе и чаек крик.
Я буду укутывать твои ноги пледом
И тихо вести беседу,
Шелестя волной по гальке.

И снова чайки.
Случайный визг парохода.
Чужая свобода маячит на горизонте.
На пляже забытый зонтик.
И книга.
Морской хулиган
Листает страницы.
Птицы...
Мой кардиган
Слишком тонок.
Я мёрзну. Морозно. Чайка.
Воробьёв хохлатая стайка.
Так будет всегда.
Да.

Елена ЧЕРЕМНЫХ

Родилась в 1990 в Кисловодске, на Кавказе. В 1993 г. приехала с родителями в Париж. Училась в Институте Восточных Языков (INALCO) и Университете Париж III (факультет Иностранных Языков и театральный факультет). Свободно владеет русским, английским и французским языками. Работала как смотритель в музеях Лувр, Орсэ, Оранжерии, проходила театральные стажировки. Состоит в трех русских театральных ассоциациях. Окончив школу Радио Studio Ecole de France, в настоящее время работает на радио RTL и Mouv (Radio France).

Перевод стихов Nicole Randon
***Instantanés* (Внезапные порывы)**

ПОЦЕЛУЙ

Короткий блестящий звук
Округленный вокруг зубов лук
Островок незаконный и безграничный
Вздых и взмах ресниц
Пространство точной определенности
Припев бодрящий
Срывающийся с губ
С мечтаньями
Сердце щемящий

ПРОБУЖДЕНИЕ

Я открываю книгу
Которая дремлет во мне
Книгу забвения
Что таится в моей груди
В самых недрах её
Будто спрятанный там ларец
Где хранится изысканное собрание
Как бледная звезда
Звезда усталая
Что прервала свое сияние
Своим терпением истощена

Открываю вазу забвения
И поливаю звезды мои
Что проливают новый свет
Ласкающий вселенную
И тайна поэзией наполнена
Покуда еще существует она

LE BAISER

Bref bruit brillant
Arc arrondi autour des dents
Îlot illicite illimité
Soupir sous les cils
Espace le plus exact de la certitude
Refrain revigorant
Au bord des lèvres du rêve

ÉVEIL

J'ouvre le livre
Qui dort en moi
Le livre d'oubli
Qui couve
Dans mes tréfonds
Le coffre tapi
Où dort le florilège
Comme une pâle étoile
Étoile fatiguée
Fatiguée de briller
Épuisée de patience

J'ouvre le vase d'oubli
J'arrose mes étoiles
Et une lumière neuve
Caresse l'univers
Poétique mystère
Ébloui d'être, encore...

Ида ЮНКЕР

Родилась и выросла в Новосибирском Академгородке. Изучала восточноевропейские языки и литературу в Петербурге и в городах Германии — Марбурге и Майнце, защитила диссертацию о поэзии Бенедикта Лившица. Во Франции с 2002 года, занимается техническим и литературным переводом. Автор трёх романов на французском языке и первой монографии о жизни и творчестве Нины Берберовой. Публикуемые стихи составляют своего рода «лирический дневник», написанный в студенческие годы.

Из юношеских стихов

ПУТЕШЕСТВИЕ

Шарлю Бодлеру

1

Уходящего прочь не смущать простодушным упреком,
Не тревожить поднявшего парус порывами вслед.
Там отчизна его — в беспредельном, блаженном, далеком,
Где тебе уж ни места, ни часа, ни имени нет.

Пусть исчезнет в толпе, растворится и в миг уничтожит
Эту мнимую связь, что расторгнуть не стоит труда.
Час знакомый ухода. Законный, священный, быть может.
Вздых мой — ветер попутный, а слезы — опять же — вода.

Уходящий вернется, влекомый неясным призывом,
Пилигрим затоскует по ласковой детской стране.
Только я не дождусь. Я усну в ожидание счастливым
И увижу его, и порадуюсь встрече во сне.

2

— Капитан, время в путь! Бездна темно черны небеса!
Так он звал её, ту, что воссела на сумрачном троне.
И пришла к нему смерть, поднимая над ним паруса,
А других увезла в запылившемся сером вагоне.

Все как встарь: невесомые ночи и чай в поездах,
И к беззвездному небу ресницы поднимутся вяло,
Но случайным попутчикам скудную утварь раздав,
Не вернуться назад, не добраться пешком до вокзала.

Не измерить пути до мелькнувшего было огня.
Сколько лет, сколько верст, сколько строк ещё —
пять или двадцать.

Где-то плачут два голоса, старую боль хороня,
Те, кому суждено уезжать, умирать, оставаться.

ПОДРАЖАНИЕ АХМАТОВОЙ

Но праздники есть и у грусти.
Томительна дней череда.
Но кто-то порою отпустит
Тяжелую цепь и тогда

На мелкие звонкие звенья
 Рассыплется горе мое.
 Навеки лишенной забвенья,
 Мне все же дано забытьё.

ПОПЫТКА ВОСПОМИНАНИЯ

Необязательность боли:
Так далеко и давно...
Слезы — но не оттого ли
Что различить не дано.

Вновь лихорадка ночная —
Бред, ворожба, колдовство —
В прошлое, вспять, заклиная
И проклиная его.

Неосвязаемость дали:
Выхватить вечность спустя.
Выждать ли, рваться туда ли,
Строй утешений смета?

Поиски древнего клада:
Выкрасть за скобками дней.
Недобросовестность взгляда —
Слух воскрешает верней.

И сквозь былую невнятность
Музыка еле слышна.
Музыка — и невозвратность,
Отзвук — и вновь тишина.

ЭПИЛОГ

Хочу любить издалека,
Где я надеяться не вправе,
Где даже весть о Вашей славе —
Как обмелевшая река...

МЕМУАРЫ

Ирина БАЛАНДИНА (МАШКОВА)

Родилась в 1923 в Ташкенте, умерла в 2003 в Москве. Отмечена знаком «Житель Блокадного Ленинграда», медалью «За доблестный труд». По 1942 г. находилась в блокаде в Ленинграде, работала воспитателем в детском саду. В 1942 г. выехала с мамой и тётёй по «Дороге жизни» в эвакуацию — в город Ирбит на Урале. В 1944 г. вернулась с семьёй в Ленинград. Училась в Академии художеств СССР (Институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина), по специальности искусствовед, с 1944-го по 1945-й. Получила диплом с отличием. В 1949-м окончила аспирантуру Академии Художеств в Москве. Работала в Академии художеств (Москва), в панораме «Бородинская битва», экскурсоводом по Подмосковию и в музее Саввино-Сторожевского монастыря. С 1965 г. сотрудничала со многими журналами, написала ряд критических статей и литературных эссе.

ДОРОГА СКОРБИ

Когда мы говорим об утрате духовной культуры, под этим подразумевается не только забвение старинных обычаев, разрушение храмов или поругание святынь. Мы ещё привыкли имитировать и радость, и печаль. Нас научили «неподдельно ликовать» и «глубоко скорбеть» в зависимости от того, что требуется в данный момент. Нас покинула

искренность, а значит, и правда. Сегодня, когда благополучно — благодушные годы, где можно было играть в высокие чувства, уже миновали, а впереди — по-настоящему тревожная неизвестность, нам очень важно вернуть утраченное. Иначе история жестоко отомстит за это. Сейчас нет войны, но то и дело мелькают на страницах газет слова «блокада», «беженцы» и не в связи с прошлым... Неужели, чтобы искренность и правда к нам вернулись, нужно, чтобы кто-то опять испытал страдания и мучения?

Я хочу рассказать всего о нескольких днях зимы 1942 года не только ради сострадания и сочувствия жертвам блокады, а и ради тех, кто живёт сегодня...

Казалось бы, какое это счастье — уехать в эвакуацию! Уехать от голода, смерти, обстрелов, бомбёжек, уехать от фронта далеко-далеко в спокойствие, в мирную жизнь. Но на самом деле отъезд этот был невероятно тяжёл. Отъезд, в эвакуацию — это путь в неизвестность. Это прощание с целой жизнью, прощание с обжитым, привычным. Человек, живя среди обычных вещей, даже не замечает, как они нужны — все эти чашки, ложки, чайники, кастрюльки, ножи, ножницы, подушки, одеяла, пальто, шапки, гребёнки, сковородки... Мы брали только необходимое. Вещи сложили в мешки. Чемоданы сами по себе представляют тяжесть, с ними хорошо путешествовать в купейном вагоне. В крестном пути беженцев они не пригодны. Два мешка у нас были клетчатые, мама сшила их из старых юбок, три — из старых матрасников, остальные из простой мешковины. К четырём мешкам мама на всякий случай пришила лямки из старых кушаков, чтобы можно было закидывать их за спину и тащить, как рюкзаки, остальные решили тащить как сможем... Нас три женщины, к тому же истощенные, слабые — ужас брал, как мы дотащим всё, что уложили. Хуже всех чувствовала себя тётя, она вообще ничего нести

не могла, ее самое надо было нести, и вся надежда была на меня и маму, а переезд предстоял очень трудный! К счастью, одна добрая женщина, наша знакомая, не очень истощённая, вызвалась нас проводить. Она помогла тащить санки со скарбом к Финляндскому вокзалу...

По дороге встречалось все то же, тяжелое, блокадное: везли на санках зашитых в белое покойников, брели закутанные, исхудавшие или опухшие от голода люди, словно тени или призраки. До вокзала дошли благополучно, под обстрел ни разу не попали, кое-как втащились с санками на платформу и подтянули свои мешки к ободранному, облезлому поезду. Состав, как видно, сформировали из самых разномастных вагонов, собрали все, что уцелело. В нашем вагоне обыкновенном, пригородном, не было ни одного целого стекла. Все окна забиты фанерой, грязной, промёрзлой, обледенелой.

К двери вагона подошли пожилой мужчина и молодая женщина, они тащили за собой двое санок. На тех, что везла женщина, сидел на узлах закутанный примерно годовалый ребёнок, а на других, которые вёз старик, — молодой мужчина, обвязанный женским платком дистрофик самой последней степени худобы, еле шевелящийся живой скелет. Оказалось, что это семья: отец, сын, невестка и внучка. Старик с трудом втащил в вагон узлы и мешки, сложил их поблизости от нас и вышел на платформу. Когда он с невесткой стал поднимать сына с санок, молодой человек не смог встать на ноги, бессильно повисая то на плечах отца, то на плечах жены, а потом вдруг рухнул на покрытую снегом платформу, пошевелил пальцами, помотал головой и умер тут же, у поезда. Ни отец, ни жена не проронили ни слезинки. Постояв немного около умершего и убедившись, что он не дышит, сняли с него платок, связали санки цугом, подняли на них мертвеца и привязали верёв-

кой, которой были до этого привязаны узлы. Старик поцеловал невестку и внучку, развернул санки и пошёл прочь от поезда, а женщина накинула на себя платок, снятый с умершего, и с ребёнком на руках вошла в вагон. Чувствовалось, что ребёнок у неё тоже умирает. Исхудавшая, дистрофичная девочка с болезненно горящими глазами не плакала и почти не шевелилась, лишь иногда, сидя на руках у матери, закидывала назад головку в белой пуховой шапочке. Только по этому движению и можно было распознать, что она ещё жива. Мать прижимала к себе ребёнка и терпеливо ждала, когда тронется поезд и привезёт её к спасению, к тому желанному чудесному миру, в котором будет хлеб, в котором выживет её ребёнок, и в котором она не будет так страшно страдать.

Наконец паровоз загудел — поехали. Вагон к этому времени был уже набит людьми. Охватила сердце тревожная радость — мы едем! Мы выезжаем из города, в котором пережили то, что теоретически ни человеческий разум, ни человеческая психика вынести не могут. Едем! Возможно, к спасению, к жизни. Сумасшедшая надежда, как у приговорённого к смерти на картине Репина «Николай Мирликийский останавливает казнь», светилась в глазах отъезжающих...

Ехать нам нужно было до станции Борисова Грива — это сорок километров от Ленинграда. А ехали мы туда почти сутки. Проехали примерно половину пути, как вдруг поезд остановился. Стоял долго, и нашими душами вновь овладела тревога. Мы ведь стояли так недалеко от фронта, что разбомбить нас с самолётов или расстрелять из орудий ничего не стоило. Машинист сказал, что стоять будем до тех пор, пока с той стороны Ладоги не подвезут угля, пока встречный, идущий в Ленинград, поезд не отсыплет нам в тендер паровоза этого «хлеба промышленности». На обычный, насыщенный хлеб на этой стороне Ладоги было не-

чего рассчитывать. Привыкли к голоду за месяцы блокады, но теперь, когда хлеб совсем близко — стоит только доехать до станции, перебраться за озеро, — ожидание становилось невыносимым.

У нас заоченели руки и ноги. Голодные, скованные страхом, замерзающие, мы ощущали отчаяние. Мы не могли его выразить ни стоном, ни упрёком, ни требованием. Нам оставалось только ждать, молча ждать в темном, как подземелье, отрезанном от мира поезде, в ледяном, промерзшем вагоне. Ждать на краю жизни — силы у всех были на исходе. Ждать весь день, вечер и ночь. Надежда дожить до хлеба, доехать до хлеба, сладкая, убаюкивающая мечта погрузила многих в сон, от которого они уже не проснулись.

Лежать в переполненном вагоне было негде, и потому мы всю ночь сидели в полудреме — полуобмороке, потеряв счёт времени и перестав понимать, где мы находимся и что с нами происходит. Очнулись только тогда, когда доехали до Борисовой Гривы...

Из поезда все выгружались и выгружались люди, заматаный в платки, обвязанные шарфами, закутанные в шали, с мешками, узлами, котомкам... Ни на кого в мире не похожий народ — ленинградцы — блокадники. Среди них худалые, почерневшие, уже потерявшие способность двигаться дистрофики; опухшие от голода, ослабевшие; более менее бодрые, помогавшие тем, кто уже не мог выйти из поезда самостоятельно... То и дело из вагонов выносили трупы умерших и клали их тут же на снег, рядом с поездом. Все пространство вдоль вагонов покрылось беженским скарбом, имуществом, которое люди в последней надежде на жизнь везли, тащили, тянули с собой. Только немногие, теряя остатки сил, решались бросить свои вещи и ехать дальше налегке.

Вдоль всей этой толпы прошёл пожилой железнодорожник и громко объявил: «Не волнуйтесь, сегодня всех

увезем на ту сторону! А кто хочет погреться, идите вон туда, в дома, там есть печки!» И показал рукой стоящие чуть поодаль от станции два больших деревянных, двухэтажных дома.

Войдя в сени первого же дома и открыв первую же дверь, я увидела узкую длинную комнату, скупо освещенную солнцем из замёрзшего окна. Вся комната была завалена трупами. Они громоздились огромной тёмной кучей посреди комнаты и вдоль стен — картина из кошмарного сна, от которого нельзя было проснуться. Можно было только, отпрянув, закрыть эту дверь, что я и сделала судорожно, бессознательно и мгновенно. Пройдя чуть дальше, я открыла другую дверь и увидела нечто ещё более страшное и странное. Посреди комнаты стояла маленькая печурка — «буржуйка» с выведенной в окошко трубой. Она, видимо, давно остыла — с утра ещё не подвезли дров, и потому живые люди, сидевший в одной половине этой огромной, как школьный класс, комнаты, теснились вокруг нещадно коптившей керосинки. Они что-то пили из кружек, очевидно, кипятки из растопленного снега, о чем-то тихо разговаривали. Были среди них и дети... А совсем рядом, в противоположном конце комнаты, у окон лежали на полу покойники, и живые на них не обращали никакого внимания. Я вышла в коридор, услышала голоса ещё в одной комнате... Там была такая же картина, с той только разницей, что покойники лежали вдоль стен, а в середине у керосинки сидели живые... Иного выбора у живых не было: либо поле, чистый снег, ветер, тридцатиградусный мороз... и смерть, либо скудное тепло... и это страшное соседство. Вынести мёртвых из дома хотя бы просто на улицу блокадники не могли — сил не было, а солдатам, работавшим на перегрузке продовольствия для Ленинграда, некогда было этим заниматься.

Борисова Грива — маленький полустанок. Там не было зданий и помещений для одновременного приема такого количества эвакуированных. Оставлять их ждать на снегу, на морозе — означало погубить ещё многих. Поэтому солдаты всеми силами старались, чтобы люди не ждали. Едва с машины разгружалось продовольствие, как их тут же подавали к поездам, загружали людьми и скарбом и без задержек везли на другой берег. Заниматься же мертвыми означало во сто раз увеличить число жертв. Даже родные и близкие, не задумываясь, оставляли своих родственников там, где они умерли, а сами уезжали за озеро. Рыть могилы, хоронить, ставить памятные знаки было абсолютно некому. Да и что могли сделать немногочисленные солдаты с ломами, кирками и лопатами, когда мороз превратил землю в железобетон? Трупов же были тысячи...

Над мёртвыми никто не плакал, не стонал, не причитал. Часто родственники или посторонние раздевали умершего, увозили с собой его одежду, которая ещё могла пригодиться живым. На лицах покойников, каменно-застывших, изжелта-костяных, застыли то страшная гримаса муки, то умиротворение, наступившее от того, что завершились их земные страдания...

Машин, как не спешили с их разгрузкой солдаты, на всех не хватало. Полностью загруженные людьми и пожитками, они уходили за озеро, а мы с мамой и тётёй все ещё оставались здесь. Перегружать машины запрещалось, и, сколько бы я ни просила, шофёры отказывались взять нас с собой.

Наконец мне повезло, в одной из машин мне сказали:
— Грузитесь быстрее, мы ждать не можем...

Откуда взялись силы! Я стремглав понеслась к поезду, где ждали меня мама и тётя. Неужели не успеем?! Неужели уедут без нас?!

Мама впряглась в одни санки, я навалила ей на санки пять мешков, на свои положила четыре и сверху усадила тётушку.

— Держись! — крикнула я ей и потащила санки вперёд. Наверное, во мне пробудилась та необыкновенная сила, которая появляется у человека в моменты смертельной опасности. Тащить санки с мешками и тётей, сидящей на них, было невероятно трудно. Снег казался столярным клеем, ноги вроде бы прилипали к нему и не хотели двигаться. Меня качало из стороны в сторону, в горле все спеклось, мороз не давал дышать, глаза застилали какие-то красно — зелёные круги, я ничего не видела вокруг, только стоящие впереди автомашины. Под одной из них уже вился голубой дымок, и мне казалось, что я не успею, что я не двигаюсь, а стою на месте...

— Мама, не отставай! — кричала я, оборачиваясь назад. Мама тоже напряглась из последних сил, почти падая и задыхаясь...

И все же мы успели! К этим машинам, к этим дорогим колёсам, к этому синему дымку, заиндевелым зелёным бортам, к спасателям — солдатам... Они быстро, легко, как пушинки, перекидали в кузов наши мешки и наши санки, которые казались такими тяжелыми. Подняли на руках и буквально забросили туда тетю, а мы с мамой влезли сами по колесу, через борт.

Я не могу описать того чувства радости, которое испытала там, сидя на мешках в кузове открытой полуторки. Совершенно не думалось о том, что нас могут разбомбить, что мы можем провалиться под лёд или замерзнуть на ледяном ветру. Главное — мы едем!

Ехали мы медленно, часто останавливались. Догонять или перегонять впереди идущие машины не разрешалось. Интервалы соблюдались, чтобы две машины не поражала одна бомба. Когда машины останавливались, к нам часто подбегали солдаты, совали что-нибудь из еды, чаще всего

кусочек хлеба. К нашей машине тоже подбежал солдат и сунул моей маме в руку смятый кусок колбасы. Мама разломала этот кусок на всех, кто сидел ближе... Никогда не забуду вкуса этого микроскопического кусочка, что достался на мою долю! Что там все эти сервелаты и карбонады, осетры и севрюги! Эти несколько грамм конины, пахнувшие махоркой, не могли насытить, не могли даже утолить голод, но... Это была еда!

Наконец сквозь деревья показалось заснеженное, замёрзшее озеро. В этом месте проверяли у отъезжающих документы: паспорта и так называемые эвако-листки. Но вот все проверили. Один из распорядителей взмахнул красным флажком — и путь на ледовую дорогу был нам открыт. Медленно, осторожно съехали мы с берега. Лёд на озере — это не зеркальный каток стадиона. Все пространство озера было покрыто буграми, торосами. И как это смогли зимой, в сорокоградусные морозы, при несовершенстве тогдашней техники соорудить эту гладкую, накатанную дорогу? Широкая, с оживлённым движением трасса пролегла среди взгромоздившихся одна на другую, намертво застывших льдин, как если бы по густой каше провели ложкой борозду. Бугристая, кочковатая поверхность озера с волнообразными накатами снега на торосах бежала назад, в прошлое. Холод пронизывал до костей, хоть и было на мне немало одежды, а казалось, будто я в батистовом платье выбежала на мороз. Я все старалась пригнуться от ветра, но некуда было, кругом люди, мешки, да и тётушку надо было прикрывать собой, чтобы не застыла...

Мы видели перед собой идущие за нами машины, а если обернуться посмотреть вперёд, то можно было увидеть, как, змеясь среди торосов, уходил к горизонту караван автомашин. Вначале ещё долго был виден лес на оставленном нами западном берегу, потом он исчез, и осталась во-

круг лишь расстилавшаяся со всех сторон беловато-розовая пустыня озера. Не скоро снова показалась полоска леса, но уже на другом, восточном берегу. Но она была ещё далеко, когда мы услышали звук мотора. Это летел немецкий самолёт. Холод уже не от ветра, а от ужаса объял нас, но сопровождающий нас солдат, тоже сидевший в кузове, посмотрел вверх, прищурился и громко крикнул сквозь ветер:

— Не бойтесь! Это разведчик! Они тут целый день кружат...

Самолёт действительно скоро улетел, а противоположный берег все приближался и приближался...

Переезд озера закончился. Мы въехали по разъезженному, испещренному многочисленными следами автомобильных колёс пологому взгорку на берег, и тут нас встретила заснеженная деревня, обычная приладожская северная деревня из добротных рубленых деревянных домов. Хотя она была переполнена войсками, весь её вид был какой-то скромный, тихий, от нее пахло на нас чем-то прошлым, мирным, когда-то таким привычным... Но деревню мы проехали не останавливаясь, она быстро промелькнула и осталась позади, а нас доставили на железнодорожную станцию Жихарево: здесь из товарных вагонов формировались эвако-поезда. Все машины остановились в поле, около полотна, широким полукругом, и из всех машин солдаты начали выгружать людей, их вещи. Выносили ослабевших и умирающих, те, кто сохранил ещё силы, выпрыгивали сами. Машины развернулись и уехали, а на поле осталось рядом со своими пожитками множество людей. Никакого вокзала тут не было и в помине. На насыпи стоял поезд, паровоз уже попыхивал впереди...

Железнодорожники, шофёры, солдаты и те, кто распоряжался эвакуацией, работали круглосуточно, по русскому принципу «глаза страшатся, а руки делают». Сформиро-

ванный состав задним ходом подкатывал к этому «полю ожидания» и забирал почти всех, кто на нём находился. Но передышки не наступало, не проходило и часа, как с противоположной стороны озера караваны автомашин снова привозили эвакуированных, и поле снова покрывалось морем узлов, мешков и тюков, толпами закутанных, сидящих или стоящих в ожидании эшелона людей.

Всякий раз, когда отъезжал очередной эшелон, на «поле ожидания», словно на поле боя, оставались лежать трупы умерших дистрофиков. Накормить, обогреть здесь всех прибывающих не было никакой возможности. В Жихареве не было ни нужного количества пекарен, ни рабочих, чтобы напечь для всех хлеба, и потому вся работа сводилась к тому, как отправить скорее людей на восток. Правда, в Жихареве можно было получить продовольствие так называемым сухим пайком. Он состоял из одного килограмма муки на человека. Я видела, как люди, получившие эту муку, запихивали её в рот прямо пригоршнями, пачкая мукой руки, лицо, пальто, платки. Возможно, часть людей эта первая пища спасла. Но многие умирали, едва её поев. Она ускоряла в голодном организме процессы разложения, возникали пищевые комы и завороты кишок. Люди умирали тут же и лежали на снегу перепачканные мукой с непрожеванной, запекшейся мучной кашей во рту... Пошла и я туда, где выдавали эту злополучную муку, но там было так много народу, что получения её надо было ожидать очень долго. И хотя наши спасательные лепёшки из отрубей, которые мы везли из Ленинграда, уже кончились, я не решилась лезть в эту толпу...

Приглядевшись к разводившему пары эшелону, я заметила, что в поезд все ещё садятся люди, втискиваются кто как может в эти битком набитые вагоны. Кроме того, я увидела идущего вдоль вагона человека в железнодо-

рожной форме, и у меня опять родилась в душе сумасшедшая надежда — уехать раньше, не ждать до ночи на продуваемом ветрами поле в тридцатиградусный мороз.

— Дядечка, миленький, посади нас... — просительно забормотала я.

— Нас всего трое, у меня мама и тётя умрут, если не уедем. Тётя очень плоха... Посади, миленький дяденька...

И дяденька сдался, взглянув на меня усталыми, добрыми и измученными глазами. Если не мог он всех спасти в этом поле, то почему бы ему ни сделать все, что в его силах — спасти этих троих. И он, ускоряя шаг, пошёл вдоль вагонов, стал стучаться в двери, но никто не открывал. Тут же кричали:

— Нету, нету места! Сами друг на друге сидим!

Но дядечка решил не сдаваться и нашел-таки вагон, где было свободное место. И снова, как в Борисовой Гриве, я бросилась бегом в поле, к маме и тёте, снова нагроутила мешки и тётю на санки, снова торопила и подбадривала маму... Только сейчас я ощутила, как высока насыпь и как трудно будет взобраться на неё с нашими вещами. Я сбегала с насыпи вниз, хватала очередной мешок и поднимала вверх, к маме. Мама оттаскивала мешки в глубь вагона. Железнодорожник, может быть, и помог бы нам, но его куда-то позвали, и он ушел. Наконец мешки были погружены, забросили в вагон и санки. Осталось самое трудное: усадить в вагон совершенно ослабевшую тетю. Долго мы ползали с ней вверх и вниз по крутому откосу насыпи. Почти достигнув верха, она вдруг падала, соскальзывала вниз, задыхалась и бормотала:

— Что ты со мной мучаешься? Я всё равно умру... Оставьте меня здесь, поезжайте с мамой, хоть вы спасётесь...

Такого я и представить не могла, чтобы бросить её тут, живую. И волоком, за пальто, я все же втащила её на насыпь. Но надо было ещё втянуть тётю в вагон. Мама подала ей руки, я её приподняла. Она уцепилась за мамины руки,

но сил посадить её у меня не хватало. А поезд мог вот-вот тронуться, и тогда тётя могла бы упасть под колеса. Казалось, что ещё одно маленькое усилие... Но сил не было. И отчаяние уже охватило меня, но тут какой-то человек в военной шинели подошел к двери из глубины вагона и легко втянул тётушку в вагон. Со мной было легче.

Поезд вскоре тронулся, и мы поехали... Куда и зачем мы едем, нам было уже всё равно...

Виктор ВОСТРИКОВ

Родился в 1907 году в посёлке Сосновка Тамбовской губернии. Будучи студентом университета на факультетах философии и юриспруденции, по доносу «за хранение оружия» оказался в застенках ГПУ. Во Францию попал после четвертого побега из тюрьмы. В 1934 году сошел на берег Франции в Марселе.

Его дядя жил в Париже и ввёл Виктора в среду русской эмиграции. Там он познакомился со своей будущей женой, Антониной Михайловной Айкановой. Её семья проживала в доме, где снимала квартиру Марина Цветаева. В 1943 году Виктор был схвачен гестапо, отправлен в Маутхаузен, бежал и воевал вместе с партизанами в Италии. Скончался во Франции в 1991 году.

ОТРЫВОК ИЗ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ КНИГИ

Действие происходит в ГПУ Воронежа в 1930 году.

— Не приглашает ли, не провоцирует ли следователь меня на самоотдание ГПУ? — размышлял я. Следователь пробудил во мне смутный протест. Нет, мне такая роль не подходит. Конечно, в моем положении искренность и откровенность — наименьшее зло. Хорошо! Я буду откровенен с ними, но моя откровенность будет атакой: они ре-

волюционеры — я еще революционнее, они беспечны в отношении их собственности — я в десять раз беспечнее. Пусть я несчастная букашка в их руках, но я покажу им, что могут быть понятия и принципы более высокого порядка, чем те, которыми так чванятся они. Не такие уж и высокие их принципы, и не трудно им чваниться — никто не смеет им перечить...

— А все-таки, что вы думаете о раскулачивании? — напомнил мне следователь.

Надо заметить, что революция никогда мою семью не беспокоила, не раскулачивала, ничего у нас не брала, не реквизировала. Наоборот, мне когда-то в детстве дали из комитета бедноты сапоги, настолько хорошие, что других таких я в жизни не носил. Значит, никаких экономических и социальных баз для солидарности с раскулаченными кулаками у меня не могло быть. Конечно, по-человечески, являлось некое сочувствие и жалость, когда их очень тормошили, но и это сочувствие слабое, поскольку вопрос ставился только о потере их кулацкой собственности. Вероятно, собственнические инстинкты у меня были очень ослаблены, поэтому всякие драмы из-за потерянной собственности меня мало трогали, будь то раскулаченный крестьянин, проигравшийся игрок, обворованный уткой ротозей или кончающий самоубийством обанкротившийся капиталист.

Это я и сказал следователю, и добавил, что я не впал бы в ярость, если бы меня раскулачивали. К этому времени вокруг стола уже собрались несколько чекистов, и кто-то из них не без агрессивности сказал:

— Ты так говоришь потому, что у тебя никогда ничего не было, а было бы да забрали — тогда запел бы другое.

— У тебя психология люмпен-пролетариата, — сказал кто-то другой.

Это «люмпен» меня покорило:

— Почему же «люмпен?» Повторяю, просто я считаю материальные блага мелочью, тем более излишки.

— Значит, анархист?

— Почему приклеивать политический ярлык? Всегда вы упираете на экономическое, на политическое... — бормотал я. — Вы теряли когда-нибудь близкого дорогого вам человека? По сравнению с такой потерей что стоят все земные богатства?

Все молчали, только тот же голос упорно продолжал:

— Все-таки, кто же ты тогда?

Не зная, как ему ответить прямо, я стал объяснять, что такая психология настолько проста и человечна, что для нее не существует, как будто, названия. Приблизительно такая психология встречается часто среди грузчиков на Волге в Ростове, в Одессе...

— Эти твои грузчики — босяки и пьяницы.

— Прежде всего, они пролетарии. Они выполняют самую тяжелую работу и никого не эксплуатируют. Но они любят жить вольно, и всякие экономические страсти им чужды.

— Допустим, но это не они, кто управляет и обогащает Советский Союз.

— Если говорить об обогащении, то зачем тогда ликвидировать кулаков? Всем известно, что кулаки — самые большие специалисты насчет обогащения и накопления. Но зато эти босяки-грузчики первыми шли в Красную гвардию, и никто так щедро не жертвует на МОПР, как они. (Международная организация помощи борцам революции — коммунистическая благотворительная организация, созданная по решению Коминтерна в качестве коммунистического аналога Красному Кресту.)

Я это сказал потому, что мне приходилось в порядке «общественной работы» собирать пожертвования на этот МОПР, и я был поражен щедростью грузчиков.

Разговор отклонился от темы, но меня продолжало смущать замечание чекиста насчет того, что я «запел бы другое, если бы у меня что-нибудь отнимали». Я был очень

чувствителен к таким подозрениям и ничем не мог доказать противное: на самом деле у меня никогда ничего не было и, значит, у меня ничего не могли брать. А хотелось перещеголять чекистов и в их лице коммунистов в их хвастливо-показном пренебрежении к собственности. Совсем они не такие бесребреники, как им хотелось бы выглядеть — не даром у них все вертится вокруг «экономических факторов». И получилось, что мне нечем перещеголять их.

И вдруг я вспомнил о религиозниках, которые сидят по тюрьмам. Мне стало даже весело: если мне нечем похвастаться, то религиозникам есть чем. И я рассказал чекистам, что некоторые из них один день едят, а другой день отдают свою пайку другим заключенным, «бедным», как они говорят.

— Куда нам до такого пренебрежения к земным благам, — говорил я с ударением на «нам», подчеркивая этим, что и им, чекистам, тоже далеко до таких.

И еще рассказал, как в Козлове (Мичуринске) вызвали под вечер одного кулака из камеры в канцелярию тюрьмы. Пошел он бледный, с вытянутой физиономией, думал про расстрел, а возвратился весь сияющий и пустился в пляс.

— Что, на свободу? — спрашивают его, а он кричит:

— Пять лет, пять лет... концлагеря, конечно. А то, что у него все забрали — дом, лошадь, корову — об этом и думать забыл. Вот это — пренебрежение к собственности! Да такого не только в социализм, а сажай прямо в коммунизм! — восхищался я.

Чекисты смеялись, шутили, что они нашли верный метод излечения заядлых кулаков-собственников от их собственнической жадности. Я тоже шутил, спрашивая, не боятся ли они своим чудодейственным методом перелечить кулаков настолько, что они сделаются лучшими элементами для построения коммунизма и в этом отношении

заткнут за пояс даже самих чекистов. Естественно, если бывшие кулаки тогда сделаются чекистами и будут сажать теперешних чекистов, чтобы довоспитать их до своей высокой сознательности.

Создавалась атмосфера непринужденной болтовни в приятельской компании. Чекисты смеялись. Никогда я не видел чекистов таких простых и веселых, как в ту ночь. Но чекистская веселость хрупка и мимолетна. Обычно они сумрачны, если кто улыбнется, то с неким оттенком траурности, и снова погрузится в какую-то свою скрытую думу.

Завязался серьезный разговор со ссылками на Ленина, Маркса, Энгельса. Один из присутствующих, по-видимому марксистский начетчик (такие были редки среди чекистов) авторитетно доказывал, что бешеная жадность прошлого времени к собственности должна была бы исчезнуть в результате революции и гражданской войны и, если не исчезла, то по вине НЭПа. Смысл теперешнего наступления коллективизации и раскулачивания заключается не столько в экономических соображениях, сколько в психологической подготовке советского общества к решительному вступлению в эпоху социализма. В этом смысле процесс усиленного разжижения собственнических инстинктов среди кулаков, проходящих через школу исправительно-трудовых домов и лагерей, соответствуют планам построения социализма.

«Очень интересный рассказ нашего... гм, заключенного, — кивок в мою сторону, — несмотря на излишнюю комичность формы, иллюстрирует с предельной яркостью дальновидность и глубокий смысл формулы: “Ликвидация кулачества как класса”».

«Совершается процесс пролетаризации кулацкой психологии: у него все отняли, а он пляшет! Замечательный результат марксистского подхода к вопросу!» — воскликнул оратор. Он собирался продолжать свои рассуждения, но я прервал оратора:

— Наоборот! Этот результат показывает несамостоятельность марксистского подхода к вопросу. По Марксу бытие, то есть экономический фактор, экономические интересы всегда определяют сознание и, значит, всегда предшествуют психическим и эмоциональным явлениям. А здесь наоборот, чисто эмоциональный момент — страх перед расстрелом заставил забыть о всех экономических ображениях, здесь экономический фактор просто исчез под давлением эмоций. Здесь компетенция Маркса кончается...

Конечно, марксистский метод гораздо более эластичен (и жуликоват), чем это выглядело в моем изображении, но никто этого не заметил, и со всех сторон слышались протесты, неуверенные и удивительно бессодержательные:

— Что же ты, претендуешь быть умнее Маркса?

— Значит, по-твоему, Ленин и партия зря приняли Маркса как учителя?

Я примирительно отвечал, что я ни на что не претендую, но что марксизм должен прогрессировать и уточнять свои возможности и компетенции, что революционная психология несравненно выше марксизма и всех других теорий...

Разговор все более и более сосредотачивался вокруг формулы «Бытие определяет сознание». Уже давно я воюю с ней насколько возможно. Еще на воле в философских кружках, на лекциях диалектического материализма (особенно после) студенты и профессора тоже постоянно возвращались к этой теме. Эта формула сидела постоянной занозой в сознании «мыслящей» публики. Мне она была просто ненавистна. Только на воле приходилось молчать, а если редкий смельчак и позволял себе какую-то критику, то с такими ужимками, что ему самому становилось противно — лучше молчать...

А теперь перед чекистами я говорил откровенно то, что так часто я порывался сказать на свободе. И сейчас еще

я вспоминаю с удовольствием то чувство легкости, с которой свободный, наконец, от удушающей фальши я напал на ненавистную формулу:

— Эта теория экономических интересов, определяющих сознание, опошляет человека и революцию. Она, скорее, свойственна буржуазии, чем пролетариату. Зачем пролетариату держаться так рьяно за постулат Маркса, что все дело в интересах? Здесь Маркс только укрепляет моральные позиции буржуазии. Тогда всякий капиталист может нагло заявить: «Пролетариат борется за свои интересы, а мы за свои». Получается, и пролетариат и буржуазия одинаково правы. Маркс сбрасывает пролетариат с высот колоссальной моральной правоты до прозаической склоки с буржуазией.

— Зачем это? Когда пролетариат имеет все основания утвердить себя: как высший принцип перед аморальной, бездушной сворой особей низшего порядка перед буржуазией?

— Маркс в своем постулате выражает ту же самую идею равенства, которую проповедовал Руссо, и под знаком которой проходила французская революция: «Человек по своей натуре хорош, но общественные условия его портят», «Все люди рождаются равными». Это жалкая реакция на привилегии потомственной аристократии. Это тяга непривилегированных к равенству с привилегированными мало того, что не логична, она унижительна для революционера и пролетария. Это остатки былой забитости и комплекса приниженности перед хамствующими господами. И это ошибка — не короли и маркизы, не потомственная или финансовая аристократия, не привилегированные формируют аристократию — аристократию духа, людей высших качеств. Наоборот, эти привилегированные представляют собой прослойку низшего порядка: нужно быть прирожденно бесчестным хищником, иметь не малый запас бездушности и низости, чтобы приобрести, а затем

удержать свои привилегии и богатства. Порядочные люди очень редки среди такой публики. Настоящих аристократов духа, людей высших качеств, в частности, самозабвенных революционеров следует искать среди плебеев, бедняков и обездоленных.

— Порочная линия взяла свое начало с Локка и его знаменитой формулы: «Человеческое сознание — чистая доска, на которой опыт пишет свои письма». Допустим. Но доски могут быть из различных материалов и, например, на стеклянной доске мел опыта не оставляет никаких следов, а на деревянной — письма будут ясны и отчетливы. За Локком и Руссо, и Маркс, и вся современная культура приняли недодуманную формулу за основной принцип гносеологии.

И чекисты терпели мои еретические речи. Трудно объяснить чекистскую терпимость в отношении меня. Мне кажется, что на идеологические формулировки, подобные моим, у них не было инструкций. В моих словах они чувствовали искренность, какую-то новую и настоящую революционность и какую-то эмоциональную правоту — и они чувствовали себя смущенными. Перед ними сидел неподдающийся классификации, довольно наивный молодой парень и, вместо того, чтобы больше молчать, как это полагается подследственному, сам лез в задорную дискуссию с ними.

А я? Мне кажется, что я не осознавал опасности игры и просто «веселился» — остатки мальчишеского хулиганства. А может быть, интуитивное чувство, что хуже не будет — за свержотвлеченные теоретические рассуждения больше 5 лет не дадут. А 5 лет, я считал, так и так мне гарантированы. Так почему не повеселиться?

*Отрывок из книги своего отца подготовил
сын Виктора Вострикова — Сергей Айканов.*

Надежда ГРЕВЦОВА

Окончила романское отделение филологического факультета Ленинградского университета в 1949 году. Защитила диссертацию по лингвистике в 1953 году. Работала старшим преподавателем, а затем доцентом на кафедре французского языка института им. Герцена в Ленинграде. С 1994 по 2014 гг. вела дневник. За эти годы написала 30 объёмистых тетрадей в 96 листов. Главная часть дневников — возвращение в прошлое, в историю предков. Её непритворные воспоминания, как ручеёк, втекают в реку русской истории. Мы приводим здесь маленький отрывок из её дневника.

КРУТОЙ ПОВОРОТ

Я не понимаю людей, которым неинтересно прошлое. Мне не понятны дети, безразличные к судьбам своих родных.

Надежда Гревцова

Детство моё было беспечным и радостным, несмотря на раннюю травму от ухода отца. Мама смирилась с тем, что рядом не было мужчины и жила только для меня. В воскресенье мы с ней любили поспать. 22 июня 1941 года, проснувшись, включили радио. Узнали — война!

— Мамочка, возможно ли такое? Пойдём к дяде Саше и тёте Шуре!

— Хорошо, Надюшка.

Мы не сели на трамвай и пошли пешком — хотелось в такое ошеломляющее позднее утро обнять взглядом любимый город. Помнится слепящий, яркий, тёплый день и жужжащая, возбуждённая толпа. Все куда-то шли, встревоженные, оживлённые, и стороннему наблюдателю даже могло бы показаться, что весёлые, опьянённые новостью.

До войны такие прогулки с мамой в сторону дяди Сашиной квартиры я очень любила. Обычно по пути мы заходили в кондитерский магазин напротив ТЮЗа, он славился своими конфетами и сливочными кремами. Я замороженно смотрела на витрины с шоколадными плитками, поднимающимися до потолка, на глубокие вазы, наполненные до краёв тянучками с заманчивым названием «птичье молоко». Но больше всего я обожала свежие сливочные кремы, чей запах вызывал у меня приятное томление. Мама выбивала чек, и продавщица протягивала мне коробку с нежным сокровищем. Дальнейший путь до дядиной квартиры проходил как в тумане. Мечтая почувствовать, как тает во рту воздушное чудо, я нетерпеливо вбегала по лестнице и останавливалась у знакомой милой двери. На ней блестела металлическая табличка с цепью фамилий: Петровым — 1; Коху — 2; Соколовым — 3.

Я старательно нажимала на звонок три раза, слышался строгий дядин голос «Кто там?» Потом заветная дверь распахивалась.

22 июня мы тоже попробовали войти в магазин. Боже, что там творилось! Огромные очереди волновались, шумели, наполнялись гневными криками: «Не давать больше пяти килограмм! « Куда лезете, вы стоите за мной!» «Эй, вы, совсем задавили меня своим телом!»

Обеспокоенные люди толпились у касс и прилавков, запаренные продавцы едва успевали отпускать сухари,

печенье, конфеты. Я заметила, что покупали даже варенье из лепестков роз, которое раньше не находило массового любителя. В своё время мне захотелось его попробовать, но мама отговорила, сказав, что оно приторное и вряд ли его специфический вкус мне понравится. Мы не решились лезть в бой и быстрым шагом пошли к тётё с дядей.

Как обычно, я вбежала вверх по лестнице, позвонила в знакомую дверь, и мы прошли в столовую. В ней, несмотря на жаркий день, было прохладно и темно. Снова размеренная чудесная жизнь в этой квартире! Портьеры из зелёного бархата с широким шёлковым подхватом и вышивкой тон в тон закрывали вид во двор. На стене поблескивало зеркало, местами попорченное до черноты. Мерно и успокоительно ходил маятник стенных часов. Пахло мастикой, мятными конфетами и тётинными духами «Ландыш». Длинный дубовый стол был покрыт суровой льняной скатертью. На нём стояли хрупкие фарфоровые чашки, серебряный чайник, лежали щипцы для колки сахара. Война, страх, смятение остались где-то там, за дверью дядиной квартиры! Мы оказались в другом измерении, где не было ни тревог, ни разлук, а только сплочённый клан любящих людей. Судьба подарила нам в первый день войны счастливую отсрочку.

Тётя разливала крепкий грузинский чай, спрашивая:

— Надюша, сколько тебе кусков сахара?

— Два. А можно, тётя, я сама расколю его щипцами?

— Хорошо, — отвечала она, включаясь в привычную с моего раннего детства игру вопросов и ответов, — только аккуратно, не сломай щипцы.

После чая взрослые отправили меня в соседнюю комнату. О чём они говорили, не знаю, я не подслушивала. Забравшись с ногами в кресло, перелистывала книгу с репродукциями картин Русского музея. Пейзаж Алексея Васнецова с мальчиками-пастушками и двумя девочками

с корзинками наводил на ностальгически-безмятежные мысли. Хотелось тишины, мира, мягкой улыбки, как та, что блуждала на лицах застенчивых девочек. Но тут я открыла страницы с репродукциями картин Карла Брюллова и замерла от ужаса: в книге был «Последний день Помпеи». Я одеревенела от силы изображённого. Как мог художник погружаться в такой трагизм и работать над мрачным сюжетом целых шесть лет? Конечно, я понимала, что полотно написано в романтическом ключе, поэтому лица остаются прекрасными и благородными, и всё же... Рок царствует в картине, даже если каждый из персонажей старается ему сопротивляться. Война — это тоже рок? — думалось мне. Что-то ждёт всех в будущем? И мне безумно хотелось, чтобы в нашей жизни находился тайный смысл, чтобы мы преодолели фатализм, вышли победителями из охватившего страну мрака.

Уф!!! Закрою-ка я книгу с репродукциями и лучше прочитаю сказки «Тысяча и одна ночь».

Мои родные говорили в тот памятный день до глубоких сумерек, и я успела прочитать все семь путешествий Синдбада.

Дальше провал в памяти. Помню только, что мама пакует вещи, метит бельё, одеяло, пальто, всюду вышивает фамилию для моей отправки в эвакуацию. Летом 41 года мне было уже почти тринадцать лет. И хотя я уже была большой девочкой, могла мудро рассуждать, в реальной жизни оставалась беспомощной. Длительная разлука с мамой казалась невозможной.

И вот снова яркий, до боли в глазах, июльский день. Витебский вокзал, толпы детей с родителями. Мама ставит меня в пару с хмурой девочкой с белыми косичками.

— Это Наташа Видулова. Дружи с ней.

С вокзала детей сотрудников Технологического института — мама была его сотрудником и работала при

Академии наук — поездом отправили в Ярославскую область в село Большое. Помню, жили мы там в чистоте, питались прилично и спали на кроватях. К зиме начались бомбёжки и нас вновь эвакуировали. Сначала повезли по Волге, а потом вверх по Каме в сторону Перми. Каюты были забиты малышами, мальчики постарше спали в трюме, а девочки-подростки на палубе. Койкой мне служил сшитый мамой мешок. Держались на пароходе стайками по возрастному признаку. Но как-то раз в столовой, пока раздавался паёк, ко мне подошёл малыш лет шести. Он доверчиво спросил:

— Как тебя звать?

— Надя Гревцова, а тебя?

— Дюка.

Он назвал себя по прозвищу, которое ему дала мама. Искал, конечно, тепла, домашней ласки. Был он щупленький, с внимательными глазками, а личико бледное, измученное. Я стала его навещать в каюте, которую он делил с тремя другими малышами.

Дюка оказался моим первым внимательным слушателем в военное время. Порой к нему присоединялись и другие дети. Вечером, устроившись на койке, он прижимался ко мне боком и просил:

— Расскажи сказку.

И я, по свежим следам прочитанной истории Синдбада, старалась в деталях рассказать ему о странствиях этого торговца. Когда Дюка узнал, что Синдбад со своими спутниками оказался на огромной рыбине, принятой за остров, то сразу вспомнил, как мама читала ему «Конька-Горбунка»:

Вот въезжает на поляну
Прямо к морю-океану;
Поперёк его лежит
Чудо-юдо рыба-кит.

Я внутренне вздыхала: когда же кончится война, когда же мы опять окажемся с нашими мамами?

Так из кисейной барышни я превращалась в старшую сестру, даже молодую маму, училась быть внимательной к тем, кому труднее.

Один раз случился какой-то толчок и погас свет. Нам объяснили, что подлетал немецкий самолёт, но нас не тронул. Пароход продолжал свой путь по Волге и Каме до Набережных Челнов. Река покрылась льдом. Малышей по льду стали перевозить на санях в Елабугу. Накануне вечером Дюка прибежал ко мне, сел на мой мешок, обнял ручонками:

— Надя, ты скоро будешь в Елабуге, мы с тобой встретимся? Ты снова расскажешь сказки?

Я старалась его успокоить, гладила волосы, говорила подбадривающие слова. В день разлуки я долго смотрела вслед саням, а он отчаянно махал мне рукой.

Что с ним стало? Судьба нас развела, лишь воспоминание о нём не ржавеет с годами.

* * *

Мне помнится весна 1942-го года. Я в больнице в Набережных Челнах с нарывающей рукой. Врачи внимательные и ласковые, из Москвы, «выковырянные», как говорили местные жители вместо «эвакуированные». Я счастлива, что одна в палате. Тепло, даже жарко. Окно открыто. У меня взятый из Ленинграда учебник французского языка. Старинный, с большим количеством лексики по темам: столовая, гостиная, кухня, ферма, животные. Раньше в учебнике был портрет цесаревича Алексея, но из осторожности портрет вырван и уничтожен. А ещё у меня книга с поэзией Владимира Маяковского. Это был мой выбор при отъезде из блокадного Ленинграда.

Врачи сказали, что придётся ампутировать палец, но я этому не поверила. Мне грустно, но нет и мысли о том, что я могу умереть. Ведь я молодая, только выхожу из детства, я должна жить! Но тоска огромная по маме, по утраченной мирной жизни, по дому и по Ленинграду. А организм борется: к вечеру до 40, 41 градуса. Потом потение, жуткая слабость, падение температуры до нормы. И опять, и опять. И тут моя мама в панике из блокадного Ленинграда присылает мне волшебный сульфидин, который спасает на фронте раненых. Лекарство делает чудо, болезнь проходит. Я начинаю учиться ходить, будто раньше никогда не двигалась. Ноги дрожат, подгибаются, не хотят слушаться. В палате открытое окно. На кровати книги, вывезенные из родного дома — всё вспоминается с чувственной реальностью.

Как в молодости чудесно мечтается! Всё можешь представить «по своему хотению». А чувства греют. У многих с возрастом это уходит, и очень жаль.

Галина ДРЮОН

«НА ЛЮБОВЬ СВОЕ СЕРДЦЕ НАСТРОЮ...»

«Я друзей созову, на любовь свое сердце настрою,
А иначе, зачем на земле этой вечной живу?.. »

Мы слушали его легко запоминающиеся, потрясающие песни в его же чудесном исполнении. Мы росли с его песнями и воспринимали их, как данность, как свое дыхание. А с течением времени оказалось: такая ценность сопровождала нас! Такая чистая щемящая нотка... Редкость, которую сегодня только днем с огнем искать.

Но что делать: время неумолимо движется вперед, оно никогда не замедляет своего хода, и, как поется в его же песне: «Чем дольше живем мы, тем годы короче»...

Время идет — в мае этого года исполняется сто лет великому поэту Булату Шалвовичу Окуджава.

Окуджава!.. И зазвучала в ушах знакомая до боли мелодия песни — «песенки», как называл свои произведения сам поэт:

«Давайте восклицать, друг другом восхищаться,
Высокопарных слов не надо опасаться.
Давайте говорить друг другу комплименты —
Ведь это все любви счастливые моменты!»...

Теплой волной нахлынули воспоминания... 1970-й год. Мне двадцать лет. Мы студенты. Как было нам весело жить, любить, учиться. Университет имени Ломоносова, Ленинские горы, Москва! Какая счастливая была жизнь!

В те времена в Политехническом музее были разрешены и проходили знаменитые вечера поэзии. Было время так называемой «хрущевской оттепели». И однажды мой муж сказал мне: «Сегодня едем в музей». Я радостно продекламировала ему известный всем с детства стих Сергея Михалкова: «Я поведу тебя в музей, — сказала мне сестра!», мы весело рассмеялись и поехали в Политехнический.

Мои молодые читатели, вас в то время еще не было на свете, но зато у вас есть замечательная возможность побывать на таком литературном вечере, благодаря кинорежиссеру Марлену Хуциеву. В своем фильме, который он так и назвал: «Мне двадцать лет», правда, под нажимом непонятных запретов фильм вышел под названием «Застава Ильича» — так вот, Марлен Хуциев снял в Политехническом музее этот вечер поэзии, где начинающие поэты: Вознесенский, Евтушенко, Рождественский, Ахмадулина, Окуджава, Казакова, Слуцкий — читают свои стихи. Обязательно посмотрите этот фильм!.. Это важно для вас, молодых.

Так трогательно видеть совсем юного, с тонкой шеей, Андрея Вознесенского, который чеканит свои стихи, отчаянно рубя рукой воздух, и видеть хрупкую фигурку Беллы Ахмадулиной, слышать ее хрустально-волшебный голосок. Кстати, будучи уже в очень глубоком возрасте, на вопрос журналиста об этих литературных вечерах Белла Ахатовна ответит в присущем ей изысканном и витиеватом стиле: «Это был нежный утолительный глоток воздуха в запретные времена»...

Площадь носила имя Дзержинского. Посредине площади — огромная статуя «железного Феликса», как его называли. Позже статую демонтировали и на этом месте образовали сквер. А в то время мимо Политехнического ходили трамваи. Остановка была как раз напротив входа

в Большую аудиторию. Уже из окна трамвая мы увидели огромную толпу перед входом в музей и даже немного заволновались: как протолкнемся. Но у нас были билеты! и мы смело вторглись в толпу жаждущих, гордо помахивая синенькими билетами. А в зале люди стояли и сидели везде: во всех проходах, на всех ступеньках — он был переполнен до отказа. Некоторые даже лежали перед сценой, настроив магнитофоны для записи. Атмосфера была очень-очень праздничная. Лица! какие были счастливые лица в своем ожидании...

Вот наконец поэты — Светлов, Казакова, Евтушенко, Рождественский, Поженин, Слуцкий, Ахмадулина, Окуджава — вышли на сцену и начали один за другим читать стихи. В фильме «Мне двадцать лет» показано всего несколько минут, но в жизни вечер шел очень долго, часа четыре. Он запомнился тем, что многие поэты выступали на грани «дозволенного».

Дело в том, что, несмотря на оттепель, им разрешалось читать с эстрады только те стихи, которые уже были опубликованы, то есть проверены цензурой. Официального закона еще не было, но, тем не менее, запрет негласный был. Несмотря на это, Андрей Вознесенский и Евгений Евтушенко, особенно Борис Слуцкий, читая свои опубликованные стихи, интонацией и жестами придавали стихам самые смелые разоблачительные ноты. Многие ребята крутили головами, переглядываясь друг с другом, и заглядывали в лица соседей, чтобы увидеть реакцию: понимают ли... Мы прекрасно понимали все намеки!

Мы ждали Окуджаву. Для нас, московских студентов той поры, он был одной из главных фигур восприятия тех лет. Когда мы собирались с друзьями, у нас на магнитофоне звучал Булат Окуджава. Мы слушали его первые записи на склеенных ацетоном бобинах. Наши мальчики пели его песни под гитару: «Я все равно паду на той, на той

далекой, на гражданской, и комиссары в пыльных шлемах склонятся молча надо мной...», или: «Когда мне невмочь пересилить беду, Когда подступает отчаянье, Я в синий троллейбус сажусь на ходу...», или: «А мы швейцару — отворите двери...».

И вот он вышел к микрофону, гитара в руках. Я в первый раз увидела своего кумира — живого. Худощавый, пиджак накинут на плечи. Меня удивило то, что он сильно сутулился. Негромким голосом сказал: «Я не певец и не композитор. Я поэт, но стихи у меня сами просятся на мелодию, поэтому я их напеваю». И запел чуть дрожащим голосом: «Ты течешь, как река. Странное название. И прозрачен асфальт, как в реке вода».

Знаменитая песенка об Арбате. Мы взорвались аплодисментами! «Ах, Арбат, мой Арбат, Ты мое призвание, Ты и радость моя, и моя беда...».

Потом были: «Песенка о барабанщике», «Надежды маленький оркестрик», «Полночный троллейбус», «Часовые любви». Зал пел вместе с ним. Ведь мы знали его песенки наизусть! Они уже всю гуляли по Москве: «Потому я спешу, и к тому все слова и мелодия, Что я очень спешу объяснить вам в нежной любви...». Булат Шалвович сказал: «Мои стихи, конечно, не тексты для песен. Просто я чувствовал, что стихам чего-то не хватало»...

Стихам не хватало как раз этой музыки!.. Музыка была абсолютно естественным продолжением его стихов. Может быть, поэтому в его произведениях звучат «оркестры», «музыканты», «скрипки», «барабанщики», «надежды маленький оркестрик».

«В года разлук, в года смятений, когда свинцовые дожди,
Лупили так по нашим спинам, что снисхождения не жди,
И командиры все охрипли... Тогда командовал людьми,
Надежды маленький оркестрик под управлением любви».

Он поставил на стул одну ногу и, опершись на нее гитарой, запел: «Ах, война, что ты сделала, подлая? Стали тихими наши дворы... Наши мальчики головы подняли, Повзрослели они до поры... На пороге едва помаячили, И ушли — за солдатом солдат...». И зал тысячью голосов подхватил: «До свидания, мальчики! Мальчики! Постарайтесь вернуться назад...». И дрожь пробежала по всему телу... И помимо воли глаза наполнились слезами...

Булат всего два месяца пробыл на фронте. Его ранило почти сразу, и его, семнадцатилетнего мальчишку, быстро отправили домой. Но, несмотря на то, что война совсем коротко была в его жизни, потом он возвращался туда стихами всю оставшуюся жизнь. На фронте Булат научился уважать правду, сформировал свои представления о чести, о добре и зле. Под пулеметным огнем он учился ценить жизнь. О войне много писали поэты-фронтовики, но стихи Окуджавы не спутаешь ни с какими другими. Он сумел сказать, ничего не приукрашивая. Все самое страшное с ним уже случилось в очень ранней его юности, и он смог все это пережить, имея только «надежды маленький оркестрик под управлением любви». Душа его выросла в страданиях. Может, отсюда и грусть, и простота, и присущая только ему интонация.

Он пел: «Простите пехоте, что так неразумна бывает она. И вот мы уходим, когда над землею бушует весна... Не верьте, не верьте, когда по садам закричат соловьи, У жизни со смертью еще не окончены счеты свои...» И хотя мелодии песен у него совсем простые, впечатление было очень острое. Он пел: «Вы слышите, грохочут сапоги, И птицы ошалелые летят... И женщины глядят из-под руки, Вы поняли, куда они глядят?» — и ощущение было, что он прямо к тебе лично обращается. Будто тебе лично рассказывает свою жизнь...

В своем прозаическом романе «Упраздненный театр. Семейная хроника» Окуджава описывал свою жизнь так: «Я родился у Грауэрмана, на Арбате, в 24-м году, 9 мая. Отец мой, Шалва Окуджава, был прислан в Москву из Тифлиса для учёбы в Коммунистической академии. Мама, Ашхен Степановна Налбандян, приехала с ним. Мать была убежденной коммунисткой, как отец. На Арбате им дали две маленькие комнатки в коммуналке.

У них родился я. Родители назвали меня сначала Дорианом — по имени главного героя «Портрет Дориана Грея», романа Оскара Уайльда о превращении талантливого юноши в порочное чудовище. Потом все же меня переименовали в Булата.

После моего рождения отец работал комиссаром Грузинской дивизии, их из Москвы отправили снова на Кавказ. Мама моя работала в аппарате горкома партии. В Тбилиси я поступил в первый класс. Ходил в красивой вельветовой курточке. Сын хозяина города. Я жил там, учился. До ареста отца.

Отца забрали в феврале 37-го. Потом пришли однажды ночью и забрали мать тоже. Я был воспитан очень политическим мальчиком. Я знал, что мои родители такие убежденные коммунисты, каких не бывает в природе. Произошла ошибка какая-то. И когда это до Сталина дойдет, он все исправит. Наступил 37 год. И все. Кончилась жизнь.

Я остался с бабушкой. Жили мы страшно, совершенно впроголодь. Бабушка в полном отчаянии. Учился я плохо, связался во дворе с темными ребятами. Как я помню, образцом молодого человека у меня был арбатский жулик, блатной. Сапоги в гармошку, пиджачок, фуражечка, челочка и фикса золотая. Я стал дома деньги подворовывать. И в конце 40-го года моя тетка решила

меня взять к себе, потому что я совсем отбился от рук, учиться не хотел, работать не хотел.

И тут война. Я, конечно, начал бомбардировать военкомат. Мне было семнадцать лет. Тетка моя всполошилась, сказала, что пойдет в военкомат, все перевернет. Я ей сказал: если она пойдет, я убегу из дома. Во мне бушевала страсть участвовать, быть полезным. Это был юношеский романтизм. Но я не помню, чтобы простой народ уходил на фронт радостно. Война была абсолютно жесткой повинностью.

Я на фронте очень мало воевал. Два месяца. На фронте была возможность себя проявить, сказать правду в лицо, было какое-то братство. И все, пожалуй. В основном это был ужас и разрушение душ...».

Булат Окуджава, несмотря на то, что его отца расстреляли, а его мать арестовали и отправили в лагеря, где она провела двадцать лет, несмотря на то, что он прожил жуткую жизнь сироты, сын «врагов народа», он все равно добровольцем пошел на фронт.

Но Булат ничего не забыл!.. Потерять семью, забыть и простить всё власти, которая это сделала? Он еще не был антисоветчиком, но было очевидно его скрытое сопротивление властям. Слишком очевидно! Нет, он ничего не забыл. Это выражалось намеками в его песнях. Он был близок диссидентам, и за ним уже следили, ведь тогда преследовалась любая свободная мысль.

На том концерте он сказал: «А сейчас я спою вам одну такую дли-и-инную песню...». И спел очень короткую. Но мы все равно поняли...

«А все-таки жаль, что порой над победами нашими, Встанут пьедесталы, которые выше побед». Он пел в аристократичной манере, очень сдержанно. Было ясно, что он вынужден много пропускать по цензурным соображениям, но он классно расставлял акценты. Мы слушали, зата-

ив дыхание. Его голос завораживал: он был то отрывистый, то мягко льющийся... И, конечно, он спел о «комиссарах в пыльных шлемах», а потом еще по нашим просьбам «Виноградную косточку».

«Собирайтесь-ка, гости мои, на мое угощенье!
Говорите мне прямо в лицо, кем пред вами слышу.
Царь небесный пошлет мне прощение за прегрешенья,
А иначе, зачем на земле этой вечной живу?»

Мы подпевали тысячным хором: «А иначе зачем на земле этой вечной живу?..». И в нашем воображении рождались картинки: ночь, огонь костра, лица друзей, даже вкус винограда. Как он достигал такого завораживающего эффекта? Со сцены звучала то дворовая песня, то будто народная русская в сочетании с грузинской песней, то будто романс, а модуляции его негромкого голоса производили на нас магическое действие. В голосе Булата чувствовалась такая напряженная внутренняя благородная сила, такой скрытый огонь, что официальные органы, не понимая, в чем суть, все чаще и чаще приглашали его «для беседы».

Мы в тот вечер с восторгом воспринимали всё, что звучало со сцены — талант, свежесть, красоту и молодость наших кумиров. В конце своего выступления Булат Шалвович сказал, обращаясь к нам: «Какие у вас сейчас красивые лица! Постарайтесь подольше их такими сохранить».

После концерта мы с друзьями вышли в таком приподнятом, праздничном состоянии, что казалось абсолютно немыслимым разойтись просто так. Мы пошли пешком по ночной Москве и почти всю ночь бродили по улицам, по арбатским переулкам. «Были юными и счастливыми в незапамятном том году!». С неба светила огромная луна, и мы такие вдохновенные...

«Мы и знать не могли, что нас ждет впереди.
Мы и ведать не ведали, кто к нам стучится,
Только каждый почувствовал: слева в груди
Всколыхнулась какая-то райская птица».

Я до сих пор сохранила билетики и программку в память о той единственной встрече с Булатом Окуджавой. А замечательная поэтесса Юнна Мориц написала о нем строки, которые у меня и сейчас вызывают спазмы в горле:

«На этом берегу туманном,
Где память пахнет океаном,
И смерти нет, и свет в окне.
Все влюблены и все крылаты,
И все поют стихи Булата.
И смерти нет, и свет в окне,
На этом берегу высоком,
На этом берегу зелёном,
На этом берегу туманном...»

Булат Окуджава был классическим бардом: и поэт, и композитор, и певец. Он уже был признанный мастер, но называл свои сочинения «песенками», как будто хотел спрятать за простотой формы скрытую метафору. Он очень точно подбирал слова. Однако важнее всего в песнях был его голос. Было полное ощущение, что его голос сам переливается в мелодию. Это удивительный феномен: как он умел преобразить естественным образом звук своего голоса в мелодию, которую извлекал из гитарных аккордов. Как грустно от мысли, что это не повторится никогда.

Моцарт считал, что самое трудное в музыке — написать простую песенку, которую подхватили бы все. Именно это удавалось Булату Окуджаве! Здесь ему не было равных.

Песни записывали на магнитную пленку, и они расходились по всей стране. Вроде бы совсем простые песенки про ночной троллейбус, про Арбат и одиночество, но в них звучала потрясающая ностальгия по свободе. Его песенки были маленькими эссе с глубоким смыслом и серьезным содержанием. Но мы не знали, что официальные органы уже пристально следят за ним.

Против Окуджавы началась кампания. Организованная кампания, которая называется травлей. Сразу в нескольких газетах появились статьи, написанные в предельно грубом тоне. Его называли «Вертинским для плохих студентов» — в то время имя Александра Николаевича Вертинского было ругательным. В оскорбительном тоне писали, что Окуджава сочиняет белогвардейские мелодии, называли «пошляком с гитарой». Всё, что выходило из-под его пера, официальной критикой встречалось в штыки. Пластинки и концерты запрещались, стихи уничтожались. В романе «Путешествие дилетантов» Окуджава напишет: «Иногда мысли, которые тобой овладевают, кажутся слишком острыми, чтобы выразить их вслух. Остается — молчание». И в песне: «Как много, представьте себе, доброты — в молчанье, в молчанье... Москва для ночи затухает, И боль, что скворчком стучала в виске, стихает... стихает...».

Его песни подвергались жестокому гонению. В публичных рецензиях писали, что он «опасен для молодежи». Но сама молодежь об этом не знала! В газетах опубликовали официальное заключение специальной комиссии: «Песни Окуджавы не могут до конца выразить настроения и чувства советской молодежи». Но советская молодежь так не считала!..

Чем больше было нападок, тем больше было любви к Булату Окуджаве. Его стали приглашать на «квартирники», то есть выступления в частных домах, где собиралась московская интеллигенция. Его приглашали институты,

не объявляя об этом нигде. Он стал выступать подпольно, и он говорил в шутку: «Я стал широко известным в узких кругах». И пел: «Возьмемся за руки, друзья, Возьмемся за руки, друзья, Чтоб не пропасть поодиночке...».

Вроде ничего не было криминального в его песнях и выступлениях, никакой «антисоветчины», но за распространение пленок с песнями Окуджавы исключали из комсомола, из университета, увольняли с работы.

Вторжение советских танков в Чехословакию вызвало его резкую реакцию. Булат Шалвович Окуджава открыто и очень жестко высказался против оккупации Праги. Органы завели на него персональное дело и исключили из партии. В «Песенке про дураков и умных» Окуджава напишет:

«Дураки обожают собираться в стаю,
Впереди Главный во всей красе,
В детстве я верил, что однажды встану,
А дураков нету — улетели все!

.

А умный в одиночестве гуляет кругами,
Он ценит одиночество превыше всего.
И его так просто взять голыми руками,
Скоро их повыловят всех до одного».

Он был под постоянным надзором КГБ. Но, тем не менее, его не унесло в гибельную сферу, потому что в отличие от того ястреба, которого воспел Иосиф Бродский, поэзия не была самопожертвованием для Булата. Он старался оставаться мудрым. Эти строки он написал о себе:

«Все мы в руках ненадежной Фортуны,
Тень моя, тень на холодной стене,
Лютни уж нет, но звучат ее струны,
Дождик осенний, поплачь обо мне.

Жизнь драгоценна, да выжить непросто,
Тень моя, тень на холодной стене.
Короток путь от весны до погоста,
Дождик осенний, поплачь обо мне».

Булат пел нам о дружбе, что мы разлетаемся, разбредаемся и пропадаем поодиночке, и его песни проникали в сердца. «Бумажный солдатик», «Сентиментальный марш», «Метро», «Надя-Наденька», «О голубом шарике», «Ванька Морозов». Мы росли на его песнях. Привлекала и завораживала не только мелодия, но, прежде всего, интонация. Юные наши души откликались! Ведь если раньше песни создавались такие ура-парадные, восхваляющие строй, исполнялись хором, то Булат Шалвович неожиданно начал петь, о чем люди говорят между собой на кухнях, в узком кругу, о любви, о том, что это главное в нашей жизни.

Я очень люблю Булата Окуджаву. Знаю, что в этом я не оригинальна, но мне это и радостно, мне хочется, чтобы любящих его людей было еще больше. Он был одним из первых, чуть ли не основоположником жанра авторской песни. Вслед за ним ярко проявились Александр Галич, Владимир Высоцкий, Юрий Визбор, Александр Городницкий и другие талантливые авторы. Благодаря Окуджаве, началось развитие бардовского течения. Он написал более двухсот авторских песен. Наверное, не все знают, что его песня «Возьмемся за руки, друзья» стала гимном всех фестивалей бардовской песни. Высоцкий сказал: «Поющий Поэт, он соединил в себе поэтический дар с музыкальной интуицией. Мелодии простые, но это высокая простота».

И, конечно, тонкий вкус. Поэтому до сих пор его творчество вызывает большой душевный отклик. Моя молодость вся в песнях Окуджавы. Я считаю, что он был самым

лучшим нашим бардом, просто гениальным. Каждое новое его произведение становилось для нас ярким событием. Его песни стали любимыми песнями, и великая любовь эта длится до сих пор, по крайней мере, среди людей моего возраста, я подчеркиваю это.

Впрочем, нет. Конечно, нет! Молодые сегодня тоже открывают для себя его творчество. Я говорю о произведениях Булата Шалвовича для кино. Песни Булата Окуджавы звучат в более чем восьмидесяти фильмах. Уже пятьдесят с лишним лет прошло, но даже по прошествии столь долгого времени современная молодежь самозабвенно распевает: «Ваше благородие, Госпожа Удача!» — песню Верещагина из фильма «Белое солнце пустыни». Или, например, молодые с восторгом принимают песню «Капли датского короля» из фильма «Женя, Женечка и Катюша»: «Капли датского короля пейте, кавалеры!.. Слава голову кружит, Власть сердца щекочет, Грош цена тому, кто встать над другим захочет! Если правду прокричать Вам мешает кашель, Не забудьте отхлебнуть этих чудных капель!».

Просто вслушайтесь в слова его песен к фильмам. Восхитительные тексты!..

Чего только стоит песенка красавца Ивана Анненкова из фильма «Звезда пленительного счастья».

Ах! «Не обещайте деве юной Любви вечной на земле»...

«Кавалергарда век недолог, и потому так сладок он,
Поет труба, откинут полог, и где-то слышен сабель звон,
Еще рокочет голос струнный, но командир уже в седле...
Не обещайте деве юной Любви вечной на земле!
Течет шампанское рекою, и взгляд туманится слегка,
И все как будто под рукою, и все как будто на века.
Но, как ни сладок мир подлунный, лежит тревога на челе...
Не обещайте деве юной Любви вечной на земле!».

Ореол «звезды пленительного счастья» и по сей день тревожит память и душу.

Его стихи так сильно отзываются в сердце, что волей-неволей просыпаются глубоко спрятанные мысли:

«Мы сами раскрыли ворота, мы сами
Мятежную тройку впрягли,
И вот уже что-то сияет пред нами,
А что-то погасло вдали.

Чем дольше живём мы, тем годы короче,
Тем слаще друзей голоса,
Ах, только б не смолк под дугой колокольчик!
Глаза бы глядели в глаза...»

Мы знаем много песен однодневок. Песням уготована такая судьба: пришли в свое время и — ушли. Миссия их заканчивается. Но, друзья мои, никогда этого не произойдет с песнями Булата Окуджавы! Как, например, с песней из фильма «Белорусский вокзал»: «Здесь птицы не поют, деревья не растут, здесь только мы плечом к плечу врастаем в землю ту... Горит и кружится планета, над нашей Родиной дым, а, значит, нам нужна одна Победа, одна на всех, Мы за ценой не постоим!»...

Никогда не закончится его Миссия высокого предназначения.

У нас был своеобразный культ Окуджавы, да. Мы испытывали глубочайший пиетет перед ним. Те, кто его близко видели, рассказывали нам, что он ходит в скромной одежде, не носит никогда галстуков. Но этот внешне мягкий, скромный человек был для нас — Поэт самого высшего порядка. Нас очень сильно грело, что где-то рядом, в одном с нами городе живет Булат Шалвович Окуджава, великий поэт нашего времени.

В те времена, когда нельзя было свободно говорить и даже мыслить, мы хватались за его песни, как за спасательный круг.

«Пока Земля еще вертится — Господи, твоя власть! —
Дай рвущемуся к власти навластовать всласть,
Дай передышку щедрому, хоть до исхода дня.
Каину дай раскаянье... И не забудь про меня...»

Мы преклонялись перед его талантом. Мы часто говорили о нем. Забудутся имена разных государственных деятелей, а песни и стихи Булата Окуджавы будут жить всегда. В них — чарующая музыкальность, чистота, какая-то щемящая нота, на которую отзываются самые тонкие душевные струнки. Не пишут больше таких песен. Грустно.

В конце своей жизни он стал писать романы. То есть мы читали его стихи, пели его песни, а потом вдруг открыли для себя прозаика Окуджаву. Это не были чисто исторические романы, но скорее фантазии на исторические темы, однако литературные критики отмечали, что он в этих романах с очень глубоким знанием описывал быт ушедшей эпохи, аристократический стиль жизни, романтические характеры. Проза Булата Окуджавы в сравнении с его стихами и песнями считается глубже и интереснее. Эмоционально сильными рождались из-под его пера рассказы, особенно — «Девушка моей мечты». Такой трагичной прозы мы не читали никогда. Тбилисский студент, почти мальчик, с большим волнением ждет возвращения своей мамы из лагеря, где она просидела двадцать лет. Он с трепетом в душе готовится к встрече, хочет ее порадовать, сделать ей подарок — повести ее на любимый фильм послевоенный: «Девушка моей мечты». Как он готовился встретить маму, какие слова собирался сказать ей он — сын, полжизни проживший сиротой без

отца и без матери, очень рано повзрослевший... Как он мечтал, и как все получилось по-другому... Комок подступает к горлу. Сильные глубокие чувства наполняют тебя, пронзают сердце... Музыка печали... Музыка Любви... Позже он напишет: «Плакать о былом смешно и бесполезно»...

Роман «Упраздненный театр. Семейная хроника» Окуджава написал в самом конце жизни, за три года до своего ухода. Он рассказывает историю своей семьи, знакомит нас со своими многочисленными кавказскими родственниками. Маленького мальчика Булата нежно любили все его родные. Очень трогательно вспоминает он об уютной коммунальной квартире, любимом Арбате, о друзьях, о безоблачном мальчишеском счастье... Булат рассказал историю двух больших семей — грузинской, по папиной линии, и армянской, по маминой, — на фоне истории нашей страны в двадцатые-тридцатые годы. Это сложное время коснулось его семьи самым страшным образом: отец расстрелян, расстреляны сестра и два брата отца — то есть два родных дяди, родная тетя, родной отец. А родная мать полжизни провела в лагерях. Разве можно забыть такое? Чего только стоит фраза: «Наступил 37 год. Кончилась жизнь».

В романе Булата Окуджавы показана история только одной семьи в один из самых тяжелых периодов страны. Мне думается, это сопряжение понадобилось Окуджаве для того, чтобы рассказать, то есть он сам пытался понять, насколько оправдана и оправдана ли вообще такая страшная жестокость в «жесткие годы».

В романе с одной стороны — мальчик, окруженный любовью большой семьи, а с другой стороны — одинокий повзрослевший юноша, который уже знает: кого, как, насколько и когда, а кто уже никогда домой не вернется. Это книга — о тоске предчувствия. Страшная тоска предчувствия...

Это его последний роман, и это был его последний долг перед родными, которых безжалостно раздавила машина времени. Эта книга была завершением его собственной жизни тоже.

В последние годы своей жизни Булат Окуджава страшно переживал, что народ деградирует в духовной жизни, в культуре, что свобода, которая пришла в Россию, принесла с собой непомерное обогащение одних, нищету и злобу других.

«Я плачу не о том, что прошлое исчезло:
Ведь плакать о былом смешно и бесполезно.
Вокруг оркестры оглушат победно —
Да только ведь души непобедима власть».

«Чем дольше живём мы, тем годы короче...». Время неумолимо. Уходят люди, уходят жизни... Но остается великая Память. Остаются в нашей памяти люди, которых мы называем — «Совесьть нации». Их не так много. Булат Шалвович Окуджава — один из них. Он наполнял наши души Благородством, Достоинством, Музыкой Любви и Печали.

В 1996 году Булат Окуджава приехал во Францию. Он еще успел спеть свой концерт в ЮНЕСКО, но это был его последний концерт — здоровье было уже очень слабым. Его ждала операция на сердце. Он лежал в военном госпитале Кламара в пригороде Парижа.

И, как его последний роман «Упраздненный театр. Семейная хроника» рассказывал о тоске предчувствия юного арбатского мальчика в те жестокие годы, так и сейчас предчувствие взрослого, умудренного жизнью, мужчины не обмануло его. Булату Шалвовичу оставалось совсем мало.

В один из последних дней он написал стихотворение:

И в комнате этой ночью порой
Я к жизни иной прикасаюсь.
И в комнате этой, отнюдь не герой,
Я плачу, молюсь и спасаюсь.

Так и качаюсь на самом краю
И на свечу несгоревшую дую.
Скоро увижу маму мою,
Стройную, гордую и молодую.

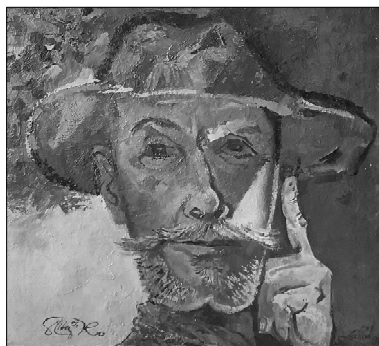
Он увидел ее, свою маму Ашхен Степановну... Это случилось 12 июня 1997 года во французском городе Кламар.

В этот дождливый день умер Булат Шалвович Окуджава.

«Дождик осенний, поплачь обо мне»...

Борис ЛАНДО (ШАПКО)

Родился в 1945 в Свердловске. С детства посещал изостудию заслуженного художника Николая Гавриловича Чеснокова. Учился в Ленинградском (Таврическом) художественном училище. В 1972 году поступил во Львовский полиграфический институт, из которого перевёлся в Московский. В 1975 году получил диплом художника-графика. С 1980 года член МОСХа, живописное отделение. С 1991 году женат на художнице Елене Комягиной. С 1999 года живём и работает во Франции. Его работы находятся во многих музеях мира.

Автопортрет

БУЛАТ ОКУДЖАВА. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАРИСОВКА

Во второй половине лета 1977 года, в один из тёплых дней, ко мне в мастерскую прибежал мой друг Владимир Карасик — геофизик, земляк и сказал: «Боря, бери бумагу и карандаш, идём скорее в кинотеатр Новороссийск, там будет встреча с Булатом Окуджавой, ты нарисуешь его, побежали!» Я был воодушевлён, весь приподнят и счастлив. Вовка тогда уже заваливал меня стихами его песен. Окуджаву все знали и любили. На встречу собирался цвет Москвы, друзья Окуджавы, писатели, журналисты. Добираться

было недалеко, всего 10–15 минут на троллейбусе. И вот мы, наконец, в специальном помещении кинотеатра, предназначенном для встреч. Булат Шалвович сидел в центре, а вокруг рассаживались зрители на обычных и необычных стульях и сидениях, кто-то стоял и так записывал интервью. Булат выглядел очень скромно, не броско, без эффекта, не как в кино. Я, восторженный, был рад любому месту, лишь бы видеть этот Талант. Мы с Володией постарались сесть так, чтобы был виден, если не фас, то три четверти. Мы находились в 2-х метрах от него, во втором ряду. Рисовать было очень удобно. «Да, — сказал он, — прошу не просить меня, петь не буду... Хочу сказать сразу, что я не еврей, а грузин. Фамилия моя грузинская, на “ва” заканчивается...». Я не вникал в суть разговора с автобиографией, с ответами на вопросы, так как был занят рисованием его портрета. Помню, что было очень живо и интересно. В разговоре Булат был уклончив, не говорил ни «да», ни «нет», легко уходил от трудных вопросов про политику, отвечал с очень тонким, хорошим юмором. Чувствовал себя вольготно, свободно. В течение часа я сделал 3 рисунка. Володя уговорил меня, чтобы я подошёл к Булату и дал рисунки на подпись, я так и сделал.

Над одним рисунком он посмеялся и сказал: «Здесь я похож на шпиона, а этот мне нравится». Но подписал все три. Я хотел что-то сказать, но вокруг было такое, что не до меня. Очень жалею, что, вернувшись в мастерскую, не стал доделывать или исправлять рисунок, где он «на шпиона похож», а просто порвал его. После этой встречи я начал учиться играть на гитаре и купил магнитофон, чтобы слушать, слушать, слушать этот голос моей души вперемешку с живописью. Сейчас портрет, что понравился Окуджаве, находится в Париже, в коллекции портретов великих людей: «Antiquités Russes de Saint Petersburg». И мы сами живём в Париже, где, по словам великого барда: «...как будто я понят уже и прощён».

Екатерина ЭТКИНД

Родилась в Ленинграде. Училась в литературном клубе «Дерзание», работала во Всесоюзном музее А.С.Пушкина (наб. Мойки, 12). В 1973 г. поступила в Институт театра, музыки и кинематографии на факультет театроведения. В 1974 г. эмигрировала с семьёй во Францию. В 1995 г. открыла постоянную выставку «Жизнь и творчество Пушкина» в стенах Российского центра науки и культуры (61, rue Boissière, 75016). В 2002 г. основала ассоциацию «Друзья Пушкина», которой руководит до сих пор.

КОРОТКИЕ ВСТРЕЧИ С ДАНИИЛОМ ГРАНИНЫМ

С Даниилом Александровичем Граниным наши родители были знакомы очень давно, еще в Ленинграде. Как сейчас говорят, «столько не живут». Он и его жена Римма Михайловна бывали на нашей даче в Ушаково, а наша семья — у них в Комарово, да и в городе тоже.

Однажды на даче мы с ребятами создали мини — музей А. С. Пушкина, и папа пригласил их на открытие. Гранины приехали вдвоем: их дочь Марина была чем-то занята. Открытие состоялось, и они даже оставили отзыв в музейной книге.

Было и так: мы случайно оказались в Доме Творчества в Малеевке под Москвой. Как во всех таких домах, утром писатели сидели за столом и творили, а вечером за чаем читали друг другу воспоминания. Тут начинались дискуссии, иногда на пустом месте. Ни Даниил Александрович, ни его супруга, ни мои родители никогда не принимали в этом участие. Как-то папа и мама добыли где-то арбуз и дыни, им хотелось угостить наших друзей Граниных. Ни о каких мобильных телефонах речи еще даже не было. А потому наши остроумные родители сочинили такое приглашение в стихах:

Кто хочет дыни и арбуза
Не по кусочку, а от пуза,
Тот должен в праздничной одежде
Быть в 6 часов в третьем коттедже!

И отправили меня к ним с этим посланием.

Только мы сели за стол, как примчался один из писателей и с порога закричал: «Слыхали? Писатель Молочковский утонул!» — и побежал дальше. Разумеется, аппетит у нас пропал, никакого веселого настроения не осталось. Арбуз и дыня отправились в холодильник. Гости ушли, а мы втроем пошли гулять.

Там же в Малеевке однажды после чая Гранины предложили нам проехать в ближайший город Боровск, где было очень большое водохранилище, чистое как слеза. Мы сели в машину и поехали. Какая это была красота, какой закат — чисто вишневого цвета!

И тут Даниил Александрович рассказал нам такую байку:

— Было это давно, в XIX веке. Александр Сергеевич Пушкин приехал погостить к своему другу Петру Андреевичу Вяземскому и его супруге Вере Федоровне. А жили они в большом имении Остафьево. Так вот, приехал Пушкин к

другу надолго. Все очень обрадовались, увидевшись. Пушкин, как всегда, приехал со своим сундуком, который стоит сейчас в музее — квартире поэта в Петербурге на Мойке, 12.

Тогда дворовый дядька Пушкина Никита Козлов, переносивший багаж, спросил у барина: «сундук-то куда нести?». Друзья-поэты сначала вообще не отреагировали, а потом в один голос ответили: «Оставь его!». Гранин нам объяснил, что имение Петра Вяземского потому так и называется «Остафьево». Так это или нет, трудно сказать. Писатели — народ, склонный пофантазировать. Но во всякой легенде есть какая-то доля истины, не правда ли? А даже если это просто выдумка, то такая симпатичная, и столько в ней любви классикам и чувства юмора, что можно только поблагодарить Даниила Гранина за нее.

Вот такая история была в Доме Творчества в Комарово, бог знает, в каких лохматых годах. Не помню, как я оказалась тогда в Комарово — то ли кого навещала, то ли по просьбе отца отвезти какие-нибудь рукописи кому-то из писателей... Так или иначе, я была свидетелем очень интересного момента.

В этом Доме Творчества была такая традиция: перед сном все обитатели — писатели собирались в холле, где стоял стол, а на нем — поднос с гранеными стаканами кефира и рядом блюдо с зефиром. Когда все писатели собрались и разобрали свои порции, Даниил Александрович поднял свой стакан. Тогда на одну секунду я представила, что он держит не самый обычный граненый стакан с кефиром, а бокал, наполненный наилучшим шампанским «Вдова Клико» или «Моэт и Шандон».

Вы, конечно, помните стихотворение Пушкина:

Ночной зефир
Струит эфир,
Шумит, бежит Гвадалквивир».
(1824 г.)

А Даниил Александрович произнес немного по-другому:
— Ночной зефир струит кефир!..

Писатели любят импровизации, поэтому поддержали его, улыбнулись, подняли стаканы, чокнулись и, пожелав друг другу «Спокойной ночи!», разошлись по своим комнатам.

Прошло очень много лет, но я это помню, потому что было в той ситуации много юмора и озорства.

Помню, Даниила Александровича выбирали в депутаты. Тогда Наталья Григорьевна Долинина в шутку называла его «начальничек».

Когда-то уже в Париже, наверное, была какая-то встреча писателей. Мы жили с мужем Данилой на квартире моего отца Ефима Григорьевича Эткинда на Дефансе (новый квартал). Сидим, ужинаем и смотрим новости. И вдруг отец кричит: «Данила, смотри, вот этот мужчина — его зовут Данила Гранин, он сегодня придет к нам ужинать!»

И он пришел. Они с моим мужем стали знакомиться: «Данила — Данила!» Потом стали обниматься, по-мужски... Потом смочили знакомство водочкой. «Ученые мужья» пустились в литературный разговор, а мы с мужем сидели и слушали.

4 июля 2017 года не стало чудесного, талантливого, душевного и абсолютно порядочного человека — писателя, инженера Даниила Александровича Гранина (Германа). Он похоронен на кладбище в Комарово рядом со своей женой Р. М. Майоровой.

Дорогой и всеми уважаемый Даниил Александрович!

То место, которое Вы занимали в наших сердцах, не будет занято никем. Мы всегда будем помнить о Вас.

ИСКУССТВО

Татьяна БЕГОВА

Родилась в Ленинграде, жила в Москве. Окончила Московский Государственный университет им. Ломоносова, исторический факультет, искусствоведческое отделение. До 2008 года работала в Государственной Третьяковской галерее в отделе Современное искусство. Член Союза Художников России. Член Международной ассоциации искусствоведов (AICA). Один из авторов сорокатомного каталога полного собрания коллекции Третьяковской Галереи. С 1998 года живёт с семьей во Франции. Вдова художника А. С. Бегова (1951–2014). Работала с художниками-шестидесятниками группы нонконформистов, такими, как О. Рабин, В. Кропивницкая, Э.Штейнберг. Занимается сохранением наследия своего мужа — Алексея Бегова.

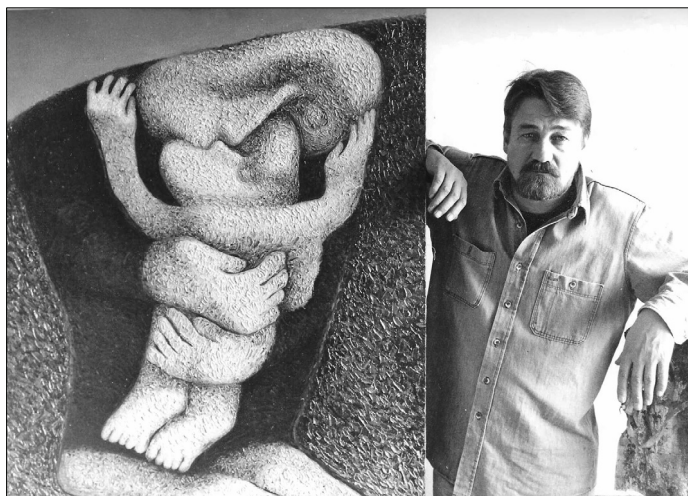
В 2017 году осуществила установку надгробия художника на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

АЛЕКСЕЙ БЕГОВ: О ДУШЕ, О НЕБЕ, О ЗЕМЛЕ

В живописном предместье Парижа Жанвиль-сюр-Жюин (Janville-sur-Juine) расположился старинный замок Жильвуазан (Gillevoisin). На его территории находится небольшая часовня, построенная в 1625 году, а расписанная почти через пять столетий художником из России Алексеем Бего-

вым. Бегов не следовал устоявшимся церковным канонам. Прислушиваясь к порывам души, он создал собственную интерпретацию образов Мадонны с младенцем, Христа и святых. Они напоминают персонажей его картин. По признанию самого художника, для него было особенно важно создать атмосферу духовного общения со зрителем.

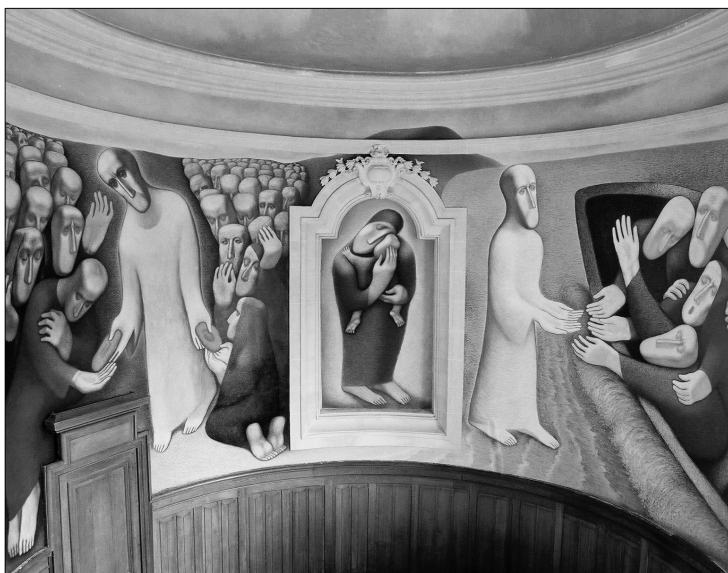

Алексей Бегов. 1999

«Создать фрески — моя давнишняя мечта, но я не прикладывал ни малейшего усилия к её осуществлению только потому, что внутренне не был готов к этой грандиозной работе. Сейчас же я могу сказать, что наконец пришли время и силы воплотить мечту долгих-долгих лет... Я готов соприкоснуться с таинством души и выразить необъяснимое словами — фресками. Да благословит меня Господь!»

В 2014 году художника не стало. В расписанную им часовню святого Николая приходят люди, чтобы молить-

ся перед созданными им образами. В музеях и частных коллекциях по всему миру находятся его работы, в Москве и в Париже сохранилось множество картин и набросков мастера.

*Алексей Бегов. Общий вид росписи
в часовне Св. Николая замка де Жильвуазан.
Жанвиль-сюр-Жюин. 1999–2004*

Общение с автором помогает лучше понять его творчество. Безусловно, хорошее произведение многое говорит нам и без всяких пояснений. Но наш собственный жизненный опыт побуждает домысливать за художника, когда его уже нет, и мы остаемся наедине с произведениями. Поэтому так ценны все воспоминания о мастере, его высказывания, бережно хранимые близкими. Алексей Сергеевич был артистичным человеком и замечательным

рассказчиком. Он прекрасно держался перед камерой, умел увлечь слушателей, делясь своим душевным светом, внутренней энергией, питавшей его творчество.

Ранат, ранат, ранат. 2005. Х.м. 80х100

Отец Алексея, Сергей Николаевич Бегов, родился в Новочеркасске, его предки — донские казаки. После войны оказался в маленькой деревушке под Киевом. Там в 1951 году появился на свет Алексей.

В детстве Алексей мечтал стать военным, поступить в танковое военное училище, но школьный учитель (Ефимкин), говорил: «Дурак, ты губишь то, что тебе дал Господь Бог». Он распознал в мальчике талант живописца, убедил его поступать в художественный институт. Его преподавателем в Алма-Атинском институте был П. Зальцман — ученик П. Филонова. Бегов дружил с семьёй Зальцманов, имел возможность видеть произведения не только Зальцмана, но и Филонова.

Из Алма-Аты Алексей со своим другом поехал в Москву. Рано утром пришли к Третьяковской галерее. Музей еще был закрыт. Алексей вдруг сказал: «Вот здесь у меня будет персональная выставка». Его друг посмеялся, не поверил, а в 1995 году выставка Алексея действительно состоялась.

В начале 1980-х Алексей Сергеевич переехал в Москву, участвовал в выставках, много путешествовал по России, а с 1990-х — по Европе и США. У него состоялись крупные выставки в Швейцарии, Италии, Германии, в США.

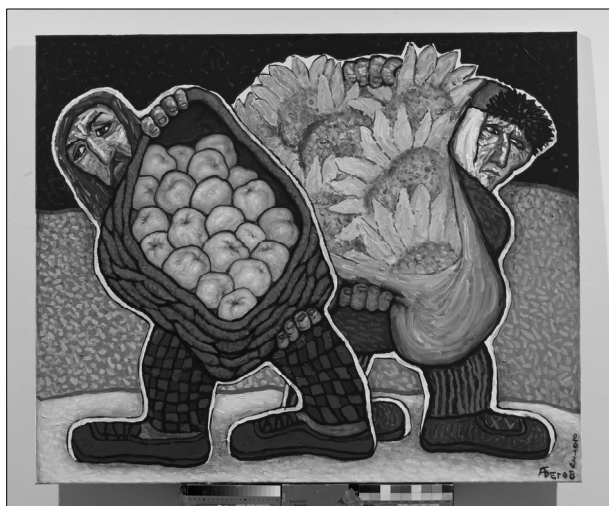

Далекий горизонт. 2011. Х. м. 81х100

Занимаясь станковой живописью и графикой, он не раз выполнял работы больших размеров. Так, в 1990-е создал масштабную работу «Конец XX века» в рамках меж-

дународной художественной акции «Стена мира», проходившей в Лос-Анджелесе, Вашингтоне, Москве и Барселоне, а также цикл картин «На рубеже веков».

Во Франции он оказался случайно. В 1997 году прошла выставка Бегова в Париже на улице Кэнкампуа, рядом с Центром Помпиду. Увидев работы российского мастера, знаменитый французский художник-ташист Жорж Матье, друг П. Пикассо и С. Дали, был потрясен глубиной философского мышления и мастерством автора. Он сказал: «Я последний художник XX века, ты первый XXI-го».

*Автопортрет и портрет Винсента.
Белая дорога. 2013. Х.м. 100x120*

В 1998 году Беговы приехали во Францию. На территории замка Жильвуазан Алексей открыл свою выставку — в часовне с белыми «пустыми» стенами. Алексей поинтересовался, почему на стенах нет росписей. «А ты бы расписал?» — спросили его в ответ. Алексей согласился и работал

бесплатно. У художника впервые появилась возможность обратиться к монументальному искусству в чистом виде — расписать стены архитектурного сооружения, и это его не испугало.

*Надгробие А. Бегова на русском кладбище
Сент-Женевьев-де-Буа. Автор проекта В. Юданов*

За семь лет Алексей расписал стены целой часовни — 400 квадратных метров! — в одиночку. Большой труд и серьезное испытание для художника.

Труд мастера высоко оценили и во Франции, и в России. Художника наградили золотой медалью Французского Академического общества в области искусства, науки и литературы, а также российским орденом Дружбы.

В живописи Алексей Бегов часто обращался к христианским темам: «Несущий крест», «Один из вас предаст ме-

ня». Ни в станковой живописи, ни в росписи часовни Алексей не стремился к иконографической точности. Также он не мыслил творчество без классической музыки. А еще признавался: «Не знаю, как возникают мои образы, меня что-то ведёт». Он хотел передать общее состояние чего-то высшего. Ему это удалось.

О начале работы над картиной художник говорил так: «Я, конечно, волнуюсь перед каждой работой. Волнуюсь, а когда никого нет — молюсь. Для меня холст, как исповедь в церкви».

В 2012 году Алексей создал серию работ, посвящённую художникам — очень разным, но близким ему духовно, или тем, чьё творчество он выделял особенно: Кандинский, Матисс, Пикассо, Ван Гог, Дали. Алексей избрал интересный ход — он как бы вписывал известные работы мастеров в свою композицию, создавая собственный парафраз. Так, в работу «Танец Матисса и моряка...» он вписал «Танец» Матисса, Пикассо отразился в картине «Сон на Сене с мадами Пикассо». У Алексея есть картина «Молитва». В ней он использовал нижнюю часть «Троицы» Андрея Рублева.

Ван Гог был особенным художником для Бегова. Одна из последних работ называется «Автопортрет Алексея и портрет Винсента, или Белая дорога». На могиле Ван Гога в Овер-сюр-Уаз Алексей плакал. Их судьбы в чём-то похожи. Сложный жизненный и творческий путь у обоих, долгая дорога к пониманию и признанию.

У Алексея было много интересных встреч и знакомств. В Вашингтоне он общался с Кондолизой Райс, Элеонорой Рузвельт Сигрейвс — внучкой американского президента. Работы Алексея есть в её коллекции, а также в коллекции художника-ташиста Жоржа Матье и мадам Пежо — одной из нескольких владельцев знаменитой автомобильной марки. Алексей был знаком с Р. Оссей-

ном, много общался с представителями русской эмиграции — А. Гучковым, П. Шереметевым, А. Трубецким, Д. Шаховским.

В Париже Алексей оказался в кругу О. Рабина, О. Целкова, Э. Булатова. Искренне восхищаясь ими, Алексей не стремился влиться в какой-то круг, не декларировал какие-либо постулаты. Он был самим собой и создал собственный авторский стиль.

Переезд Алексея Бегова во Францию повлиял на его творчество. Стиль, колорит художника со временем терпели изменения. Это было связано как с внутренним состоянием, так и с внешними обстоятельствами. До переезда в Париж в 1997 году колорит его работ был более тёмным, суровым. В Париже первые три года Алексей жил на Монмартре. Наверное, это были самые счастливые годы пребывания во Франции. Тогда появилось много красивых работ с сюжетами, подсмотренными в жизни, — клоуны, официанты, уличные музыканты. Позже, переехав в другой район Парижа, где не было той праздничной живой атмосферы, Алексей будто стал смотреть вглубь себя, он стал часто возвращаться в детство в украинской деревне. И возникли новые мотивы — подсолнухи, яблоки, долгая дорога. Повлияла на его манеру работа над росписью в часовне: появилось больше светлых красок, а пастозная манера стала не столь ярко выраженной.

Бегова нельзя назвать бытописателем. Обобщённая манера придает философское звучание обычным сценам из жизни. При сдержанном колорите в работах ощущается внутренний свет. Изображения простых людей сродни обликам более поздних евангельских персонажей.

Рождение ребёнка, сбор урожая, первый снег — пронзительные и вечные темы. А главная из них — тема бесконечной любви и бесконечного сострадания к людям. Таков мир художника. Людям Бегова тесно в плотном про-

странстве. Порой они пробивают его, зримо выходя за рамки картин. Образы становятся знаками. Типы превращаются в архетипы.

Алексей был очень трудолюбив. Даже во время болезни, собираясь в больницу, он купил кисти, холст, краски. Намеревался вернуться и работать. За свою не очень долгую жизнь он много успел сделать — написал множество работ, участвовал в выставках, расписал церковь. Алексей никогда не отдыхал, очень много работал, так и сгорел...

«Живопись — моя жизнь и мой крест. Я целиком связан с ней. Если бы мне не дано было писать, моя жизнь закончилась. Я полностью выкладываюсь в каждой моей работе».

В 2017 году на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа появилось надгробие. Стилизованный мольберт, на котором картина, выполненная в технике мозаики. На картине фрагмент произведения художника «Старая яблоня».

Алексей Сергеевич Бегов — живописец, автор фигуративных композиций и картин на евангельские темы. Работал также в области монументальной живописи. Член-корреспондент Академии Художеств России (2010). Обладатель Высшей награды Французского академического общества — Золотой медали Кавалера искусств, науки и литературы (2006 г.); Кавалер Ордена Дружбы Российской Федерации за вклад в развитие российско-французских культурных связей (2012 г.). С 1998 года жил с семьей между Францией и Москвой, работал над созданием росписей в часовне замка Жильвуазен под Парижем. Выставлялся во Франции, России, США и многих европейских странах. Умер в Париже в 2014 году, похоронен на Сент-Женевьев-де-Буа.

Татьяна МОЖЕНОК-НИНЭН

«Выбери себе работу по душе, и тебе не придется работать ни одного дня в своей жизни». Эта фраза Конфуция — путеводная звезда моей жизни. В 13 лет я решила стать искусствоведам и с тех пор ни разу не усомнилась в выбранном пути. Изучать искусство, рассказывать о нём — моя профессия и моя страсть. В «Глаголь» вступила недавно, в 2021 году, и уже не представляю свою жизнь без наших литературно-музыкальных вечеров. В феврале 2024 г. организовала в «Глаголе» вечер, посвященный 200-летию замечательного русского художника А.П. Боголюбова, с участием молодых талантов, в том числе моего сына-лицеиста.

ПЛЕНЭР В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ ХУДОЖНИКОВ

«В первое же утро я окунулся в поле: земля была влажная от мелкого дождика; колосья высокой пшеницы и рису скрывали от меня горизонт; только по тёмно-синему, сероватому небу неслись белые хлопья облаков, а узкая дорожка вся украшена полевыми цветами и маком — прелесть, прелесть! И какой восхитительный воздух; дышится чисто, легко... Пейзажи на каждом шагу, и разнообразие необыкновенное...»

Этот отрывок из письма Ильи Репина — как пленэрная зарисовка, живописный этюд с натуры. Письмо написано в Вёле в июне 1874 года и адресовано «другу по кисти» Василию Поленову. Удивительные бывают совпадения: в апреле 1874 г. в Париже состоялась первая выставка будущих импрессионистов, а летом того же года русские художники, в то время пенсионеры Императорской Академии художеств, открыли для себя пленэр. Знаменательно, что это произошло в Нормандии, вдохновившей и Клода Моне, и Огюста Ренуара, и Эжена Будена.

Что такое пленэр? Это живопись на открытом воздухе, без предварительных эскизов в мастерской, чистыми красками, которые смешиваются прямо на холсте; быстрый динамичный мазок, этюдная манера. В европейской живописи первопроходцами пленэра были английские мастера Джон Констебл и Ричард Бонингтон. В середине XIX века пленэризм получил распространение во Франции благодаря Камиллю Кору, Йохану Йонгкиндю, Эжену Будену, барбизонцам и будущим импрессионистам.

Первым русским художником, преодолевшим условность академических ландшафтов, был Сильвестр Шедрин (1791–1830). Его итальянские пейзажи наполнены светом и воздухом; один и тот же мотив предстает на его полотнах при различном солнечном освещении. Италия вдохновила и другого русского живописца, Александра Иванова (1806–1858), автора монументального полотна «Явление Христа народу», на создание пейзажных этюдов с цветными рефlekсами — результат работы на открытом воздухе. Эти этюды Иванова часто называют «импрессионистическими».

В 1857 г. Шарль Добиньи, художник, близкий барбизонцам, первый среди французских мастеров начал писать берега Сены и Уазы со своего ботика (лодки). А в России

братья Григорий и Никанор Чернецовы на 20 лет раньше, в 1838 г. совершили путешествие по Волге на специально оборудованном корабле с мастерской. Один из братьев писал левый берег реки, другой — правый. К сожалению, от огромной панорамы Волги, явившейся плодом этого путешествия, остались лишь фрагменты (сег. в Национальной библиотеке, Санкт-Петербург) и эскизы.

Однако, первым настоящим, последовательным русским художником-пленэристом стал Алексей Петрович Боголюбов (1824–1896). С его именем связано и начало нормандской страницы русской живописи. «Моряк-художник», как Боголюбов охарактеризовал себя в автобиографических записках, пенсионер Императорской Академии художеств, Боголюбов летом 1857 г. открыл побережье Ла-Манша. Поехать на этюды в нормандский городок Вёль ему посоветовал старший друг и сосед по Монмартру художник Эжен Изабе. Там же, на Монмартре Боголюбов познакомился и с талантливейшим французским пейзажистом Камилом Коро, творчество которого всегда служило для него образцом. В «Записках» он писал о К. Коро: «...взглянув на его деревья, вы, пожалуй, не скажете, что это за растения, но взгляните в общее пятно его зелени, углубитесь в сравнение её по отношению к воздуху, взгляните на едва написанную фигуру в картине, и вы скажете — да, это мастер! Этот человек чувствует природу так точно, что невольно подчиняет вас сознанию натуры в своих произведениях». Это желание передать тончайшие цветовые изменения пейзажа под воздействием атмосферных явлений двигало Боголюбовым в течение всей его долгой творческой карьеры.

Главной школой пленэра для Боголюбова стала Нормандия, её влажный воздух, постоянно меняющееся небо, приливы и отливы. Его этюды — пейзажные зарисовки — Вёля, Дьеппа, Фекампа, Этреты, Онфлёра, Трувиля обладают той свежестью восприятия, которые характеризуют работы Добиньи, Будена и импрессионистов. Не случайно

в своих «Записках» Боголюбов подчеркивает важность для него этюдов: «Странное будет моё откровение, но оно не напускное. Картинами своими я никогда не дорожил и с удовольствием выпроваживал их в мир Божий. Но на этюды, напротив, я был бережен и даже скуп».

На пейзажах Боголюбова, как и его современника пейзажиста Эжена Будена, единственного учителя Клода Моне, предстаёт беззаботное курортное общество: дамы в платьях с кринолинами, мужчины в канотье, сидящие в небрежных позах на складных стульчиках, мечтающие, занятые беседой или рисованием. Точные линии, динамичная фрагментарная композиция, быстро положенные трепетные мазки, удачно схваченные позы и жесты — это не точная зарисовка действительности, а впечатление от неё. Боголюбов путешествовал по нормандскому берегу с палитрой с единственной целью зафиксировать изменения света и цвета в зависимости от быстро меняющихся метеорологических условий. Огромное низкое небо, две тонкие полосы пляжа и моря, почти сливающегося с небом на горизонте, скалы, яркие солнечные зонтики, трехцветное знамя Французской Республики, колышущееся на ветру... Что же изменяется? Свет, цвет, атмосфера. Для Боголюбова, как и для Будена и Моне, именно эти светоцветовые изменения и составляют саму сущность живописи, её глубокий смысл.

Боголюбов оказал большое влияние на формирование молодых русских живописцев. В 1874 году он стал попечителем пенсионеров Академии Художеств во Франции. Это назначение совпало с приездом в Париж осенью 1873 года талантливых художников, золотых медалистов Академии, Ильи Репина и Василия Polenova. Боголюбов сразу подружился с этой «плеядой... молодых и весьма даровитых художников», по-отечески руководил их занятиями, помогал советами, знакомил с французскими мастерами. Летом

1874 года художники, следуя совету Боголюбова, отправились в Нормандию в Вёль-ле-Роз на этюды. Месяцы, проведенные в этом спокойном нормандском селении на берегу Ла-Манша, сыграли исключительно важную роль в развитии их художественного мастерства. Письма Репина, Поленова, Савицкого из Вёля полны восхищения нормандской природой, морем, патриархальным укладом жизни крестьян и вместе с тем удовлетворением от собственных успехов в живописи. Так, Илья Репин писал старшему другу художнику Ивану Крамскому, что «ждёт от себя с большим интересом каждую новую вещь и весьма удовлетворён некоторыми из них...». Более того, Репин назвал свое пребывание в Вёле «третьим уроком живописи» после Чугуева и Волги.

За два с половиной месяца в Нормандии Репин выполнил большое количество натуральных этюдов, и среди них — «Морской берег в Вёле», который и поныне украшает стены его мастерской в «Пенатах» под Петербургом, «Лошадь для сбора камней в Вёле», лирический образ «Девочки-рыбачки». «Лошадь на берегу моря» — светлый этюд, в котором под воздействием солнечных лучей раскрывается вся гамма белого цвета. По поводу этой картины пейзажист следующего поколения, имя которого связано с развитием импрессионизма в русской живописи, Игорь Грабарь (1871–1960) писал, что в «художественном отношении это огромный шаг для Репина».

Василий Поленов, работавший вместе с Репиным летом 1874 года в Вёле, был также очарован Нормандией. Здесь он ясно почувствовал свое предназначение художника-пейзажиста. Первые уроки пленэра Поленов получил в Вёле. «Работая летом с натуры вместе с ним [Боголюбовым].., — писал Поленов в Академию, — я научился в несколько часов большему, чем работая месяцы один». В Вёле Поленов написал замечательные пейзажи — «Рыбацкая лодка. Этрета», «Белая лошадка. Нормандия», несколько

марин с характерным пляжем, покрытым плоскими камнями («галетами») региона Ко, и белыми меловыми скалами, мельницы Вёля и ставшие знаменитыми «Ворота старого замка». В этом небольшом полотне, гармонично соединяющем пейзаж и жанр, впервые проявились качества, которые будут характерны затем для лучших пейзажей Поленова, — особое поэтическое настроение, лиризм, одухотворённость природы, умение увидеть красоту в самом непритязательном мотиве. Летом 2015 года на том месте, где молодой Поленов написал свой ставший знаменитым пейзаж, мэрия Вёля и Ассоциация Василия Поленова открыли сквер имени художника.

Без нормандского опыта был бы невозможен шедевр Поленова, созданный в 1878 г. на Арбате, — «Московский дворик». Этот прелестный солнечный пейзаж «деревни внутри города» перекликается с «Улицей Сен-Венсен на Монмартре» Станисласа Лепина — картиной, экспонировавшейся на первой импрессионистической выставке в Париже.

Репин и Поленов по возвращении в Россию стали «душой» Абрамцевского кружка. Эту живописную усадьбу предпринимателя-мецената Саввы Мамонтова близ Москвы часто называют «русским Барбизоном». Большой абрамцевский парк, его пруд с кувшинками и деревянными мостиками, речка Воря вдохновили многих русских художников конца XIX и XX столетия на создание пленэрных, а позже и импрессионистических пейзажей. Здесь Валентин Серов, ученик и Репина, и Поленова, написал летом 1887 г. свежий, солнечный, «ренуаровский» портрет дочери Мамонтова Веры («Девочка с персиками»).

В 1880–1890-е годы Поленов, став преподавателем пейзажного класса Московского училища живописи, ваяния и зодчества, оказал большое влияние на формирование Исаака Левитана, Ильи Остроухова, Константина Коровина. Творчество каждого из этих художников — отдельная страница истории развития русской пейзажной живо-

писи. Любимым учеником Поленова был Коровин, которого Поленов — мастер пленэра — познакомил с импрессионизмом. Серия Парижских бульваров Коровина, написанная динамичным мазком, передающим бурлящую городскую жизнь, напоминает одноименные картины Камиля Писсарро и Клода Моне.

В эти же годы в Париже Боголюбов передал свое видение пейзажа «чародею-художнику» Ивану Похитонову и живописцу Морского штаба Николаю Гриценко. Их пленэрные картины, как и картины самого Боголюбова, характеризует этюдная манера, внимание к передаче световоздушной среды и атмосферных явлений и поэтическое настроение.

В начале XX века в русском искусстве пленэрная живопись становится импрессионистической. Молодые художники — Игорь Грабарь, Сергей Виноградов, Михаил Ларионов и др. — знакомятся с шедеврами французских мастеров Моне, Сислея, Ренуара, Писсарро в коллекциях С. Щукина и И. Морозова и создают «натурные» пейзажи, в которых с блеском решаются сложнейшие колористические задачи. «Праздник лазоревго неба, жемчужных берёз, коралловых веток и сапфировых теней на сиреневом снегу», — так писал Игорь Грабарь о февральском пейзаже подмосковного села Дугино, вдохновившем его на шедевр «Февральская лазурь» (1904), созданный в специально вырытой снежной траншее.

Одним из самых талантливых импрессионистов был в начале своего творческого пути будущий лидер русского авангарда Михаил Ларионов. Картины его Тираспольской серии (середина 1900-х) мерцают, переливаются, сверкают сиренево-жемчужно-голубыми красками.

Подчеркнём, что у русского пленэризма и импрессионизма были свои особенности по сравнению с французским. Передвижнические тенденции, примат содержания по отношению к форме сказались и в пейзаже. Недаром живописные образы природы Поленова, Левитана называют

«пейзажем настроения». Пленэрный, а затем и импрессионистический метод письма обновил традиционную русскую реалистическую живопись.

В советский период, начиная с 1932 г. и появления термина «социалистический реализм», слово импрессионизм приобретает негативный оттенок и становится синонимом формализма. Однако, пленэрные традиции в русской живописи не умирают, в частности, благодаря Александру Герасимову, первому президенту советской Академии художеств, а в дореволюционное время — студенту Московского Училища живописи, ваяния и зодчества, ученику Коровина и Серова.

В постсоветское время, в начале XXI столетия пленэризм находит всё больше и больше поклонников среди русских художников, живущих в России и за её пределами. Гостеприимная живописная усадьба на Оке Поленова, где Василий Дмитриевич создал такие шедевры, как «Золотая осень» и «Ранний снег» (первая версия которого, кстати, находится в коллекции Комеди-Франсез), устраивает мастер-классы, в которых принимают участие и французские живописцы.

В Вёле и в Нормандии много лет подряд петербургский художник Стас Бородин организовывал летний пленэр, который стал интернациональным местом встречи, работы, общения художников. В Париже и пригородах, в Нормандии, на берегах Сены и Луары проходят ежегодные мастер-классы пленэра дипломантки петербургской Академии художеств Анны Филимоновой с неизменным участием ее талантливой коллеги Натальи Лейбиной и многих других. Можно сказать, что русский пленэр, родившийся 150 лет назад в Вёле, сегодня стал частью культурного достояния Нормандии и сделал Вэль-ле-Роз знаменитым далеко за пределами Франции.

Елена ЯКУНИНА

Родилась в Якутске, училась в Москве. В начале 1980-х годов уехала с мужем в Пекин. С 1985 года живет в Париже. Работала в эмигрантской газете «Русская мысль». В последние годы ее существования в Париже в 2006–2008 гг. была ее выпускающим редактором. Сотрудничала с московскими изданиями «Арт-хроника», «Искусство», «Независимая газета», «Известия». В 2004 году открыла интернет галерею GAELIA (<https://gallery.rusoch.fr>), в которой выставляла русских художников, живущих во Франции. В 2009 году основала онлайн газету «Русский очевидец» — www.rusoch.fr и стала ее главным редактором.

«ЛЕТОПИСЕЦ НЕСТОР».

О ТВОРЧЕСТВЕ НИКОЛАЯ ДРОННИКОВА

Интересно, остались ли в современной России средние школы, носящие имя Антона Семеновича Макаренко? Русский художник Николай Дронников полвека живет во Франции, на родине супруги Аньес. В 1960-е годы прошлого столетия молодая журналистка Франс Пресс приехала на работу в Москву. Жизнь или судьба свела ее с рус-

ским живописцем. Навсегда. Приехав во Францию, чета поселилась в парижском пригороде Иври-сюр-Сен, где до сих пор стоит стадион имени Владимира Ильича, авто бегут по улице Сталинградской, а внуки Дронникова посещали тот самый колледж, названный в честь пролетарского педагога.

Но это еще не все. На фоне такого городского социализма сразу выделяются синие ворота с громадным двуглавым орлом. За ними стоит дом Дронникова.

«И земля тут, между прочим, русская», — настойчиво повторяет хозяин. «Что значит русская?» — спрашиваю я. «А вот то и значит, что привез с родины землицы и посыпал ею дворик».

— Хороший орел на воротах, откуда он?

— Зубилом из жести вырубал, задолго до перестройки, прошу заметить. В нашем городе жила такая культурная бабуля-француженка, так она всякий раз, проходя мимо ворот, бросала мне: «Chapeau, Monsieur!» («Снимаю шляпу, сударь») — город-то у нас традиционно под коммунистами.

«Летописец Нестор» — так окрестила художника Зинаида Шаховская, легендарный редактор «Русской мысли». Определение меткое. Кого он только не рисовал из эмигрантского окружения и заезжающих в Париж гостей.

Четыре этажа его дома под Парижем увешаны картинами, рисунками, мимолетными набросками, портретами тех, кто вошел в историю: Ростропович, Рихтер, Солженицын, Высоцкий, Синявский, Даниэль, Гинзбург... Он их писал и рисовал не в застывшей позе в специально оборудованном интерьере. Спонтанность, порыв, моментальное движение интересовали художника. Всегда. Портрет Андрея Тарковского был создан во время последнего интервью режиссера.

В доме Николая Егоровича бывали Владимир Максимов, главный редактор журнала «Континент»; писатель Андрей Синявский с супругой Марией Розановой, шахматист Борис Спасский, поэт Александр Галич и правозащитник Алик Гинзбург, всех не перечислить.

Во дворе перед входом в дом под навесом висит холст: «бродскисты» и «айгисты», то есть поэты-последователи двух течений.

Бродского Николай увидел и услышал впервые еще в СССР. Айги был его верным другом всю жизнь. Геннадий Айги — чувашский поэт, сделал очень много для пропаганды чувашской культуры в мире. И первые его произведения были написаны по-чувашски. Во Франции создателю авангардного течения в русской поэзии был пожалован титул Командора Ордена литературы и искусства. Среди «айгистов» и поэт-петербуржец Арсен Мирзаев.

В парижском зале «Плейель» Мстислав Ростропович неоднократно дирижировал концертной версией оперы «Война и мир», а вокальные партии исполняла Г. Вишневецкая. В стремительных зарисовках Дронникова, сделанных с первых рядов, предстает полная картина вечера. Их около 40, при последовательном соединении получился бы фильм. Теперь забавно смотреть, как маэстро жестами «успокаивал» супругу — оперную диву. Дескать, «тише, Галя, спокойнее».

Хранятся у художника и рисунки редких по выразительности концертов Святослава Рихтера. Специально для великого музыканта недалеко от города Тура французы отреставрировали старое зернохранилище, где соорудили деревянную сцену. Акустика там была потрясающая. Рихтер часто выступал с концертами на Луаре. «Он играл такие тихие пассажи, — вспоминает Дронников, — что с ума

можно было сойти. А я рисовал на шершавой бумаге тушью и кистью. И Рихтер услышал (!) скольжение кисти. С тех пор велел свет в зале выключать, потому как зритель должен слушать, а не разглядывать. У него была только ему свойственная постановка рук. Руки этого гения ни с какими другими не спутаешь».

— Вам пора музей открывать, Николай Егорович, у вас же целая усадьба русского зарубежья!

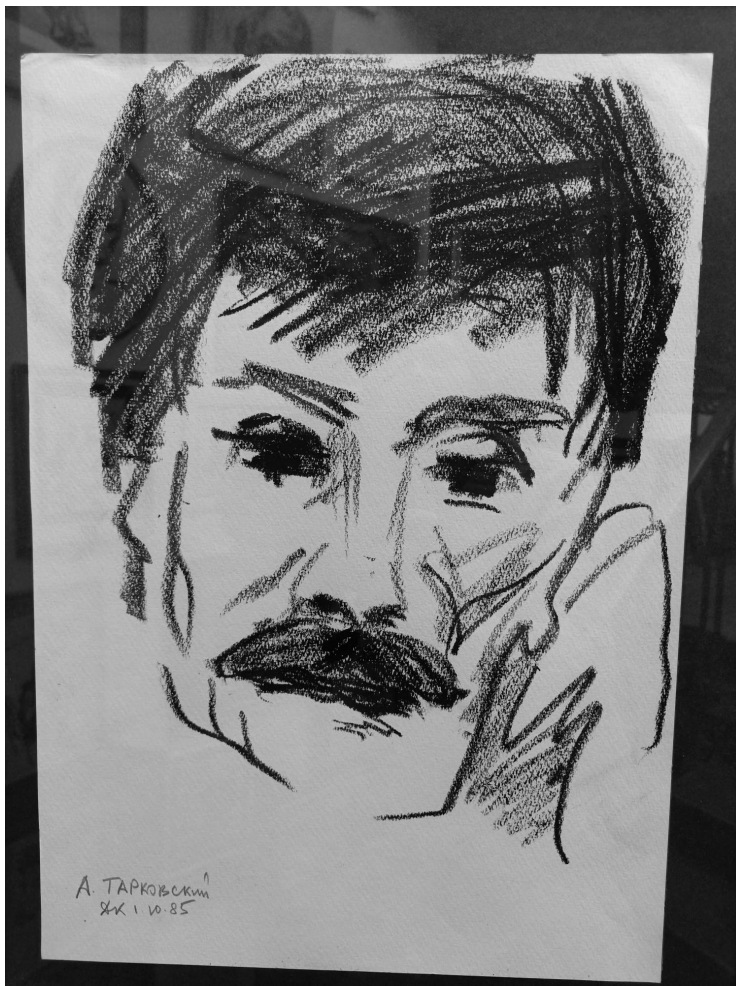
— Да, на лестнице в три этажа портреты развешаны. Ни в одной галерее так не повесишь. Я и в музеи много отдал: Галича, Окуджаву. Портрет Владимира Высоцкого сейчас висит в музее барда в Москве. Целый музей Геннадия Айги в Чебоксары подарил, 60 работ: масло, рисунки. И книги издавал, одного Айги, наверное, около сорока напечатал.

В доме художника расположилась не только мастерская, в отдельной комнатке стоит старый печатный станок, который ему «специально передали представители первой эмиграции спасать русскую культуру». На нем хозяин набирал книги: из неопубликованного в СССР, воспоминания, размышления. Есть среди изданий *«Записная книжка Николая Дронникова»*. Это заметки современника советской эпохи «диссидентства», сами по себе исторические реликвии. Кроме того, книги выпускались минимальными тиражами, а с автографом мастера им ныне нет цены. Правда, мэтр самокритичен: «Вы знаете, сейчас я согласен не со всем, что там написано». В начале двухтысячных годов большая часть типографии переехала в Дом русского зарубежья им. Солженицына в Москве.

— Зарубежья того, что было двадцать лет назад, уже нет, — сокрушается *летописец Нестор*. — Ко мне приходят люди, которые никого не знают, спрашивают, глядя на портреты: «Кто это?»

*Николай Дронников у себя дома.
Фото Анны Дронниковой (2020 г.)*

*Николай Дронников.
Портрет Андрея Тарковского, 1985.
Фото Анны Дронниковой*

*Николай Дронников.
Портрет Александра Солженицына, 1993.
Фото Анны Дронниковой*

*Николай Дронников.
Портрет Владимира Высоцкого, 1975.
Фото Анны Дронниковой*

— У меня рисунков только Солженицына, Синявского, Рабина — на альбом каждого! Фотография — это мертвое, а рисунок — живое. Моя учительница в Доме пионеров говорила: «Ты движение передавай, движение». Да, у меня действительно музей, такого нигде не увидишь».

Начинал он как скульптор. «Представляете, впервые выставился до Второй мировой войны», — смеется Николай. Фигурка десятилетнего парнишки была отобрана на общегородскую выставку Домов пионеров. Она открылась в начале июня 1941 года. Потом была оборона Москвы, столицу защищали все, и подростки тоже. Далее художественное училище «Памяти 1905 года», где скульптор занялся живописью, армия и четыре с половиной года службы в Сибири, после Суриковский институт. Но для ваения у него по-прежнему отведен отдельный кабинет. Там камни Парижа, привезенные на багажнике велосипеда, дерево, барельеф из жести. Профили, лики.

«Я приехал во Францию за красотой, учиться, как Репин. Знакомство с Шагалом сыграло большую роль в моей жизни ...» — вспоминает Николай Егорович.

В 1968 году художник поехал к Марку Шагалу на юг в Сен-Поль де Ванс. В его книге «У Шагала» есть такие строки: «Задаю вопрос, за ответом на который ехал сюда: «Может ли советское подпольное искусство развиваться, и есть ли у него перспективы?» Ответ мэтра XX века: «Я не знаю в истории живописи подпольной живописи. Подпольная литература была. И литература может так — и в подполье, и вне. Но живопись развивается только в условиях свободы».

— Трудно удержаться, чтобы не спросить, в чем секрет долголетия?

— Я пять лет служил в армии в Красноярске. В холодной воде купался каждый день. Закалился. И портреты там научился делать. Всю роту перерисовал. Но я глупость сделал: сжег все, когда переезжал в Париж. Не знал, как проводить. Приехал только с сыном под мышкой.

На вопрос, продолжает ли трудиться, перевалив через почтенный порог девяностолетия, художник отвечает рас-судительно: «Вся моя жизнь прошла на природе. Я — ре-а-лист, пейзажист. Писал этюды. Жаль, что теперь без Мо-сквы, там хорошо было писать, красивые пейзажи были в мое время — старые избы, золотые купола. А тут все се-рое. Конечно, продолжаю работать».

Эдуард МОЖЕНОК

Родился в Белоруссии, вырос на Урале, получил высшее образование в Москве, работал в Ленинграде — Санкт-Петербурге, Эдуард Моженок «по долгу службы» исколесил весь бывший Советский Союз и был в командировке в Ливии. Геодезист, картограф и историк. Член Русского Географического общества и один из организаторов в 1992 году Ассоциации геодезии и картографии (Санкт-Петербург). Составитель плана Комаровского некрополя. Занимается историей Пулковского меридиана (дуги Струве). Инициатор открытия в 2006 г. в Выборгском районе Петербурга улицы В.В. Витковского (1856–1924) — выдающегося российского геодезиста. Вместе с искусствоведом Н.В. Огаревой в 2006 г. установил памятную плиту в честь художника А.П. Боголюбова (1824–1896) на кладбище Александро-Невской лавры.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ПАРИЖСКОМУ МЕРИДИАНУ

«В природе всё мудро предусмотрено и организовано», — справедливо заметил великий Леонардо да Винчи, ещё не подозревая, что в последней четверти XIX века блестящий инженер, «отец зелёных пространств Парижа», Жан-Шарль Альфан (1817–1891) продуманно организует все основные скверы, зелёные променады, парки столицы и её пригородов. Наполеон III, вдохновлённый красотой английских парков с аккуратно подстриженными газонами, провёл настоящую «зелёную революцию» в Париже.

Так к 1875 году на 15 гектарах бывших карьеров возник в английском стиле парк Монсури. Это название означает «холм мышей» и напоминает о тех временах, когда мельницы речки Бьевр, протекавшей здесь, а позже канализированной в подземные трубы, были брошены на съедение мышам. Парк Монсури быстро завоевал популярность всех слоёв парижан, как место романтических и познавательных прогулок, где можно было отдохнуть в тени каштанов, платанов, кедров, тиса, бука, затеряться в самшитовых зарослях, понаблюдать за утками, гусями, цаплями, лебедями в пруду, полюбоваться скульптурами и фонтанами.

В парке расположена знаменитая Метеорологическая обсерватория Монсури (1947 г.) с метеостанцией.

Метеорологическая обсерватория Монсури

В юго-западной части парка находится здание Ассоциации французских астрономов и редакции журнала «Небо и космос». Неподалёку, чуть южнее — стела-мира (mire). Это одна из двух стел-мир, определяющих Парижский меридиан ($2^{\circ}20'14''$, 25 к востоку от Гринвича). В парке Монсури стоит южная стела, а северная — в частном парке Мулен-де-ла-Галетт на Монмартре. Парижский ме-

ридиан является частью Французского меридиана, проходящего по территории Франции от Дюнкерка на севере до Перпиньяна на юге.

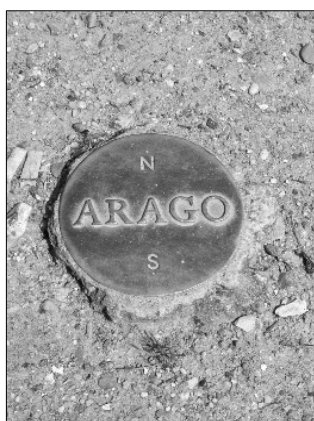
История определения меридиана, начало которой восходит к 1669 году, связана с постройкой Парижской Обсерватории. Тогда было решено, что меридиан пересечёт Францию с севера на юг и пройдёт через центр Обсерватории. Астроном-аббат Жан Пикар (1620–1682) создал инструменты и разработал методы наблюдений. В книге «Измерение Земли» (1671) он изложил теорию и практику измерений. Жан-Доминик Кассини (1625–1712), первый директор Парижской Обсерватории (с 1669 г.), его сын Жак Кассини (1677–1756) и Филипп де ла Ир (1640–1718) продолжили измерения. По просьбе Конвента, в связи с переходом к метрической системе мер, Деламбром с 1792 по 1798 годы были проведены новые измерения и в 1799 году принят «эталон метра», как одна десятиллионная доля четверти земного (Парижского) меридиана, изготовленного Этьеном Ленуаром, бывшим королевским ювелиром. Одновременно им же был создан и эталон килограмма. 22 июня 1799 года оба эталона представили членам обеих палат французского Законодательного корпуса и после одобрения образцы отправили на хранение в Архив Республики. Декретом от 10 декабря 1799 г. юридически впервые была введена метрическая система мер. Архивный метр более 80-ти лет являлся единственным в мире эталоном метра. В начале 1870-х годов по решению Парижской международной метрологической конференции был введен новый эталон, изготовленный из сплава платины (90%) и иридия (10%). Генеральная конференция 1889 г. по мерам и весам постановила считать международным эталоном метра расстояние, измеренное между штрихами линейки при температуре тающего льда. Эту линейку передали для хранения в Международное бюро мер и весов в Севре, где она хранится до сих пор.

С 1805 года Франсуа Араго (1786–1853) был назначен руководить работами по продолжению измерений меридиана. Участок дуги, доставшийся молодому Араго, проходил через Испанию, восставшую против Наполеона. И здесь Араго ожидали приключения, достойные романа. Арестованный, заключённый в крепости, он даже читал сообщение о собственном расстреле. Но задание своё Франсуа Араго выполнил с честью. Французский историк Поль Таннери спустя много лет писал, что «благодаря Араго длина дуги седьмой части Земного меридиана была определена с такой точностью, которой до сих пор достигнуть не удавалось». В 1809 году, после доклада о результатах измерений, Араго был избран членом Парижской Академии наук и в дальнейшем проявил себя в различных областях знаний. С 1830 года он был секретарём Академии и директором Обсерватории. Проведённые измерения представляли собой первостепенную важность, так как устанавливали систему координат, которая позволяла точно определять местоположение любой точки на земле на основе её долготы.

Южная мира (или стела) сначала была установлена в сквере Обсерватории, затем в 1806 году перенесена на территорию будущего парка Монсури. Эта стела высотой четыре метра находится под охраной государства, на ней надпись на французском языке, которая в переводе звучит так: «Во время правления Наполеона I (*имя Наполеона стёрто*) мира Обсерватории — MDCCCVI (1806)».

Недалеко от парка на маленькой площади *place de l'Île-de-Sein*, по которой Парижский меридиан пересекает бульвар Араго, с 1893 по 1942 годы находился бронзовый памятник Франсуа Араго. В 1942 году он, как и многие другие памятники, был переплавлен немцами, оккупировавшими Париж. От него остался цоколь (заметим, что в Париже до сих пор встречаются в скверах и на площадях

подобные постаменты от статуй). Однако, чтобы почтить память Франсуа Араго, был задуман проект воображаемого памятника, проходящего по воображаемой линии Парижского меридиана. Реализовал эту идею нидерландский скульптор Ян Диббетс. «Памятник» представляет собой 135 бронзовых медальонов диаметром 12 см с именем Араго и указателями N и S (север и юг), уложенных в мостовые и маркирующих собой линию Парижского меридиана между Северной и Южной окружными дорогами. Некоторые из этих медальонов расположены в таких известных местах столицы, как площадь Пигаль, сад Пале-Рояль, Лувр, Люксембургский сад и т.д. Медальоны появились в Париже в 1984 году, к двухсотлетию со дня рождения учёного.

Медальон Араго

Стела «Зелёного меридиана»

В 2000 году французский архитектор Поль Шеметов совместно с Ассоциацией любителей пеших прогулок разработал концепцию «Зелёного меридиана», в которую вошла и линия, созданная медальонами Араго. Об этом гласит памятная стела с надписью, установленная рядом

с одним из медальонов в парке Монсури неподалёку от метеорологической станции.

После выхода из парка медальоны встречаются на проспекте Рене Коти, на улице Фобур-Сен-Жак, проходящей от метро Сен-Жак до бульвара Араго, на площади Иль де Сэн, где стоит цоколь памятника Араго. Далее линия меридиана проходит через сад Обсерватории и в самом здании Обсерватории.

Линия меридиана в саду

История Парижской Обсерватории интересна и примечательна. Об этом рассказывает памятная доска у главного входа в обсерваторию, установленная перед её оградой. Эта самая старая из действующих обсерваторий мира. Она была создана по приказу Кольбера, интенданта финансов при Людовике XIV, и открыта 21 июня 1667 года в день летнего солнцестояния. Обсерватория расположена на линии Парижского меридиана.

Линия из меди, проходящая по залам второго этажа Обсерватории, отмечает меридиан. Проект здания Обсерватории был осуществлён архитектором Клодом Перро, братом знаменитого сказочника Шарля Перро, построившим также Колоннаду Лувра. Здесь работали многие па-

рижские и иностранные астрономы: династия Кассини, датчанин Рёмер, который провел первое удачное измерение скорости света, наблюдая за спутниками Юпитера, «отец метра» Деламбр, Араго, Фуко, открыватель планеты Нептун Лё Веррье, памятник которому стоит в сквере Обсерватории.

Следующий медальон находится на улице Кассини, к северу от Обсерватории, далее — на авеню Обсерватории на пересечении с бульваром Пор-Рояль, затем в саду Марко Поло и, наконец, в Люксембургском саду. Далее линия меридиана-памятника уходит к церкви Сен-Сюльпис и на правый берег Сены к северу.

Путешествуя по воображаемой линии Парижского меридиана, материализованной памятными медальонами, вы откроете для себя много полезного и очаровательного. Приятной прогулки!

Внешний вид здания Парижской Обсерватории

Юлия УТОЧКИНА

Кандидат исторических наук, юрист, один из основателей и президент ассоциации любителей русскоязычной детской литературы «Буковки», редактор электронного литературного альманаха для детей и родителей «Сверчок», издатель. Более двадцати пяти лет живёт и работает во Франции.

ДЕТСКАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ДИАСПОРЫ: СВЯЗЬ ВРЕМЁН

Широко известно, что художественная и литературная жизнь русскоязычной диаспоры в 20-е и 30-е годы XX века была крайне богатой и разнообразной. Культурная жизнь Франции и многих других стран, ставших новой родиной для сотен тысяч русскоязычных иммигрантов, обогатилась благодаря этой волне талантов.

Книжное дело не стало исключением. Многие крупные художники внесли свой вклад в развитие издательского дела, книжной иллюстрации в Европе и за её пределами. Стоит упомянуть всем известные имена Ксении Богуславской-Пуни, Фёдора Бенсона, Давида Бурлюка, Елены Гертик, Натальи Гончаровой, Александры Гриневской, Бориса Гроссера, Мстислава Добужинского, Надежды Жи-

ваго, Сергея Иванова, Елизаветы Ивановской, Валерия Каррика, Константина Кузнецова, Михаила Ларионова и многих других¹.

Некоторые из представителей этой волны русской эмиграции стали значительными фигурами детской иллюстрации во Франции. Это Натали Перран², Елена Гертик, Елизавета Ивановская³ и другие. На иллюстрированных ими книгах выросло не одно поколение маленьких французов.

Сегодня эта традиция находит свое продолжение. Открываются русскоязычные издательства, издаются детские журналы.

Одним из таких журналов стал электронный литературный альманах для детей и родителей «Сверчок»⁴.

Создание альманаха стало актом чистого альтруизма. Пять лет тому назад группа инициаторов из числа участников ассоциации любителей русскоязычной детской литературы «Буковки» задалась целью создать широкодоступное литературное издание для детей. Так появился «Сверчок» — бесплатный электронный альманах для всей семьи.

С тех пор вокруг альманаха сформировалась высокопрофессиональная редколлегия, широкий круг авторов, особая иллюстраторская среда. И все это началось с волонтерства.

Не останавливаясь на подробном описании литературной составляющей альманаха, хотела бы рассказать о его художественной концепции.

¹ Подробнее: <https://artrz.ru/menu/1804657331/index.html>

² M. Cochet, M. Defourmy, C.-A. Parmegiani. Nathalie Parain. MeMo, 2019.

³ F. Léveque, S. Plantureux. Dictionnaire des illustrateurs de livres d'enfants russes. Paris bibliothèques. 1997. М ; Defourmy. Par Castor et les artistes russes. Amis Percastor. 2018.

⁴ Скачать бесплатные номера или подписаться: <http://boukovki.org/publikacii/almanah-sverchok/>

В первую очередь, и это очень важно, подчеркну активное партнерство «Сверчка» с русскими школами и изостудиями. Многие номера альманаха проиллюстрированы детьми — нашими юными читателями. Этот опыт позволил сформироваться прямой связи между детьми и литературными произведениями, будь то творения классиков или современных поэтов и прозаиков. Назову такие школы, как версальская «Антошка» и парижская «Сюрприз».

Почти с первого же номера у альманаха зародились особые партнерские отношения с преподавательницей рисунка Аллой Норсеевой из Женевы. Мария Болясова из Страсбурга подарила «Сверчку» свои иллюстрации и работы своих учеников из школы «Арт-Радуга».

Дух благотворительности этим не ограничивается. Не только дети, но и профессиональные художники-иллюстраторы предоставляют в распоряжение альманаха свои творения.

Среди них надо назвать живописца и графика Ирину Ракову, иллюстраторов Александру Ивойлову и Елену Боголову, графика и карикатуриста Сергея Белозерова, педагога и иллюстратора Александру Рубинштейн, недавно вошедшую в состав редколлегии «Сверчка», акварелистов Наталью Дубовик и Татьяну Щербину, художниц Полину дё Мони и Натали Хо.

Соседство литературных и художественных образов, несущие в себе свежесть восприятия и непосредственность, — именно так можно охарактеризовать изобразительную концепцию альманаха.

«Сверчок», став одним из основных проектов ассоциации любителей русскоязычной детской литературы «Буковки», создал важную духовную связь между писательским и художественным русскоязычными сообществами.

Печатным продолжением альманаха стал сборник лучших текстов для детей от 4 до 8 лет, опубликованных в период с февраля 2019 по октябрь 2022. Сборник «Посиделки у Сверчка» позволил создать новые иллюстрации и использовать уже опубликованные. Замечательным фактом стало то, что в сборник были включены две детские иллюстрации, уже публиковавшиеся в электронном формате.

Другой проект «Буковок», также ведущий нас по стопам лучших художественных традиций русскоязычной диаспоры, — двуязычный сборник переводов первого сезона русско-французского конкурса перевода имени Михаила Яснова, состоявшегося в 2021 году.

Конкурсантам были предложены к переводу русские и французские детские народные стишки и потешки. Лучшие работы были проиллюстрированы в двух стилях: лубок — для раздела переводов с русского на французский; стиль росписи французского фаянса — для переводов с французского на русский. Этот художественный опыт был великолепно реализован Аллой Норсеевой и Эмилией Менендес. Красочная яркая книга стала не только своего рода символом конкурса, но и достойно продолжила русскую и французскую художественную традицию детской иллюстрации.

В июне 2024 года в выставочном зале книжного магазина Les éditeurs réunis состоялась коллективная выставка художников, чьи творения украшают страницы альманаха «Сверчок», сборников «Посиделки у Сверчка» и «Сорока-ворона, мадам Тарталетка и весёлая компания»¹. Впереди нас ждут новые сборники, новые номера альманаха, новые иллюстрации.

¹ Посиделки у Сверчка. Association des amateurs de la littérature russophone pour enfants Boukovki, 2023; Сорока-ворона, мадам Тарталетка и весёлая компания. Association des amateurs de la littérature russophone pour enfants Boukovki, 2022.

Александра Ивойлова¹

Иллюстрация автора

ПОРТРЕТ ОБЛАКА

Толя нарисовал облако. Очень старался, чтобы было похоже.

А облако прилетело и говорит: «Не похоже. У меня вот тут теперь толсто, а там, наоборот, тонко».

Толя переделал картинку, и опять облако придиралось, что формы не те, а освещение совсем с другой стороны.

«Надоели мне эти абстракционисты, ничего не понимают в объёмах», — облако надулось, потемнело и закапало.

«Само ты... Кучевое», — обиделся Толя и нарисовал лягушку.

¹ Сверчок, март 2023 г., с. 36.

Иллюстрация Аллы Норсеевой

Сорока-ворона¹

Сорока-ворона
Кашку варила,
Деток кормила.
(Загибаются пальчики)
Этому дала,
Этому дала,
Этому дала,
Этому дала,
А этому не дала.
Ты в лес не ходил,
Дров не рубил,
Воду не носил,
Печь не топил, —
Нет тебе каши!

Un corbeau-pie

Une fois, un corbeau-pie
Avait fait une bouillie,
En a donné à ses petits.
(On déplie les doigts)
A servi le premier,
A servi le deuxième,
A servi le troisième,
A servi le quatrième,
Mais non pas le cinquième
Qui n'est pas allé aux ruches,
Qui n'a pas coupé de bûches,
Qui n'a pas cherché de l'eau,
Ne s'est pas mis aux fourneaux.
Pour lui, pas de bouillie!
Traduction de Valentina Chepiga

¹ Сорока-ворона, мадам Тарталетка и весёлая компания. Р. 7.

Иллюстрация Эмили Менендес

Sur la place du marché¹

Sur la place du marché
Un baptême est affiché
Qui est la marraine ?
C'est une hirondelle
Qui est le parrain ?
C'est le gros lapin.
Qui est la nourrice ?
C'est une écrevisse.
Et c'est qui l'enfant ?
C'est un éléphant.

Крестины

Как на площади старинной
Нынче празднуют крестины.
Кто же мама крёстная?
Галка чернохвостая!
Кто же папа крёстный?
Белый кролик толстый!
Нянею — красавица
Ка-ра-
Ка-ти-
Ца!

Ну, а кто, зажмурив глазки,
Без забот сопит в коляске,
Погрузившись в сладкий сон?
Поглядите — это СЛОН!

*Перевод Рустама Карапетьяна
и Михаила Бронштейна*

¹ Сорока-ворона, мадам Тарталетка и весёлая компания. Р. 39.

О МУЗЫКЕ И О БАЛЕТЕ

Денис фон МЕКК

Семейный историк, меценат, коллекционер, издатель, основатель Международного благотворительного фонда имени Надежды фон Мекк, Денис фон Мекк — потомок в третьем поколении семьи Петра Ильича Чайковского и баронессы Надежды фон Мекк. Многие годы он занимается исследовательской работой об этих знаменитых семьях и проводит о них конференции в разных странах мира.

ПЕРЕПЛЕТЕНИЕ ТВОРЧЕСКИХ И ЛИЧНЫХ СУДЕБ ПЕТРА ИЛЬИЧА ЧАЙКОВСКОГО (1840–1893) И СЕРГЕЯ ВАСИЛЬЕВИЧА РАХМАНИНОВА (1873–1943)

«У него есть настоящая композиторская жилка»¹.

Изучение творческих и личных судеб двух величайших представителей музыкальной культуры выявляет широкое множество аспектов. При разнице в возрасте почти в два поколения, в их жизнях просматриваются параллели. Детство, образование, композиторская и дирижерская деятельность, человеческие черты, творческие успехи и нереализованные планы.

¹ П. И. Чайковский о девятнадцатилетнем С. В. Рахманинове в письме А. И. Зилоти 23 октября 1892 года.

Еще в детстве родители обоих великих гениев отметили их одаренность и пытались по мере возможности развить их таланты сначала стараниями матерей, потом с привлечением педагогов. В детские годы Пети Чайковского не было еще светских музыкальных учебных заведений, и ему нанимали частных учителей: в 1845–1848 годах Марью Марковну Пальчикову в Воткине, в 1848 году пианиста Филиппова в пансионе Шлемминга в Санкт-Петербурге. Со своей стороны, Сергей Рахманинов занимался с учительницей Анной Дмитриевной Орнатской, с помощью которой в девять лет поступил на младшее отделение Санкт-Петербургской консерватории. Позже Чайковский отдан в престижное Императорское училище правоведения, в котором музыке уделялось немало внимания, а в музыкальные классы и в только открывшуюся первую в стране консерваторию он пришёл уже после двадцати лет. Что касается Рахманинова, то он окончил Московскую консерваторию в 19-летнем возрасте, в которую был переведен из Санкт-Петербургской. Рахманинова можно называть музыкальным внуком Чайковского, так как он брал уроки у учеников Петра Ильича: С. И. Танеева, А. И. Зилоти¹ и, конечно же, у Николая Сергеевича Зверева. Николай Сергеевич Зверев — настоящий пример мецената, который помогал многим материально и воспитал целую плеяду будущих знаменитостей, в том числе А. Н. Скрябина, А. И. Зилоти, К. Н. Игумнова, А. Н. Корещенко.

Именно в пансионе Зверева в 1885 году двенадцатилетний Сережа был представлен впервые именитому уже сорокапятилетнему Чайковскому.

В феврале следующего года С. И. Танеев устраивает в Московской консерватории встречу А. Г. Рубинштейна с консерваторцами. На встрече был и Чайковский, и после

¹ Александр Ильич Зилоти (1863–1945) Пианист, дирижер, музыкальный деятель, педагог, двоюродный брат С. В. Рахманинова.

концерта все трое отправляются обедать к Н. С. Звереву. В марте Зверев с учениками присутствует на премьере симфонии Чайковского *Манфред* в одиннадцатом собрании Русского музыкального общества (РМО). В январе 1887 года он ведет своих учеников на премьеру *Черевичек* Чайковского, где Петр Ильич начинает свой яркий путь дирижера. В декабре 1888 года Зверев и ученики находятся на концерте РМО из произведений Чайковского и под его управлением. Также «зверята» посещают Третье симфоническое собрание РМО с солистом А. И. Зилоти в Первом фортепианном концерте Чайковского, которым дирижировал сам автор. [2, с. 29–31]

Чайковский встречал Рахманинова во время его учебы в пансионе Зверева и симпатизировал ему. Весной 1888-го при переходе на старшее отделение консерватории, Сергей сыграл несколько пьес для фортепиано (скорее всего, это были *Романс*, *Прелюдия*, *Мелодия* и *Гавот*). Почётный член комиссии, Петр Ильич присутствовал на экзаменах. Пьесы так ему понравились, что к выставленному экзаменаторами высшему баллу «пять с плюсом» он прибавил еще три плюса, окружив, таким образом, пятерку со всех сторон плюсами¹.

Оба героя настоящей статьи — медалисты. Петр Ильич получил серебряную медаль², а Сергей Васильевич —

¹ Эта красивая легенда (*прим. авт.*), упоминается во всех биографических материалах о Рахманинове, но пока не имеет строгого научного подтверждения документами по словам ведущего специалиста, музыковеда, доктора искусствоведения, профессора Российской академии музыки имени Гнесиных, автора книги «С. В. Рахманинов: летопись жизни и творчества», Вальковой Веры Борисовны.

² Интересен факт получения диплома об окончании Санкт-Петербургской консерватории П. И. Чайковским лишь после четырех с лишним лет после выпуска из нее «свободным художником» с медалью.

большую золотую медаль¹. В настоящее время память о композиторах живет в десятках медалей и монет, выпущенных в XIX–XXI веках во многих странах мира².

Получить золотую медаль было непросто. 24 мая 1891 года Рахманинов блестяще сдал выпускной экзамен как пианист. Он также учился в классе фуги, который окончил единственным и перешёл в класс свободного сочинения. Композитор вспоминал: «Небезынтересно, что Александр Скрябин не выдержал переходного экзамена из класса фуги в класс свободного сочинения. Однако ему разрешили учиться в классе свободного сочинения при условии, что к осеннему экзамену он представит шесть безошибочно решённых фуг, которые ему нужно было написать за летние каникулы. Этот инцидент показывает те исключительно строгие требования, которые предъявлялись к студентам Петербургской и Московской консерваторий. Можно было не сомневаться, что обладатель диплома “Свободный художник”, выпущенный из любого из этих учебных заведений, был настоящим музыкантом и знал своё дело» [6, с. 50].

Испытывая материальную необходимость, Рахманинов преподавал в московском Мариинском, а затем в Елизаветинском и Екатерининском женских институтах. Со своей стороны, после окончания Санкт-Петербургской консерватории, Чайковский приехал в Москву по приглашению Н. Г. Рубинштейна. Сначала он занимался препода-

¹ Большая медаль выдавалась за успешное окончание консерватории по двум курсам — Сергей Васильевич обучался по композиции и фортепиано. Фамилия Рахманинова значится на мраморных досках в холле второго корпуса Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского по соседству с другими учениками Н.С. Зверева (Скрябин, Игумнов, Кенеман, Зилоти).

² Автор статьи имеет крупнейшую в мире коллекцию «Чайковский в медальерном искусстве», состоящую из более чем 150 предметов из золота, серебра, меди, бронзы, томпака и т.п. из 20 стран мира.

ванием на музыкальных курсах Московского отделения Русского музыкального общества, на базе которых через несколько месяцев открылась Московская консерватория. Композитор стал одним из первых её профессоров. Работая в консерватории, он написал *Краткий учебник гармонии*, а позже *Краткий учебник гармонии, приспособленный к чтению духовно-музыкальных сочинений в России*.

И Чайковский, и Рахманинов получили духовно-религиозное воспитание в семьях, что отразилось на их духовном творчестве. Оба внесли лепту в мировую копилку христианских музыкальных произведений. Чайковский создал *Литургию святого Иоанна Златоуста* (1878) и *Всенощное бдение* (1882); в 1915 году Рахманинов — своё *Всенощное бдение*. Петр Ильич глубоко изучал культурное и религиозное наследие и писал своему лучшему другу и покровителю Надежде Филаретовне фон Мекк¹ из Каменки² 17 мая 1881 года: «Хочется сохранить во всей неприкосновенности древние церковные напевы»³.

Литургия и *Всенощная* — произведения, написанные Чайковским в нелегкие годы жизни, когда после утраты своего наставника и товарища Николая Григорьевича Рубинштейна, он глубоко страдал от этой потери. Тогда же Петр Ильич создаёт своё гениальное фортепианное трио *Памяти великого художника*, оп. 50.

¹ Н. Ф. фон Мекк (урожденная Фраловская, 1831–1894) — меценат, помогавшая многим музыкальным деятелям, в том числе Чайковскому, который дружил с ней почти 15 лет и посвятил ей несколько музыкальных произведений, так на партитуре Четвертой симфонии, учитывая скромность Надежды Филаретовны, в посвящение он начертил «Моему лучшему другу» Подробнее www.von-meck.info/1

² Каменка (в настоящее время Украина) — усадьба декабристов Давыдовых, где жила сестра композитора Александра Ильинична, чьих детей он воспринимал как своих и у которой Чайковский гостил 28 лет.

³ Подробнее о духовной жизни и произведениях в книге Галины Степановны Сизко «Духовный путь Чаковского», Москва, 2019–2021, Фонд фон Мекк. Доступно на www.von-meck.org/#books

Рахманинов позже также тяжело переживает смерть Чайковского и увековечивает память о нем своим *Элегическим трио d-moll*, op. 9.

Чайковский высоко ценил творчество молодого Рахманинова. В письме к Зилоти он пишет: «Слышал... Сережину оперу. Она прелестна и в высшей степени симпатична» [1, с. 90].

Позднее С. В. Рахманинов рассказывал: «Я думаю, что успех зависел не столько от достоинств оперы, сколько от отношения к ней Чайковского, которому она очень нравилась. Между прочим, во время одной из репетиций Чайковский сказал мне: “Я только что закончил двухактную оперу *Иоланта*, которая недостаточно длинна, чтобы занять целый вечер. Вы не будете возражать, если она будет исполняться с Вашей оперой?” Он буквально так и сказал: “Вы не будете возражать”. Ему было 53 года, он был знаменитый композитор, а я — новичок двадцати лет!»

Чайковский, конечно, присутствовал на премьере *Алеко*, и, по его настоянию, приехал из Петербурга директор театров И. А. Всеволожский. По окончании оперы Чайковский, высунувшись из ложи, аплодировал изо всех сил: по своей доброте, он понимал, как это должно было помочь начинающему композитору»¹.

Издатель А. Б. Гутхейль обратился к Н. С. Звереву с предложением купить оперу, а тот отправил его к автору. С. В. Рахманинов же обратился за советом к Петру Ильичу. Чайковский посоветовал взять за оперу столько, сколько предложит сам А. Б. Гутхейль, и, улыбаясь, добавил: «В какие счастливые времена вы живете, Сережа, не так, как мы. Мы искали издателей и отдавали им даром свои сочинения»².

¹ Первые сочинения Сергея Рахманинова. Бобыкина Ирина. Музыкальная жизнь. №6, 1973

² Вишнякова Ирина Сергеевна, преподаватель ТГМПИ им. С. В. Рахманинова на конференции в ТОГБУК «Тамбовская областная универсальная научная библиотека им. А. С. Пушкина».

Не менее почетным было и обещание дирижёра Большого театра Альтани поставить оперу на сцене. Но, пожалуй, самой большой наградой для Рахманинова было примирение со Зверевым, так как в конце учебы у него был с ним конфликт. Оскар фон Риземан писал об экзамене так: «Обстановка была исключительно приятной, но главная радость поджидала Рахманинова впереди. После рукопожатий и всяческих поздравлений присутствующих, к Сергею подошёл Зверев и отвёл к окну, где, остановившись у подоконника, обнял и расцеловал со словами, что очень счастлив и ждёт от него большого будущего. Потом он вынул из жилетного кармана свои золотые часы и подарил их Рахманинову. С тех пор композитор никогда не расставался с ними и носит их по сей день» [6, с. 58].

Скромность, добросердечность и готовность помочь — качества, присущие как Чайковскому, так и Рахманинову. Всю жизнь помогают они друзьям, родственникам, стране.

Чайковский пишет фон Мекк: «...Я артист, который может и должен принести честь своей Родине... Я еще не встречал человека, более меня влюбленного в матушку-Русь»¹. Это не значит, что Чайковский любил только русскую музыку, он также писал: «музыка есть сокровищница, в которую всякая национальность вносит что-нибудь своё на пользу общую». [5, с. 239]

Рахманинов много позже вторит: «Я — русский композитор, и моя родина наложила отпечаток на мой характер и мои взгляды. Моя музыка — это плод моего характера, и потому это русская музыка...». Сергей Васильевич, уже живя в эмиграции, не единожды и в 1920-е, и в 1940-е годы помогал своим бывшим соотечественникам в далекой России крупными пожертвованиями от концертов.

¹ Письмо П. И. Чайковского к Н. Ф. фон Мекк от 12 ноября 1877 года из Венеции.

О влиянии народной музыки на композиторов, Рахманинов писал: «Чайковский, которого, как мне кажется, некоторые американские критики склонны считать последователем скорее немецких и общеевропейских традиций и образцов, чем русских, — свободно и широко пользовался русскими темами и был близок к национальной музыке. Глинка считается первым из русских композиторов, использовавшим в своём творчестве русские темы. Чайковский сравнивает его с жёлудем, из которого выросла русская музыка... Наиболее известны и часто используются в музыке народные песни центральной России и Поволжья. У меня создалось убеждение, что в тех странах, которые особенно богаты народными песнями, естественно развивается великая музыка»¹.

Чайковский в письме фон Мекк размышляет: «Относительно русского элемента в моих сочинениях скажу Вам, что мне нередко случалось прямо приступить к сочинению, имея в виду разработку той или другой понравившейся мне народной песни. Иногда (как, например, в финале нашей² симфонии) это делалось само собой, совершенно неожиданно. Что касается вообще русского элемента в моей музыке, т.е. родственных с народной песнью приёмов в мелодии и гармонии, то это происходит вследствие того, что я вырос в глуши, с детства, самого раннего, проникся неизъяснимой красотой характеристических черт русской народной музыки, что я до страсти люблю русский элемент во всех его проявлениях, что, одним словом, я русский в полнейшем смысле этого слова». [7, с. 155]

Своей скромностью великие композиторы являются примером для молодых музыкантов.

¹ senar.ru/articles/traditional/

² Нашей симфонией Чайковский называл 4-ю, которую позже посвятил Н. Ф. фон Мекк, в данном случае упоминается цитата народной песни «Во поле березка стояла» в последней части симфонии.

Рахманинов писал: «Чайковский был в то время уже знаменит, признан во всём мире и почитаем всеми, но слава не испортила его. Из всех людей и артистов, с которыми мне довелось встречаться, Чайковский был самым обаятельным. Его душевная тонкость неповторима. Он отличался необычайной деликатностью ума. Он был скромн, как скромны истинно великие люди, прост, как мало кто бывает. Я встречал одного человека, который на него походил, и это был Чехов¹».

В свою очередь Чехов поверял Модесту Чайковскому: «Я готов день и ночь стоять почетным караулом у крыльца того дома, где живет Чайковский, вот до какой степени я его уважаю. Если говорить о рангах, то в русском искусстве он занимает второе место после Льва Толстого, который давно уже сидит на первом, третье я отдаю Репину, а себе беру девяносто восьмое»².

Молодой Рахманинов играл музыку Чайковского для Чехова на Белой даче в Ялте в 1898 году. В сентябре 1898 года он аккомпанировал Федору Шаляпину во время концерта в Ялте. Тогда Чехов сказал пророческие слова: «Я всё смотрел на вас, молодой человек, у вас замечательное лицо — вы будете большим человеком», Пройдут годы, и уже всемирно известный Рахманинов скажет: «Умирать буду — вспомню об этом с гордой радостью». [3, с.3]

Чайковский как дирижер посетил многие страны Европы и был также в Америке. Его пригласили на открытие самого крупного в стране музыкального зала, позже названного в честь мецената Карнеги, где он дирижировал.

¹ Антон Павлович Чехов (1860–1904) — классик мировой литературы. Почётный академик Императорской академии наук по разряду изящной словесности (1900–1902). Один из самых известных драматургов мира. Его произведения переведены более чем на сто языков. Его пьесы, в особенности «Чайка», «Три сестры» и «Вишнёвый сад» на протяжении более ста лет ставятся во многих театрах мира.

² Цитата по Балабанович Е. Чехов и Чайковский. — М.: Московский рабочий, 1978. 184 с.

Первый концерт в Нью-Йорке состоялся 23 апреля (по старому стилю) 1891 года, в день открытия Карнеги-холла, поразившего Чайковского своей грандиозностью. Появление его за дирижерским пультом сопровождалось фанфарами оркестра и овацией всего зала. Был дан *Торжественный коронационный марш для оркестра*, ор. 50. Дирижируя, Чайковский, как всегда, очень тревожился, но все прошло замечательно: восторг публики, вызовы на поклоны четыре раза.

«Страшно волнуюсь в утро этого дня... Удивительная вещь этот своеобразный страх. Уж сколько раз этой самой сюитой я дирижировал! Идет она прекрасно, чего бояться? А между тем невыносимо страдаю! Страдания мои шли все crescendo. Никогда я, кажется, так не боялся. Не оттого ли это, что здесь обращают внимание на мою внешность и что моя застенчивость тут даст себя знать? Как бы то ни было, но переживши несколько тяжелых часов, особенно последний... я наконец вышел, был опять превосходно принят и произвел, как говорится в сегодняшних газетах, сенсацию». [4, с. 252]

Американские газеты писали: «Чайковский — высокий, седой, хорошо сложенный мужчина лет шестидесяти¹. Он кажется немного смущенным и отвечает на аплодисменты отрывистыми резкими поклонами. Но как только он сжимает палочку, к нему возвращается уверенность. В нем не чувствуется и следа нервозности, когда он постукивает, требуя тишины. Чайковский дирижирует с внушительной силой мастерства, и оркестр повинуется ему как один человек».

Чайковский записывает в дневнике: «Г. Ромейко присылает мне ежедневно ворохи газетных вырезок обо мне. Все они без исключения хвалебны в высшей степени.

¹ Чайковскому было 50 лет.

3-ю сюиту превозносят до небес, но едва ли не еще больше мое дирижированье. Неужели я в самом деле так хорошо дирижирую? Или Американцы пересаливают?!!!» [4, с. 254]

Рахманинов так же, как и Чайковский, становится блестящим дирижером: «Скоро я почувствовал результат доброты Чайковского. Моё имя становилось известным, и через несколько лет я стал дирижёром оркестра Императорской оперы»¹.

После исполнения Рахманиновым-дирижером Четвертой симфонии Чайковского современники говорили: «до Рахманинова мы по-настоящему не знали этой симфонии», «Рахманинов-дирижер — явление несравненно более значительное, чем Рахманинов-композитор. Тут он и оригинален, и мощен, и имеет ту абсолютную уверенность, которая составляет признак таланта первого ранга».

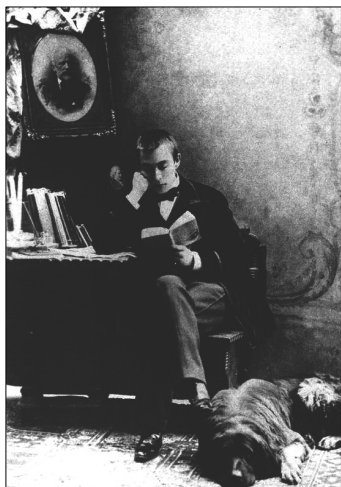
В интервью после поездки в Америку, Рахманинов сообщает журналисту: «Что меня в Америке приятно поразило и глубоко тронуло, это популярность Чайковского. Вокруг имени нашего композитора создан прямо-таки культ. Не проходит ни одного концерта, в программе которого не стояло бы имя Чайковского. И что удивительнее всего, янки, пожалуй, лучше нас русских чувствуют и понимают Чайковского. Положительно каждая нота Чайковского им что-нибудь говорит. Василий Ильич Сафонов всю свою популярность приобрёл в Америке только потому, что он, как русский, лучше других исполнял Чайковского»².

Из одноименного: *Франческа да Римини*. У Чайковского это — фантазия, симфоническая поэма, ор. 32, основанная на сюжете из *Божественной комедии* Данте (*Ад*, песнь 5-я) о трагической любви юной Франчески к Паоло, младшему брату её мужа и постигшем их возмездии. Фантазия

¹ senar.ru/articles/difficulties

² senar.ru/articles/America/

была сочинена в 1876 году и посвящена С. И. Танееву. У Рахманинова ор. 25 — одноактная опера в двух картинах с прологом и эпилогом, написанная в 1904–1905 годах по тому же драматическому эпизоду великого Данте. Либретто Модеста Чайковского.

Оба — и П. И. Чайковский и С. В. Рахманинов — 8 октября 1893 года попрощались с Н. С. Зверевым — другом первого и учителем второго — на панихиде в церкви Николы в Гнездынках. Оттуда они поехали на его могилу в Данилов монастырь. Чайковский говорил: «Пока жив Зверев, и я жив, а как Зверев умрет — и я скоро умру» [2, с.39]. Николай Сергеевич умер 30 сентября, а Петр Ильич — 24 октября того же 1893 года...

«Хорошо помню, — вспоминает Сергей Рахманинов, — как в октябре того же года¹ встретился последний раз с П. И. Чайковским, которому показывал *Утес* и который со своей милой усмешкой сказал: “Чего только Сережа не написал за это лето! И поэму, и концерт, и сюиту и т.д.! Я же написал только одну симфонию”» [1, с.184].

В конце жизни Рахманинов отмечал «огромное влияние» Чайковского и с гордостью вспоминал, что осенью 1893 года Чайковский выражал пожелание, чтобы его опера *Иоланта* была показана на сцене Большого театра в один вечер с *Алеко*. Этот вечер не состоялся, но символично, что последняя опера Петра Ильича передала бы эстафетную палочку первой опере Сергея Васильевича...

¹ С. В. Рахманинов ошибается: эта встреча состоялась 18 сентября 1893 года (прим. авт. по материалам ПСС Чайковского).

В Доме-музее П. И. Чайковского в Клину под Москвой хранится издание Рахманинова с дарственной надписью Чайковскому. Какое? Пусть это будет мотивацией для Вашего посещения самого замечательного музыкального музея в мире, основанного еще в XIX веке, а автор статьи сочтет за честь стать Вашим личным гидом.

Список использованной литературы:

- [1] ПСС П.И. Чайковского, том XVII, Музыка, 1981.
- [2] П.И. Чайковский в Тамбовской губернии. А.И. Ермаков. Музей-усадьба С.В. Рахманинова «Ивановка», 2015.
- [3] Воспоминания о Рахманинове Е. К. Сомовой, Пассадина, США, март 1944.
- [4] П.И. Чайковский. Дневники. Москва, «Наш дом — L'Age d'Homme», 2000.
- [5] ПСС П.И. Чайковского, том IX, Музыка, 1965.
- [6] Сергей Рахманинов. Воспоминания, записанные Оскаром фон Риземаном: перевод с английского — Москва: Радуга, 1992.
- [7] ПСС П.И. Чайковского, том VII, Музыка, 1962.

Людмила МАРШЕЗАН

ВСТРЕЧИ С БАЛЕРИНОЙ КСЕНИЕЙ ТРИПОЛИТОВОЙ

Балет — это не только
свобода и красота
тела, но и души.
Ксения Триполитова

Отблеск старинного изящества лежал на ней. Живые глаза, улыбка, непринужденность жестов, притягательная доброжелательность и распахнутость души привязали меня к Триполитовой с первой же встречи. Ксении удалось обмануть торопливое время: выглядела она на четверть века моложе, удивляя всех своей шуткой: «Лет у меня так много, что неприлично ещё просить у Бога». Узнав, что она родилась в 1915 году в Вильно, я назвала её «Ксения из Российской империи», свидетель жестокого XX века.

Ксению с детства привлекала красота балета, а желание и умение танцевать было у неё в крови. Быстро выучив матросский танец и польскую мазурку, она уже в двенадцатилетнем возрасте выступала на сцене, но только — в двадцать лет ей удалось приехать в Париж учиться в школе Любви Николаевны Егоровой, бывшей солистки Императорского Мариинского театра. Родители планировали, что, став профессиональной балериной, Ксения вернётся в Вильно преподавать балет. И она вернулась... через 80 лет!

А в 1935 году её обворожил Париж, закружил балет. Известный французский драматург Саша Гитри, появив-

шийся на свет, как и Ксения, в Российской империи, крестник царя Александра III, приехав в Париж, замечательно сказал: «Быть парижанином не значит родиться в Париже, это значит родиться в нём заново». Так, Ксения стала парижанкой.

Естественно, она трепетала, переступая порог балетной студии Егоровой. Ещё бы! Здесь, во время гастролей, «разминалась» сама Анна Павлова! Педагогический талант Егоровой, теплота и мастерство, чуткость и забота о своих учениках, запомнились Ксении на всю жизнь, а с возрастом, подружившись, Любовь Николаевна подарила ей несколько личных вещей на память. Ксения рассказывала, что иногда в студии Егоровой занимался Сергей Лифарь, «чудо света — бог балета». Она внимательно наблюдала за ним, стараясь повторить неповторимое.

— Он любил белые лилии, — вздохнула Ксения. У меня от них кружится голова, я предпочитаю более скромные цветы, напоминающие моё детство в деревне Хвостовичи, наверное, поэтому я немного хвастунья, — шутила балерина.

Свою женскую судьбу Ксения Рубом встретила совершенно случайно. В Париже 20-х годов хорошо был известен дуэт Николая Триполитова и Ольги Смирновой, которая была гражданской женой танцора — бывшего офицера Добровольческой армии. После внезапной смерти Смирновой, потерянный от горя Николай искал новую партнёршу для выступлений. Он был высоким, стройным красавцем, немного старше Ксении... на 20 лет. Любовь вспыхнула с первого взгляда и длилась всю жизнь. Так началась их совместная семейная и артистическая судьба. Дуэт так и назывался «Ксения и Триполитов». Они поженились 16 сентября 1939 года в Париже, протанцевав вместе уже три года. Выступали они в довольно открытых костюмах, создавая впечатление слияния воедино души и тела. Глядя на фотографии Ксении и Николая, как ни

вспомнить слова Ирины Гржебиной: «В пору моей юности в балете можно было увидеть живых богов и богинь». Таланливый хореограф и танцовщица характерных танцев, Гржебина, сыграла замечательную роль в жизни Триполитовой, познакомив её с Александром Васильевым, который навсегда стал близким другом Ксении и осуществил её мечту: увёз в край детства — Вильно. Там, в его старинном доме, и были записаны воспоминания Ксении, из которых Васильев создал элегантную книгу с уникальными фотографиями.

В студию танцев Гржебиной меня привела романтическая идея сразить наповал французских родственников, одевшись на свадьбу в яркий русский наряд вместо избитого платья невесты. Разговор с Ириной Гржебиной затянулся, задев какие-то струны души, внезапно сроднившие нас.

— Задержитесь ещё немного, я смогу Вас представить балерине, которая училась у самой Егоровой. Зовут её — Ксения Триполитова.

Увы, затянутая «свадьбоворотом», я попрощалась с Гржебиной, унося с собой красный сарафан.

Судьба наверстала упущенное, подарив мне встречи с Триполитовой двадцать лет спустя.

— Минуточку, я возьму перо и запишу Ваш адрес, — мило проговорила Ксения в телефон.

— Мой супруг подъедет к Вам на автомобиле...

— Не стоит утруждать его, не старуха и приеду городским транспортом.

Невольно улыбнувшись и восхитившись молодым задором почти 95-летней балерины, беру «перо» и записываю её оригинальные фразы: *«Балет — это моё строгое рабочее состояние, это письма зрителям, написанные телом»*, *«танец — это праздник, который мы с Колей дарили всем»*.

Необычное волнение охватило меня в ожидании Триполитовой, ведь нам предстоит разговор длиной в её жизнь.

Этот рассказ я должна буду донести всем присутствующим на вечере, затеянном в её честь, ассоциацией в поддержку русской культуры во Франции «Глаголь». Сама Ксения наотрез отказалась выступать перед публикой, заявив, что «говорить на сцене словами не её удел, язык её души — «танец».

Мы долго и безрезультатно перезванивались, к сожалению, встреча наша откладывалась до «солнечных дней». Пришлось пустить в ход приманку. Услышав из моих уст магическое имя Дягилева, Триполитова тут же проговорила: «Еду! Дело в том, что в нашей квартире сохранились росписи Bébé. Не удивляйтесь, так прозвал Жан Кокто декоратора и театрального художника Кристиана Берара. Современники называли его «дивным, чудным, непревзойдённым Bébé», а открыл его Дягилев. Двадцатичетырёхлетний Берар, неуклюжий и растрёпанный, не произвёл впечатления на директора русских балетов, но его секретарь — Борис Евгеньевич Кохно, оценил Bébé по достоинству. Случайно оказавшись рядом на карнавале у Шанель, Кохно был ошеломлён декораторскими способностями Берара, который за несколько секунд соорудил свой наряд, оригинально завернувшись в шанелевскую скатерть и надев на голову серебряное ведро для охлаждения шампанского. С этого дня Кохно и Берар не расставались и прожили вместе до 12 февраля 1949 года — года смерти Кристиана Берара.

Представляю, как Триполитовой не терпится увидеть эти загадочные росписи в песочно-перламутровых тонах с театральным занавесом, с арками и колоннами на фоне романтического пейзажа и лёгкими нимфами в прозрачных платьях, а, может, балеринами?

Элегантная, невысокого роста Триполитова, пахнущая модными духами прошлого века, с подкрашенными губами и бровями, очаровательно, по-детски «ощупывает» взглядом шедевр Кристиана Берара.

— Вы думаете, секретарь Дягилева находился вот здесь, — Триполитова даже притопнула ногой.

— Несомненно. Vébé всегда ценил мнение своего друга и показывал ему все новые работы. Моя соседка — старожилка этого дома — рассказывала, что приходили сюда и элегантные изящные женщины, может быть, балерины? В лицо она узнала только Кокто, кутившего опиум на лестничной площадке.

— Скажите, а господин Vébé рисовал балерин, русских балерин?

— Осталось много его рисунков, иллюстрирующих костюмированные балы. На одном из них Кохно и Берар вместе с балериной Алисой Алановой.

— Помню. Она вышла замуж и стала княгиней de Robilan — произнесла по-французски Ксения с характерной руладой «R» на русский манер.

В сфере балета Триполитова помнила всё и всех. Интересно, знала ли она мою землячку — харьковчанку Варвару Каринскую.

— В ателье её дочери Ирен мы с Колей шили наши сценические костюмы для «Восточного танца». А Варвара Каринская, художник по костюмам, талантливая умница, получила «Оскара» в Голливуде за своё мастерство.

— А самую красивую женщину Парижа Лилию Никольскую вы знали?

— Она не из школы Егоровой. Педагогом Никольской была, как говорили, «Грация женская — Ольга Преображенская». А Лиля Никольская — само совершенство, она танцевала нарядно — обнажённой... в одной шляпке. Яркая, но короткая жизнь. Память о ней осталась в золотом барельефе в стиле ар-деко на фасаде Folies-Bergère, где она была звездой.

— Ксения, это так замечательно, что Париж хранит в своей истории имена русского балета: площадь Дягилева, аллея Нижинского, улица Нуриева и барельеф Никольской!

Говоря о балете, Ксения вся светилась и улыбалась, поясняя рассказ грациозными движениями рук.

В тяжелые годы оккупации молодожёны Ксения и Николай остались в Париже. Им удалось недорого снять квартирку почти в центре города, где Ксения прожила до 102-х лет!

Выжить Триполитовым помогли велосипедные прогулки за город, на берег Марны. Необъяснимое, пронзительное чувство гармонии охватывало Ксению при виде цветных радуг, висящих над водой, пения птиц, порхания бабочек. словно язычница она приветствовала природу: «Добрый день, спасибо за присутствие».

«Ксения — это очарование на грани волшебства», — думала я, слушая её рассказ. Вот так, из мелких цветных осколков, складывался постепенно витраж жизни Триполитовой.

Печален был опустевший, сникший Париж. Казалось, его сердце замерло, и безжизненные аорты улиц уже не могли наполнить его радостью и любовью. В комендантский час город света ослеп от тьмы. Золотые купола православных храмов потемнели от горя.

После снятия запрета на развлечения, Ксения и Николай снова начали выступать в театре-варьете «А.В.С.». Ксения подчеркивала, что жили они вне политики, стараясь просто выжить. Но я настойчиво расспрашивала, что она видела или слышала о Сопротивлении, которое могло выразиться в разных формах.

— Помню. Мне было странно. Спасая евреев, их увозили на кладбище... живыми.

Veyrier — единственное в мире кладбище, через которое по диагонали проходит граница — франко-швейцарская. Если войти в кладбищенские ворота с французской стороны и пройти расстояние с десятков метров, то можно выйти через швейцарские, что в то время означало спасение и свободу. Похороны служили прикрытием для еврейских беженцев. Естественно, кладбище охранялось, но не немцами, а менее жестокими итальянцами. Но всё-таки риск был огромен. Но благодаря решительному мужеству еврейского сапожника Ниссана Перзоффа, жившего в Женеве, удалось спасти тысячи евреев. По традиции до погребения тело умершего еврея нельзя оставлять без молитвы, днём и ночью требовалось чьё-то присутствие. Этим и воспользовался Перзофф, чтобы под покровом ночи выводить «воскресших» в Швейцарию. В 1943 году нацисты обнесли кладбище колючей проволокой, ужесточив контроль, но Перзофф, рискуя своей жизнью, продолжал спасать жизни других.

В настоящее время Veyrier (кладбище названо по местности и основано в 1920 году) посещают многочисленные любопытные, желающие взглянуть на памятник Зино Давыдофф, эмигранта из Киева, умершего в Женеве в 1994 году — элегантному гуманисту, отравившему мир своими сигарами. О Ниссане Перзоффе, его подвиге все забыли, но, благодаря Триполитовой, он снова ожил в нашей памяти.

После войны в 1948 году Ксения и Николай получили французские паспорта, что значительно упростило жизнь артистов-гастролёров, разъезжающих по всей Европе с балетом полковника де Базиля, где они танцевали с 1947 года. Балет де Базиля был основан в 1932 году и после смерти Дягилева считался самой совершенной труппой, унаследовавшей дягилевские декорации и репертуар.

Василий Григорьевич Воскресенский — по-французски имя Василий произносится как «Базиль», отсюда и произошло название труппы, а в переводе с греческого оно означает «монарх» — был добрым, простым, заботливым монархом, которого все любили. Его красавица жена балерина Ольга Морозова и её сестра, талантливая балерина Нина Вершинина в последствии стали подругами Ксении Триполитовой.

— Дни бегут, но я берегу их в моей памяти. Чудно помню романтический балет на музыку Шопена «Сильфиды», — Триполитовский взмах рукой, рисующий воздушных духов.

Ксения восхищалась талантом художника Александра Бенуа, оформившего этот балет, в котором она танцевала. В тот день я еще не знала, что отпевать её будут в очаровательной церквушке архитектора Альберта Бенуа, первый камень которой он заложил 7 апреля 1938 года. Именно 7 апреля 2020 года Ксения Триполитова покинула нас, безмятежно уснув вечным сном.

Своей непосредственностью Триполитова считает все барьеры нашего общения и рассказывает мне о своём чувстве любви невероятной интенсивности к мужу Коленьке, артистическому партнеру, романтику, верному другу. «Благодаря любви, у нас было умение честно, правильно, красиво излагать свои мысли в танце». Она восхищалась необыкновенной музыкальной одаренностью мужа, позволившей ему с годами «переквалифицироваться» в дирижера хора. Николай Триполитов играл на многих музыкальных инструментах, и Ксения бережно хранила его гитару 30-х годов, повесив на стену в изголовье своей кровати.

Смерть приходит всегда в неподходящий момент. 18 мая 1972 года Николай Триполитов покинул обожаемую Ксению. Он умер у неё на руках. Она молила о помощи, но

ангел-хранитель улетел на собрание душ. Начались дни без запаха и цвета. Чёрно-белые дни маленькой балерины, ставшей вдовой в 57 лет.

В это время Триполитова преподавала балет и характерные танцы. Её верные ученики Кристоф и его сестра Жоэль, бравшие у неё уроки с пятилетнего возраста, рассказали мне о переживаниях Ксении в эти дни. Обычно, приходя в студию, педагог открывала ставни и распахивала окна, приглашая солнечные лучи к себе на урок. В этот раз, ученики сидели в полутьме, ещё ничего не зная, детские сердца предчувствовали беду. Все любили её мужа Николая, высокого, обаятельного, приходившего за ней к концу урока, и вдруг — его не стало. Ксения оделась в чёрное и перестала открывать окна. После смерти Коли пропал, исчез воздух, насыщенный счастьем.

Этот период жизни Ксения мягко охарактеризовала: «Я была ещё не там, но уже и не здесь».

Триполитова была человеком фразы, которая запоминалась: «Я думаю уже о дороге к небесной родине. Хочется соединиться с Коленькой». Его портрет висел всегда на стене, а фотографии были везде, она продолжала жить им в своих воспоминаниях.

На вечере в её честь (95 лет!) Ксения была в платье с искоркой, как и её глаза, распространяя радость уже только своим видом. Было боязно рассказывать о жизни Триполитовых в её присутствии, но она одобрительно кивала головой и внимательно слушала, а в конце проговорила:

— Людочка, мне было очень приятно и интересно. Чисто сказано. Спасибо.

Ксении преподнесли пышный букет всевозможных цветов. Выдернув белую лилию, подарила мне, заговорищи подмигнув. На следующий день Триполитова уехала отмечать день рождения к своей подруге в Варшаву — 1500 км — на автобусе! Вот такая Ксения!

Мы оставались в постоянной связи с Триполитовой: перезванивались, встречались, пили чай, и она всякий раз вздыхала: «Это не мой напиток, предпочитаю шампанское».

Ко дню рождения моей дочери Дианы Ксения подарила книгу, написанную вместе с её другом Александром Васильевым: «Маленькая балерина. Исповедь русской эмигрантки». Взглянув на дарственную подпись, я была поражена чёткостью почерка и нежностью слов:

*Дорогой Диане в день Рождения.
Желаю всего хорошего. С любовью
Ксения Триполитова.
9/III-2012*

Не удержусь и процитирую ещё одну фразу Триполитовой: «*За деньги можно купить всё, кроме любви, дружбы и таланта*».

Она умела ценить дружбу, и сама была преданным другом, предпочитая любой роскоши роскошь человеческого общения.

Мы готовились к 100-летнему юбилею балерины Ксении Триполитовой в ассоциации «Глаголь». Она родилась 24 апреля по старому стилю и всегда праздновала в этот день, но Александр Васильев в эту дату уже зарезервировал ресторан в русской консерватории С. Рахманинова. Тогда Триполитова приняла решение праздновать дважды, с интервалом в несколько дней. Гулять, так гулять!

Весна была ослепительно яркая и цветущая. Мы встречали Ксению песнями, шампанским и стихами:

*А в Париже гуляет весна,
Та весна, без конца и без края,
Что сто лет Вам уже принесла,
И сто лет Вам ещё обещает!*

А какой же праздник без сюрпризов? Русский актер Пётр Капличенко, певец, гитарист, танцор, фокусник и т.д., переодевшись в красную пачку балерины (с ростом 1 м 90 см.), станцевал для Ксении «Танец маленьких лебедей», рассмешив её до невозможности и умилив до такой степени, что она послала «балерине» Пете воздушный поцелуй.

Триполитова часто вспоминала о неизгладимом впечатлении, произведённом на неё выступлением Ольги Спесивцевой и Сергеем Лифарём в «Лебедином озере». В память о них прозвучала музыка П. И. Чайковского, и маленькая балерина в белой пачке, десятилетняя дочь моей подруги, вручила Ксении полевые цветы. Посадив девочку рядом с собой, и, держа её за руку, предсказала ей счастливое будущее. Только один сюрприз не удался. Одна из учениц Триполитовой Брижжит Херметц стала солисткой парижского балета (Opéra de Paris), и мне очень хотелось, чтобы в этот праздничный вечер учительница и ученица встретились. К сожалению, Брижжит выступала за границей.

На следующий день, Ксения, возвращаясь с покупками к себе в квартиру, поднималась по ступенькам лестницы к лифту, и, на последней, десятой поскользнувшись, кубарем скатилась вниз. Ни одного перелома! На разбитый лоб пришлось наложить швы в больнице. Обеспокоенный Саша Васильев прилетел из Москвы, захватив с собой профессиональную гримёршу, превратившую Ксению в чаровницу. На всякий случай, прихватили паспорт, иначе кто поверит, что такой изумительнице 100 лет! Милая Елена Демеш в честь этого события заказала молебен «Многая и Благая лета» в храме Александра Невского. Отправившись после в ресторан, где уже заждались многочисленные гости, мы столкнулись с демонстрацией, посвященной памяти армянского геноцида 1915 года. Вот и пригодился паспорт

Триполитовой — глядя на дату рождения, полицейские отпускали нас вслед шуточки столетней давности. До цели оставалось менее километра, но дальше ехать было уже невозможно. Ксения храбро зашагала в своих новых туфельках на каблучках. Уже у входа в ресторан её ждал хор, громко приветствующий Ксению «долгими годами», гости усыпали её лепестками роз. Балерина уверенно улыбалась, и казалось, она снова на сцене, в готовности начать танец нового столетия своей жизни. Играл оркестр, шампанское, которое она любила, било фонтаном в потолок, и она смеялась, как ребёнок. Мы читали посвященные ей стихи, Андрияша, сын русской актрисы Елены Ривас, дивно играл на гитаре, Александр Васильев провозглашал тосты, ученики Триполитовой вспоминали молодость, и все танцевали до упада. Поздно ночью мы провожали её домой. Поднявшись с цветами и подарками в квартиру, все были удивлены возрождением Ксении, которая, сбросив туфли, босая, бегала как заяц, расставляя в вазы букеты цветов. В отличие от нас, она была свежа и бодра. Видимо, ночной образ жизни — привычка профессиональных артистов. Ксения говорила нам, что «балет — это айсберг, и видимые нами белопенные кружева прикрывают изнурительный труд в поте лица и тела, строгую дисциплину и жертвенность во имя любимого искусства».

Несмотря на возраст, Ксения продолжала экзерсисы, держась за перила лестницы, заменившие ей станок.

Безграничен был педагогический дар Триполитовой. Случайно, мы оказались свидетелями утомительного зрелища: выстроив в коридоре врачей и медсестёр (она легла в клинику подлечиться накануне 101 дня рождения), Ксения давала им урок долголетия, и все послушно выполняли упражнения. Мы в это время накрывали стол в специальном зале, украшали его шарами, фотографиями, чтобы стереть унылость больничных стен. Звучала гитара, песни,

произносились тосты. Ксения, счастливая, улыбающаяся, с бокалом шампанского, вдруг обеспокоенно стала нас пересчитывать: 12 человек. Подозвав меня, сказала на ушко: «Я не хочу, чтобы было тринадцать!» Наша музыка привлекла и незнакомых людей, лечащихся в больнице. Все были приглашены, ведь Ксения расточала доброжелательное внимание к любому человеку.

Она по-прежнему жила одна, в той же квартирке, которую они сняли с Колей. Её окружали знакомые предметы: русские иконы, портреты и фотографии родных и близких, альбомы и книги. Казалось, время остановилось, только память сердца жила здесь.

С годами Ксения перестала любить буквенное расточительство французского языка и предпочитала говорить по-русски, доставляя нам необыкновенное удовольствие юмором своих фраз. Однажды Леночка Д., придя к Триполитовой с небольшим опозданием, в оправдание продемонстрировала свою новую причёску. Ксения, окинув взглядом, улыбнулась: «То, что у Вас на голове, сейчас называется причёской?» О современном балете у неё было такое же мнение. Ксения баловала нас своими комплиментами, находя в каждом человеке прекрасные черты. Смотрясь в зеркало и подкрашивая губы, она приговаривала: «Вот я и готова на бал... к Богу».

Мы собрались в её гостиной последний раз, празднуя 102-летие Ксении. В этот день она дала нам обещание прожить до 103-х лет, а дальше Как Бог даст. Для неё пел старые прекрасные французские песни Ги Леже, которые он удачно отреставрировал, благодаря жене Татьяне. Триполитова, «протанцевав» руками цыганский танец, предложила исполнить «Очи чёрные». Взяв гитару, Иван Донченко присел рядом с балериной, и они вместе запели.

У неё в любом возрасте был культ позы балерины: ровная спина, трепетные руки, улыбка. Поднявшись с кресла, Ксения жестом пригласила Ивана следовать за ней в спальню: «Мне понравилось наше пение, которое вызвало чудные воспоминания. В знак дружбы, я хочу подарить Вам самое дорогое, что у меня есть». В гостиной повисла тишина. Через несколько минут появился смущенный Иван с подарком в руках — гитарой Николая Триполитова.

Лето выдалось знойным, и Париж опустел, благословив жителей на берега морей и океанов. Ксения задыхалась от жары и обезвоживалась. Её спасла Елена Ривас, приходившая каждый день ухаживать за Ксенией и вовремя вызвавшая карету «Скорой помощи». Врачам удалось поставить Триполитову на ноги, но они не хотели и слышать о её возвращении домой. Ксению определили в дом престарелых в 16-м округе Парижа. У неё началась совсем другая жизнь, «на всём готовом», что для деятельной, энергичной Ксении означало уныние. Мы развлекали её, как могли. Зная её слабость к кошкам, в день 103-летия балерины, Иван Донченко принёс кроме цветов и гитары красавца Лео, пятнистого, как леопард, кота. Он нежился на коленях у Ксении, погружая её в радостные воспоминания. Вскоре Лео освоился и по-хозяйски растянулся на кровати Ксении. Она смеялась от души, глядя на его чистокровный шик и игривое изящество. Был приготовлен ещё один сюрприз — пение профессиональной певицы Марины Вещицкой, ученицы знаменитых Валентины и Алексея Димитриевичей. Сегодня, специально для Ксении, Марина пела «эмигрантский фольклор». Триполитова изящно аплодировала, а потом сказала: «Хороша молодость! Пользуйтесь моментом, пойте!» Марине Вещицкой было всего лишь... 96 лет!

Год состарился и перетёк в новый, подарив Ксении ещё один день рождения — 104 года. Неслучайная случайность: самые близкие друзья — часовые дружбы, встречи-

лись у Ксении. Она с видимым удовольствием пила шампанское «Вкусно!» — произнесла она, внимательно прочитав этикетку на бутылке. Зрение у неё было отличное, и очками она не пользовалась, продолжая быть элегантной и со вкусом одетой.

Вдруг, как в сказке, распахнулась дверь, и Ксения воскликнула: «Саша!» Васильев преподносит цветы, целует руки балерине и дарит открытку, выпущенную к этому событию, с юной очаровательной балериной Ксенией Триполитовой!

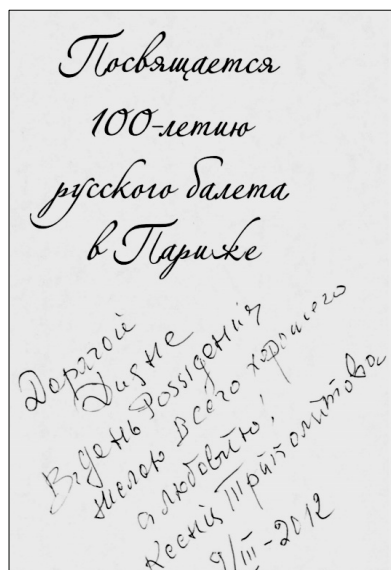
Она счастлива, и мы ласкаем в себе надежду встретиться в следующем, 2020 году, 24 апреля! Именно в этот день мы и встретились... на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. До 105-летия она не дожила 17 дней.

Мы с Еленой Демеш навестили Ксению перед самым карантином и угостили пирожками с яблоками. Рядом, в соседней комнате, скучала красивая женщина, которая, к нашей радости, с удовольствием угостилась пирожками, вспомнив при этом, что её профессор балета угощала учеников такими же. Естественно, у нас возник вопрос: «Кто же это?»

— Madame Егорова, — ответила красавица.

Даже в плохом романе невозможно было придумать такую неправдоподобную правду. Она родилась 24 декабря 1933 года в ночь перед рождеством, и родители назвали её Ноэль. Изумительно гибко-пластичная, обладающая прелестным голосом, обаятельная Ноэль, окончив классы Егоровой, удачно дебютировала, играя главную роль в фильме с Луи де Фюнесом. Сидней Чаплин, сын Чарли Чаплина, влюбился в неё с первого взгляда, и Ноэль оказалась в большой, дружной семье, где умели веселиться от души и устраивать праздники. Став матерью, она окружила вниманием и лаской их сына Стефана. 25 лет счастья! Однажды её муж, Сидней, познакомил Ноэль с французским актёром, певцом итальянского происхождения Серджио Reggiani. Ноэль потеряла голову. Она бросила всё и всех, сопровождая

Сержа на протяжении многих лет. Они поженились только в 2003 году, а через год Серж умер. Сейчас она одна, в доме для престарелых, забытая всеми. А ведь это про неё писал Вадим Роже: «У Ноэль самые стройные ноги в Париже». Жизнь её была насыщенной и блестящей, утопающей в цветах и внимании, а сейчас, как не нужный сувенир, она выброшена на свалку жизни. Нам было безумно жаль её. Свою внучку Ноэль назвала Тамарой в честь русских балерин: Тумановой и Карсавиной. На её столике стояла фотография внучки, чудесной девушки с длинными волосами, живущей в Лондоне. При прощании Ноэль крепко прижала нас к себе, и было такое состояние сердца, когда слова не нужны.

Апрельский беспредел цветения. Разлив щедрого солнца на голубом холсте неба. Русское кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, находящееся в 30 км от Парижа, пустынно. Карантин. Только вольные птицы, радуясь отсутствию туристов, перебивая друг друга, поют во весь голос.

Несмотря на все трудности и запреты, 24 апреля 2020 года в 16 часов близкие друзья и верные ученики Ксении собрались здесь, чтобы проводить её в последний путь. После торжественной церемонии отпевания мы прощались с нашей Ксенией у могилы. Гроб усыпан цветами, а с обложки книги «Маленькая балерина» нам улыбалась Ксения Триполитова. Мы думаем и говорим о ней. Кристоф и Жозель включают её любимое «Лебединое озеро». Услышав музыку Чайковского, умолкли птицы. Только озорной апрельский ветерок закружил в неведомом вальсе белые лепестки роз, напоминающие платье балерины.

Елена УЛИССОВА-ПИАНКО

ТАНЦОВЩИЦА ИЗ МОНРУЖА

Близ магистрали в Монруже, южном пригороде Парижа, притулился небольшой каменный дом с магазинчиком. Долгие годы быстро и равнодушно проходила я мимо. В осенние дни в падающих стремительно сумерках «богатства» этого дома казались мне особенно отталкивающими. В витрине выставлялись страшилки: черепа, уродливые лица с искривлёнными гримасой губами и длинными носами, тёмно-серые маски колдуней с взлохмаченными волосами и хищнически оскаленными острыми зубами. Праздник мёртвых и смерти — Хэллоуин — Брр!!!

Но вот однажды мне понадобились аксессуары для новогоднего вечера. Дверь магазинчика была приоткрыта, и я решила войти. В полумраке у прилавка стояла пожилая женщина: седые пышные волосы собраны в шиньон, просторное платье-балахон скрадывало полное тело. Она смотрела на меня выжидательно-хмуро, не было и намёка на учтиво-угодливую улыбку продавщицы. Я осмотрелась. Вешалки со сценическими нарядами заполнили почти всё пространство, на этажерках теснились разноцветные шляпки для мюзик-холла и чёрные треуголки с белыми перьями для перевоплощения в маркизов. Среди расставленных повсюду вещей трудно было отыскать нужное. Я объяснила своё желание купить несколько предметов-фантазий для Нового года. Холодный пронизательный взгляд хозяйки чуть изменился, как только она услышала мой выговор.

— Вы — русская?! — воскликнула она, — когда-то я училась у русских балерин.

Вот так открытие! Балерина в Монруже!

Женщина, по имени Мюриель, показалась мне бабочкой, приколотой булавкой: застывшее движение сменило постоянные перемещения по свету. Наверное, бесконечный бег машин по магистрали напоминал балерине прежнюю артистическую бродяжническую жизнь, приносил усладу. К моей большой радости, наши встречи вместо избито-трафаретных и утилитарных окрасились сладкой болью её воспоминаний, которые потекли ручейком, сверкая блёстками костюмов от Диора и Ив Сен Лорана.

Мы приводим здесь часть наших бесед.

— Как Вы пришли к танцу?

— О, очень рано, в четыре года. В Монруже рядом с нашим домом была школа, где в основном преподавались балетные танцы, но и ритмика для малышей. И вот я стояла на улице как зачарованная. Моя кузина, с которой я гуляла, заметила мои способности, желание имитировать движения и сильную заинтересованность. Она записала меня на ритмику.

— Учительница ритмики была русской?

— Нет-нет, француженка.

— Но ведь Вы мне сказали, что занимались танцем у русских?

— Правда, с шести лет в *Хореографической школе* Ирины Гржебиной и её сестры Лии.

— Гржебины, это же, наверное, дочери знаменитого издателя Зиновия Гржебина в Петербурге? Для нас, русских, памятное имя, ведь у Гржебина оформляли альманахи М. Добужинский, К. Сомов, А. Бенуа, печатались поэты-символисты...

— Маленькая французская девочка, я очень гордилась тем, что оказалась в окружении славян и училась ха-

рактерным танцам, в основном русских, украинских, белорусских, грузинских и цыганских. Танцы давались мне очень легко и исполняла их я бойко и задорно.

— А где находилась школа сестёр?

— На Монпарнасе, на улице Жюль Шаплен, номер 11, недалеко от метро Вавен.

— Какое замечательное и не случайное совпадение! В этом доме всего лишь один год, с 1929 по 1930, просуществовала Русская художественная академия, основанная Татьяной Сухотиной-Толстой. И в ней читали лекции и вели занятия среди других художников М. Добужинский, А. Бенуа, К. Сомов! Те же самые имена, что и в Петербурге у Зиновия Гржебина! А Татьяна Львовна устраивала ещё концерты и балы. Стены сохранили память этих чудесных месяцев и тех же имён!

— Когла я стала приходить к Ирине в семидесятые годы, семья Гржебиных занимала почти весь дом: там жили и Ирина, и Лия с мужем, художником Лазарем Воловиком, и их брат, Товий Гржебин, и племянницы — их квартиры находились на последнем этаже. Танцевальная студия располагалась внизу: меня чаровал и зал с прекрасным паркетом, и яркий театральный реквизит: костюмы шили сами Ирина и Лия. Я вся трепетала от радости, когда переступала порог. Дом художников и артистов, в нём было так уютно. А русское необычайное радушие и гостеприимство, как не сохранить на всю жизнь чувство признательности! Декорации для балетов писал Лазарь, мы называли его почтительно по фамилии, а вот к его жене обращались ласково-уменьшительно — Ляля. Некоторые ученики, и я в их числе, не могли произнести «я», у нас получалось Лала, что её забавляло, и она от души смеялась. Работали Ирина и Лия необыкновенно много. В школу временами заглядывала Марина Влади, иногда она при-

соединялась к нам, но чаще всего просто разговаривала с нашими милыми учительницами. Все ж нас угощали с теплотой и радушием традиционным душистым чёрным чаем — как не благодарить за него Ирину и Лию, даже если пить не хочется, даже если мне, француженке, с юности нравился только кофе?

Улица Жюль Верна, 11

— Вы долго учились у Ирины?

— Всё детство и юность. В студии было очень весело, вот, посмотрите, мы с девочками танцуем в красных костюмах с веночками на голове из ромашек, а вот и другая фотография: 1976 год, здесь мне тринадцать лет, я репетирую Гопак с армянином Ваз и югославом Радомиром-Радой, а Ирина подбадривает нас. Яркий педагог, она проявляла ко всем нам необыкновенную чуткость и заботу. В этом же году мы получили приз за лучшую частную труппу.

Ирина Гржебина меня особенно опекала, можно сказать, превратилась в артистическую маму. Благодаря её рекомендациям я через год оказалась финалисткой в международном конкурсе в Лозанне и получила престижный диплом. Ведь мне хотелось танцевать не только характерные танцы, я мечтала о классическом балете, его красота манила меня даже во сне. Вы видите меня на этой фотографии, её я сделала для диплома.

А когда Ирину пригласили в Гранд-Опера, где она начала вести класс характерного танца, я помогала ей, демонстрировала эти танцы на уроках перед учениками.

— Вы говорите, что с русскими весело, почему?

— Яркие костюмы, шутки, доброта, все друг другу активно помогали найти работу. Мы выступали перед членами ассоциации Сокол, знаменитые эмигранты приходили на наши спектакли. Ирина меня порекомендовала и Сержу Лифарю, я демонстрировала ему классический и характерный танцы, получила из его рук диплом.

— На одной из фотографий цыгане. Вы тоже у них выступали?

— В своё время в Париже на улице Шерш Миди был цыганский ресторан югославов, братьев Ивановичей, он назывался Ле Карлофф. Зажигательное пение, страстные струны гитар и звуки балалайки, наши жгучие пляски — волшебное было время! Ивановичи тоже покровительствовали мне, а так как я была самой маленькой в их труппе, называли ласково «Бэбэ» — Малышка. С ними в 1978 году я ездила летом танцевать в Монте-Карло.

— Вы мне как-то сказали, что оказались в Африке.

— Да, с русскими по знакомству в шестнадцать лет уехала в Кению на пять месяцев и выступала в казино.

— В вашем бутике множество шляпок для мюзикхолла, это тоже воспоминание о прошлых представлениях?

— Ваша правда, я участвовала в фильме — телепередаче в 1980 году с Зизи Жанмер, ей тогда было уже немало лет, партнёры фактически носили её на руках. Великолепные костюмы Ив Сен Лорана, блёстки, пышные украшения из перьев...

— Зизи — жена Ролана Пети, я не ошиблась?

— Да-да, конечно. И вот через год я прошла в Шатле пробу-кастинг перед Роланом Пети и он принял меня в свою марсельскую труппу. В юные годы всё представлялось легким, мы колесили по всему свету: США, Венесуэла, Канада, Япония... У меня было два чемодана: один для ле-

та, другой, побольше, для зимы. Жили мы в прекрасных четырёхзвёздочных гостиницах с бассейнами и салонами для массажа.

— Какой из спектаклей вам особенно запомнился?

— Балет *Собор Парижской богородицы* с костюмами Ив Сен Лорана, с Нуреевым в роли Квазимодо. Скажу Вам, что воспоминание о Нурееве мне очень памятно и приятно: через три года Ролан Пети решил уволить половину труппы, и нашу защиту взял на себя Нуреев.

— И его вмешательство помогло?

— К сожалению, нет, Ролан Пети просто сказал: «мне опротивели ваши лица».

— Увольнение было для Вас ударом?

— Нисколько, в юности нет ничего страшного, ведь я уже говорила — мы постоянно помогали друг другу. Колесо моей артистической карьеры продолжало вертеться. Я уехала в Сенегал с русскими артистами танцевать в кабаре, затем были *Аида* в Капитолии Тулузы, *Лебединое озеро* в Нанте с хореографом Жан-Полем Гравье, телевизионные фильмы с Ириной Гржебиной. Какой полный печали и глубокого чувства некролог написала она в старости на смерть Рудольфа Нуреева! И скончалась всего через год после этого....

— Вы продолжали исполнять характерные танцы и участвовать в кордебалете?

— Нет, мне повезло: я вышла замуж за немца и уехала работать в Германию. В театре Любека я стала ведущей танцовщицей. Это — моя звёздная пора, она продолжалась тринадцать лет. Тут я исполняла Кармен в хореографии Джона Гранта, и роль Фригии в *Спартаке*, и фею в *Щелкунчике*, и тоже фею в *Золушке*, и Китри-Дульсинею в *Дон Кихоте*. Самое замечательное и удивительное — мне удалось танцевать Эвредиду до пяти месяцев беременности, просто с партнёром мы немного изменили поддержки, а балетная туника в стиле ампир скрывала мой маленький круглый живот.

Фригия Китри — Дульсинея

— Среди Ваших партнёров были русские?

— Был Сергей, на половину русский, на половину грузин, мы с ним танцевали в *Дон Кихоте*. Но мой главный партнёр — румын Константин, получивший первый приз в Будапеште. Вот они со мной на фотографиях. В Любеке танцовщики разговаривали на разных языках.

Представляете, в театре оказалось 25 национальностей!

*Сергей и Мюриель —
Дон Кихот*

*Мюриель и Константин —
Лебединое озеро*

— Мне кажется знаменательным, что Ваш любимый город — Любек с его ярким театром в стиле Ар-нуво. Город вырос из славянского поселения, его название означает Любимая. Любовь Вас баюкала в этих местах. Вы сроднились душой с нами, русскими. А ещё в Любеке жили Манны, и Клаус Манн, сын Томаса, племянник Генриха, написал о жизни Петра Ильича Чайковского роман «Патетическая симфония»... Мой последний вопрос сегодня: Вы видели звёзд русского балета — Нуреева, Барышникова, Васильева, Максимову, Макарову. Что Вы можете сказать о них?

— Разочарую Вас. Мы вместе разогревались у балетного станка в залах, каждый был углублён в свою работу, не думая, кто рядом, забывая обо всём на свете, кроме своих движений. Потом выступали на сцене, иногда бок

о бок, но на этом и кончалось наше общение. И вообще тела с возрастом теряют свою виртуозность, иногда мало известный актёр физически лучше стареющей звезды. Помню, однако, курьёзный случай: Наталья Макарова исполняла Кармен у Ролана Пети в его хореографии. Она требовала, чтобы он позволил ей танцевать Кармен без парика, то есть быть блондинкой, да ещё с короткой стрижкой. Услышала категоричное НЕТ, но во время выступления сорвала чёрный парик. Скандал!!! В ярости Ролан Пети чуть не расторгнул контракт.

— В Вашей бутике много костюмов, это позволяет оставаться в мыслях на сцене?

Мюриель оживилась:

— Ко мне обращаются частные организаторы балов, иногда берут напрокат по 50–70 костюмов. Конечно, это скрашивает мои будни. Шью костюмы, плету кружева по русским рисункам. Забываю, что за последние десятилетия набрала большой вес, что на мне заботы о старом немолодом отце. А по воскресеньям брожу по парижским местам, связанным с моим актёрским прошлым. Такова сегодняшняя жизнь.

— И всё же я Вам скажу, что всё бывает связано и переплетается, как Ваши кружева. Беседы с Вами уносят ввысь в томлении и в тоске по высокой эстетике. Судьба щедро дарит удивительные встречи. Вы сроднились с нашей русской культурой, превращаясь в волшебницу, взлетающую в долгом прыжке — вверх, вверх, к самым небесам!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

АЛЕКСАНДР РЫБКИН О БОРИСЕ ГЕССЕЛЕ

Борис Гессель

Борис Давидович Гессель — скромный человек с большим чувством юмора. Может быть, умение посмотреть на жизнь с улыбкой ему было предначертано судьбой, ведь он родился 1 апреля! При нашей первой встрече мне было достаточно взглянуть Борису Давидовичу в глаза, чтобы

сразу понять — мы с ним «в одной лодке». И морская тематика здесь как нельзя кстати: Борис Гессель — моряк, не раз бороздивший моря и океаны. А это значит — человек особой закалки, познавший жизнь и суть человеческих отношений в испытаниях, перед лицом необузданной стихии. Поэтому о Борисе Давидовиче я рассказываю, основываясь только на собственных чувствах.

Борис Гессель — любознательный человек. Именно этот интерес к жизни во всех её мельчайших проявлениях разбудил в нём ещё в ходе морских путешествий желание *Carpe Diem* — ловить момент прекрасного, интересного и неизведанного, чтобы запечатлеть его для живущих рядом людей. Так Борис Давидович стал фотографом. Сегодня, мастер фотографии, Борис Гессель известен в русскоязычной Франции как один из лучших, а его работы заслуженно поднимают рейтинги удостоившихся такой чести печатных изданий и медийных ресурсов. В этом году мы отмечаем 30-летие этой его творческой деятельности во Франции.

И, наконец, Борис Гессель — человек, у которого очень доброе сердце. Сердце — живущего по принципу суфийской мудрости: «Что ты отдаёшь — это твоё навеки, что забираешь себе, то пропало». Важно ещё, чтобы чуткое сердце подсказывало, как отдавать другому человеку именно то, что ему нужно в данный момент, в конкретной обстановке. Запомнился один эпизод из жизни Бориса Давидовича, о котором я прочитал в журнале «Костёр». Многомесячные морские переходы изматывают моряков физически и морально, даже самых сильных и опытных. В один из таких тяжёлых периодов, когда команде была нужна передышка и глоток свежих эмоций, Борис, тайком поработав несколько ночей, вывешивает рано утром в кают-

компании стенгазету, где с фотографий морякам улыбаются лица родных и близких. Эти снимки Борис всегда успевал делать в моменты радостных встреч, когда экипаж возвращался из дальнего плавания на родную землю.

Спасибо Вам, Борис Гессель, что Вы с нами, что Вы с «Глаголом»!

*Александр Рыбкин,
президент ассоциации «Глаголь»*

*Кабинет мэра Парижа, 2023 год
© Борис Гессель*

*Вид на Отель-де-Виль. В XII веке здесь находился
бойкий парижский порт. Париж 1997 год.
© Борис Гессель*

*Когда Париж боролся за Олимпиаду. 2017 год.
© Борис Гессель*

*Элисон Саар, скульптор из Лос-Анджелеса, воплотила
в бронзе и вулканическом камне образ африканской
женщины, держащей в руках золотой факел
и оливковые ветви. Париж 2024 год. © Борис Гессель*

НОВЫЙ ГЛАГОЛЬ

**Литературный
альманах**

Формат 66x88 1/16

Усл. печ. л. 19,7

Подписано в печать

28.07.2024

Печать офсетная